

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Уральский гуманитарный институт
Российское культурологическое общество

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2024

УДК 316.74:37
ББК 4110.8
К906

Рецензенты:

- О. Ю. Астахов*, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры;
И. В. Малыгина, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета;
Н. А. Симбирцева, доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета

Научный редактор:

- Н. Б. Кириллова*, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, заслуженный деятель искусств РФ

Авторский коллектив:

- О. Н. Астафьева (1.1.), Н. Б. Кириллова (предисловие, 1.3, 2.2, 3.1),
О. В. Шлыкова (1.2), О. Л. Девятова (2.1), Л. Б. Зубанова (3.2), П. А. Ляпустина (3.1), И. Я. Мурзина (3.3), М. В. Панкина (2.4), Л. В. Резанов (3.4),
С. А. Ситникова (1.5), Ю. А. Степанчук (2.3), Н. Г. Федотова (1.4)

К906 Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании : монография / О. Н. Астафьева, Н. Б. Кириллова, О. В. Шлыкова [и др.] ; науч. ред. Н. Б. Кириллова ; Министерство науки и образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. – 242 с. – 150 экз. – ISBN 978-5-7996-3804-7. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3804-7

В монографии рассматриваются теоретические и прикладные аспекты культурологии как науки и учебной дисциплины в системе общих проблем гуманитарного знания. Актуальность проблемы обусловлена тем, что глобализация и цифровизация как главные вызовы XXI века, трансформировали всю систему высшего образования, способствуя появлению в его структуре новых концептов и направлений, которые влияют на его аксиологические, онтологические, мировоззренческие функции. От приоритетов гуманитарных наук, включая культурологию, как и от качества самой системы образования, сегодня во многом зависит то, в каком направлении будут развиваться наше общество и все человечество.

Книга адресована специалистам гуманитарного профиля: теоретикам и историкам культуры, педагогам-практикам, социологам и философам, а также молодым ученым-гуманитариям.

УДК 316.74:37
ББК 4110.8

ISBN 978-5-7996-3804-7

© Астафьева О. Н., Кириллова Н. Б.,
Шлыкова О. В. и др., 2024
© Уральский федеральный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

Раздел 1

ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

1.1. Культурологический вектор современной культурной политики России	11
Культурологический подход как методологическая основа для развития полилоговой коммуникации	14
Культурологическое обоснование коммуникации субъектов культурной политики.	15
О культурологическом дискурсе и текстах культурной политики	19
Вектор социокультурного развития России в трех моделях культурной политики.	21
1.2. Динамика гуманитарного образования: аксиологическая и мировоззренческая функции.	27
1.3. Проблемное поле современного культурологического знания. .	42
1.4. Культурная память как объект изучения.	59
1.5. Народная художественная культура в системе образования и научного исследования	74

Раздел 2

ИСКУССТВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

2.1. Культурологические аспекты в системе преподавания дисциплин музыкального цикла	99
2.2. Модификация художественно-семиотической структуры экранной культуры как объект изучения	113

Пути становления и эволюции экранной культуры	115
От постмодерна к цифровой культуре	125
2.3. Проблемы интеграции цифровых подходов в преподавании гуманитарных дисциплин: к вопросу междисциплинарности	129
Гуманитарные исследования цифровой среды: особенности подходов	130
Digital humanities как опыт радикальной междисциплинарности	134
Проблемы внедрения цифровых методов в культурологическое образование	140
2.4. Трансформация проектной культуры в условиях цифровизации	143

Раздел 3

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

3.1. Практики современного музея как новой модели коммуникативной культуры и вопросы музейной педагогики	167
3.2. Археология как объект культурологического анализа: междисциплинарные связи и репрезентация в общественном сознании	185
Репрезентация археологического наследия в общественном сознании	187
Археологический памятник Аркаим: символическое значение и социокультурные практики освоения в региональном измерении	189
3.3. Региональная культура и развитие позитивной гражданской идентичности: актуальные задачи и перспективные направления . .	193
3.4. Идеи продвижения традиционного народного искусства и его влияние на духовное развитие личности (Из опыта Детской академии русской культуры)	209
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	217
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография – результат коллективного труда авторов, исследующих новые тенденции в системе современного культурологического образования как основы мировоззренческой подготовки будущих специалистов.

Разработка теоретических проблем культурологии так или иначе связана с междисциплинарным подходом и анализом в этой связи методологических проблем разных гуманитарных наук. В центре внимания авторов – традиции и новации в культуре, проблемы диалога и полилога культур, вопросы современной культурной политики и сохранения культурно-исторического наследия, проблемы виртуализации культуры и процессы цифровизации гуманитарного образования.

Глобализация и цифровизация приводят не только к интенсивному развитию информационных технологий, но и к социальной турбулентности, когда границы между теорией и практикой культуры становятся зыбкими, что приводит к кризису гуманитарных наук. Вот почему сегодня у культурологии, включая и систему культурологического образования, много нерешенных проблем и задач.

Дело в том, что в начале нового тысячелетия само понятие культуры трансформируется под влиянием процессов мультидисциплинарности и трансдисциплинарности. Новой социально-антропологической реальностью стала цифровая культура, в результате влияния которой актуализируются проблемы национальной идентичности. Речь идет о принципиально ином типе социально-культурного развития общества, меняющем характер взаимоотношений человека и социума и определяющем цели и смыслы их жизнедеятельности. Современная цифровая среда, представляющая собой совокупность новейших медиатехнологий,

применяемых в социально-культурной сфере, влияет на изменение ценностей, норм, стереотипов поведения человека. Основопологающим трендом эпохи является использование в системе современного вузовского образования искусственного интеллекта и цифровых технологий, способствующих как формированию у студентов универсальных общекультурных компетенций, так и развитию креативных способностей молодого поколения. Главная проблема заключается в алгоритмах взаимодействия гуманитаристики с естественно-техническими науками, способствующими развитию искусственного интеллекта и искусственного сознания; в том числе взаимодействие культурологии с капиталоемкой цифровой экономикой.

Сегодня в жизни молодежи большое место занимают социальные сети. Именно здесь социально-культурное пространство утрачивает физико-геометрические измерения и характеристики, поскольку экономика и механизмы коммуникации обретают «транспространственный», «виртуальный» и «тотальный характер» (М. Кастельс). В итоге социальное бытие (включая систему образования) в информационном обществе предстает не столько как набор сложившихся онтологических структур или устойчивых институций культуры, сколько как изменчивый поток смыслов, информации, как многообразие культурных ситуаций, поведенческих стратегий, жизненных стилей, инновационных технологий, адресующихся человеку.

Вот почему от приоритетов гуманитарных наук, включая культурологию, и от качества самой системы образования сегодня во многом зависит то, в каком направлении будет развиваться наше общество и человечество в целом. Какими будут сегодняшние подростки, молодые люди в будущем? Человеку перед всевластием технологий и искусственного интеллекта нельзя пасовать, сдавать свои нравственные позиции, а стойкость человека во многом зависит от силы воздействия и статуса в обществе культурологии как науки. Только с ее помощью можно сформировать гуманистическое мировоззрение человека. Только в этом случае станут реальностью мысли В. Библера о том, что в новом веке человечество перейдет «от наукоучения

к логике культуры» и сбудется пророчество К. Леви-Стросса о том, что XXI столетие будет гуманитарным.

Процессы, происходящие в науке и культуре на рубеже XX–XXI веков, привели к формированию новых парадигм в социально-гуманитарных науках, в том числе и в практике современного культурологического образования. Многие из перечисленных проблем стали основой исследований, описанных в данной монографии, авторы которой предприняли попытку проанализировать новые тенденции в системе современного культурологического знания как основы мироощущения личности.

В книге три раздела, каждый из которых дополняет и логично продолжает предыдущий. Отправной точкой первого раздела, авторы материалов которого – известные ученые, является культурологический вектор в современной культурной политике России (О. Н. Астафьева), отталкиваясь от которого выявляется динамика культурологического образования через анализ его аксеологической и мировоззренческой функции (О. В. Шлыкова), а также проблемное поле современного культурологического знания (Н. Б. Кириллова). Особое место в первом разделе занимают вопросы сохранения культурно-исторической памяти в контексте изучения *memory studies* (Н. Г. Федотова) и роль народной художественной культуры в системе современного образования и воспитания (С. А. Ситникова).

Во втором разделе в центре внимания исследователей – вопросы изучения искусства и новых цифровых технологий в образовании. Здесь анализируются культурологические аспекты в практике преподавания дисциплин музыкального цикла (О. Л. Девятова), приоритеты экранной культуры в контексте изучения модификации ее художественно-семиотической структуры (Н. Б. Кириллова), проблемы интеграции цифровых подходов в систему преподавания гуманитарных дисциплин (Ю. А. Степанчук) и трансформация проектной культуры в условиях цифровизации (М. В. Панкина).

Объект исследования в третьем разделе – социальные практики в культурологическом измерении. Здесь рассматриваются реалии жизни современного музея как новой модели коммуни-

кативной культуры, а также перспективы музейной педагогики (П. А. Ляпустина, Н. Б. Кириллова); археология и связанные с ней междисциплинарность и репрезентация в общественном сознании (Л. Б. Зубанова); актуальные задачи и перспективные направления региональной культуры в плане развития позитивной гражданской идентичности (И. Я. Мурзина). Интерес представляют идеи продвижения традиционного народного искусства, приобщение к которому является фактором духовного развития личности, рассмотренные на примере 25-летнего опыта работы Детской академии русской культуры на базе московской школы № 1579 (Л. В. Резанов).

Следует отметить, что в коллективной монографии широко представлен обзор отечественных и зарубежных исследований по проблемам гуманитарного знания, медиатизации общества, практики использования цифровых технологий и сетевого взаимодействия в образовательном процессе, что делает издание актуальным и востребованным как в теоретическом плане, так и в плане методологических вопросов современной педагогики.

Хочется верить, что монография «Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании» будет востребована и привлечет к себе внимание представителей гуманитарных и социальных наук: ученых и педагогов-практиков.

Н. Б. Кириллова,
научный редактор, доктор культурологии,
профессор, заведующая кафедрой культурологии
и социально-культурной деятельности
Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина

Раздел 1

ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

1.1. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Конфигурация социокультурного пространства, складывающаяся на наших глазах и при нашем участии, побуждает к обсуждению и переосмыслению ряда принципиальных вопросов, главные из которых связаны с необходимостью обоснования диалогово-полилоговой основы коммуникативной парадигмы современного этапа истории культуры России¹. Речь идет прежде всего о *факторах*, запускающих механизмы разработки и внедрения современной стратегии культурной политики и касающихся *научно-теоретических подходов* к пониманию культуры, сложившихся в науках о культуре; *ценностно-смысловых ориентиров*, формирующихся дискурсами разных субъектов культурной политики; *структурно-организационных параметров*. Признав автономию каждого из этих факторов, мы пониманием их взаимосвязь и взаимообусловленность, совокупное влияние на социальную и культурную динамику. Происходящие в каждой из групп факторов серьезные изменения в зависимости от конкретной ситуации определяют приоритеты развития культуры и, соответственно, цели и способы их достижения для разных субъектов культурной политики. В одних случаях это стимулирует организацию конкурирующими (в борьбе за доминирование конкретных исследовательских подходов) экспертными сообществами методологических поисков, позволяющих обосновать предлагаемые решения, в других – побуждает к управленческой активности и кардинальной трансформации принципов регулирования социокультурного развития.

¹ См.: Астафьева О. Н. Полилог культур как расширение диалогической парадигмы в условиях глобализации // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 78–101.

Эти факторы в равной степени влияют на три основных уровня культурологических исследований культурной политики: *на теоретический уровень* как основание для подготовки экспертных аналитических фундаментальных заключений, представляющий собой деятельность, направленную на получение новых знаний о закономерностях функционирования социокультурной сферы и динамике ее изменений; *на прикладной уровень*, на котором в исследовательских работах раскрываются механизмы внедрения инноваций в практику управления социокультурной сферой; *на дискурсивный уровень*, представленный текстами разной степени формализации смысловых опорных точек стратегии культурной политики. Каждый из них будет затрагиваться в этом разделе монографии, поскольку в той или иной степени обосновывает методологическую значимость культурологического поворота для оценки состояния и динамики социокультурной реальности.

Культурологический поворот ХХI века предопределен возрастанием потребности в междисциплинарном мышлении, необходимым для понимания усложненной полилоговой матрицы современной культуры с ее системой ценностно-смысловых связей, нелинейностью и неустойчивостью ее ткани, находящейся в процессе становления, не исключающей, а скорее стимулирующей общую направленность социокультурных процессов *на гармонизацию* потребностей общества в инновациях, с одной стороны, и в преемственности традиций и кумулятивности опыта, как имманентных свойств культуры описываемого типа – с другой. Культурологический поворот рассматривается нами как путь к обновлению модели культурной политики без слома сложившейся в современной культуре иерархии ценностей. Такая ориентация соответствует условиям устойчивого развития в глобализирующемся мире и иллюстрирует характеристики выделенных нами пусковых механизмов культурной политики, свидетельствующих:

1) о подвижности *ценностных оснований культуры и модернизации социокультурных практик взаимодействия людей* в условиях постиндустриальной экономики и расширения все-

проникающих процессов информатизации и цифровизации как на уровне специализированных (профессиональных) типов культуры, так и на бытовом уровне с гибкими переходами и тонкими границами между народной, массовой, актуальной культурами, взаимодействие которых приводит к появлению гибридных феноменов, требующих междисциплинарных исследований для разработки соответствующей диалогово-полилоговой основы коммуникативной модели культурной политики;

2) о потребности в обосновании базовых теоретических концептов культурологии в первую очередь концепта современной культуры, о необходимости достижения когерентной для государства и общества смысловой интерпретации, а также об актуальности и востребованности разработок категориального аппарата в философско-культурологических исследованиях экспертного сообщества в связи с ростом конкуренции между дискурсами разных субъектов культурной политики в борьбе за внимание всего общества и отдельных социальных групп (в том числе массмедиа, Интернет-сообществ, субкультурных объединений и др.);

3) о расширении спектра культурной деятельности и развитии новых секторов творческой активности, таких как креативные индустрии, требующие всестороннего исследования с использованием методологических ресурсов междисциплинарного подхода, теоретической концептуализации в культурологии и определения принципов их функционирования на нормативно-законодательном уровне, обеспечивающем основания для проведения структурно-организационных изменений в рамках принятой модели культурной политики².

Прежде чем мы перейдем к обоснованию модели культурной политики, формируемой культурологическим вектором, позволим себе высказать краткие уточнения относительно культурологического подхода и культурологического дискурса в контексте вопроса о векторе социокультурного развития России.

² См.: Астафьева О. Н., Ахмадиева Р. Ш. Креативный сектор инновационной образовательной среды вузов культуры // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 3. С. 228–240.

Культурологический подход как методологическая основа для развития полилоговой коммуникации

Если до недавнего времени в гуманитарных науках серьезные дискуссии вызывал сам факт официального признания статуса культурологии как научной дисциплины, обостряемый спорами о ее методологическом фундаменте, то к настоящему времени наряду с исследованиями взаимоотношений между разными гуманитарными науками (тема по сути неисчерпаемая для теоретических работ) уже отчетливо прослеживается активное обращение к культурологическому анализу, который нередко отождествляют с междисциплинарным подходом, и признание влияния культурологического дискурса на культурную политику, определяющую вектор развития России.

Становление научного языка и категориального аппарата культурологии, расширяющего возможности изучения сложной социокультурной реальности, оказывает влияние на социально-гуманитарное знание, изменяя не только ценностно-смысловые рамки познавательных ориентиров, но и понимание предмета исследования, методологических конструктов, будь то философия информации, философия техники или экономика³. Лингвистика, эстетика, а также искусствоведение, где междисциплинарный ракурс истории культуры предполагает выход за пределы искусствоведческих и эстетических подходов при изучении художественной культуры⁴, испытывают силу воздействия наук о культуре. Эвристичность культурологического подхода к исследованию искусства позволяет культурологу в текстах искусства раскрывать пласт обыденной культуры с бытовыми подробностями человека и одновременно при таком междисциплинарном подходе открывать «глобальные смыслы философских систем, и художественные образы, и общественные тенденции, и глубин-

³ См.: *Исакова Н. В.* Культурология как наука // Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Научный альманах. Вып.2. Культурологические интерпретации социальной динамики. М., 2011. С. 59–60.

⁴ См.: *Хренов Н. А.* Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски: монография. М., 2024. С. 11.

ную символику, скрытую повседневностью»⁵. Этот новый тип познания культуры, причем не только относительно приведенного нами примера с искусствоведением, символизирует переход к новой методологической парадигме в гуманитарном знании в целом, предопределяя следующие перемены в понимании процессов социокультурного развития России.

Как с теоретической, так и с практической точки зрения интересным представляется выявление возможностей и ограничений культурологического подхода к разработке коммуникативной модели в условиях многосубъектности культурной политики, этот процесс предполагает достижение определенного уровня смыслового взаимопонимания⁶. *Суть коммуникативной модели культурной политики* – в поиске точек соприкосновения, в открытости для дискуссии, в обмене оценками обсуждаемой проблемы, в достижении общего результата, во взаимодействии ради принятия общего решения с учетом мнений каждого участника. В этом ее сила и одновременно сложность ее распространения.

Культурологическое обоснование коммуникации субъектов культурной политики

Актуализирующаяся потребность в совместных действиях и в формировании общего взгляда на смысловые подходы к пониманию культуры, утвердила значимость принятия *общего кода* коммуникации субъектов культурной политики. Более того, связь между субъектами разного уровня не может быть простой трансляцией информации «по вертикали», прежде всего, в силу отказа от практики линейного механического переноса тождественной информации с одного уровня администрирования на другой. Однако и этого недостаточно, поскольку в управленческой де-

⁵ Кантор В. К., Киселева М. С. Культурологический подход к исследованию искусства // Эстетические исследования: методы и критерии. М., 1996. С. 107.

⁶ См.: Астафьева О. Н. Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий // Культурная политика: от стратегии государства – к управленческим решениям организаций: Сб. ст. Вып. 9. М., 2022. С. 28–46.

тельности точная передача смыслов и понимание достигается не только за счет наличия «общего кода» коммуникации, но и за счет качества коммуникации.

Соответственно, для принятия управленческих решений государству как одному из основных субъектов больших социокультурных проектов *важна обратная реакция участников коммуникации и возможность интенционального понимания для адекватных последующих действий на основе общезначимых ценностных ориентиров*. Это касается прежде всего вопросов достижения взаимосогласованных смыслов, таких как мотивация в освоении «общего кода» для открытой коммуникации с обратной связью. Говоря о «метаправилах» коммуникативного сообщества⁷, К.-О. Апель подчеркивает, что «общие коды» и нормативные тексты определенной смысловой направленности разрабатывает *научное сообщество, которое не может быть простым наблюдателем*, а способно к участию в различных дискуссиях при условии независимости и соблюдения *критической дистанции*, обеспечивающей высокое качество коммуникации⁸.

Разработка оснований для объективной семантической референции является предпосылкой продвижения к закреплению *семантического каркаса*, обеспечивающего не только взаимопонимание субъектов на базе языка⁹, но и формирующего коммуникативную ситуацию открытости для согласования разноуровневого социокультурного стратегирования и межведомственных связей с целью осуществления эффективного взаимодействия.

В качестве такого семантического каркаса выступили «Основы государственной культурной политики»¹⁰ и «Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации

⁷ См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 220.

⁸ Там же. С. 253.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Об основах государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 №808 // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (дата обращения: 22.11.2023).

на период до 2030 года»¹¹, которые вместе с национальным проектом «Культура» и «Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и сегодня выполняют функцию фундамента, скрепляющего уровни стратегирования (от федерального через региональный к локальному)¹².

Как показали события, связанные с процессом подготовки «Основ государственной культурной политики» и возможностью участия в их разработке культурологического сообщества, о чем мы ранее уже писали, реализация стратегии социокультурного развития на всей территории России – сложнейший процесс комплексных и последовательных качественных изменений, экспертное обоснование и научно-исследовательское сопровождение которого – это не тиражирование (читай: копирование) даже самых качественно подготовленных текстов и сообщений, а *проводимый властью дискурс, включающий комплекс идей перспектив развития культуры старны, складывающихся в определенные смыслы, целостное представление о социальной и культурной динамике, об идущих и предстоящих практических изменениях в стране*, отвечающий принципу целенаправленного управления.

По нашему мнению, в настоящее время культурологические основания вектора изменений, с одной стороны, направлены на формирование единого культурного пространства с общей «семантической рамкой», поскольку скрепляются *идеями преемственности поколений и историчности процессов социокультурного развития России*, вписанных во временные и пространственные координаты прошлого, настоящего и будущего. При всей хаотичности, фрактальности этих процессов их

¹¹ См.: Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 №326 // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

¹² См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9.11.2022 №809 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 22.11.2023).

целостность обеспечивается *культурной памятью поколений, общим культурным кодом*, в основе которого лежит культурное наследие страны.

С другой стороны, противоречивость *представлений об усложненной повседневности, отражающих современную социокультурную ситуацию*, характеризующуюся включенностью людей в реальную и виртуальную систему социальной и культурной жизни, освоение и внедрение ими заимствованных практик, которые нередко успешно встраиваются в пространство традиции и/или, напротив, трансформируют их ценностно-смысловые рамки, приводит к неоднозначности оценок факторов социокультурной динамики. Вместе с *практиками проектирования и продвижения концепций децентрализации в культуре* (репрезентации в духе постмодернистской и постпостмодернистской теорий, эпатажная демонстрация обществу различий, «игровизация» образования, «шоутизация» политики, «театрализация» жизни) ресурсами культурной политики поддерживаются адекватные технологии перехода к коммуникативной парадигме.

Ориентация на взаимопонимание и содействие интерсубъектному общению предполагает взаимообмен разными идеями и положениями между субъектами, который нацелен на *достижение конвенциональности конструктивной семантики* – принятие государством (как субъектом масштабных стратегических социокультурных проектов развития) эффективных решений, разделяемых субъектами всех уровней стратегирования.

Несомненно, многосубъектность культурной политики допускает потенциальную возможность уточнения управленческих подходов в рамках утвержденной стратегии на местах. Следует иметь в виду, однако, что разработка стратегии культурной политики территорий разного масштаба возможна при адекватной научно-экспертной оценке состояния социокультурного пространства в целом, а также при сохранении общего вектора развития.

О культурологическом дискурсе и текстах культурной политики

Заметим, что тему культурной политики обсуждают и в аспекте стратегического вектора, и в аспекте культурологического дискурса, базирующегося на актуальных идеях динамики культуры, все четче обозначающихся в контексте разнообразных интерпретаций и объяснений социокультурного развития, которые разбросаны в экспертных высказываниях в СМИ и на Интернет-ресурсах, в научных статьях и модных подкастах¹³. Это требуется для того, чтобы понять вектор и определить перспективы развития современной России, разобраться, насколько базовые смыслы находят опору в доминирующей в обществе ценностной системе социальных координат, интерпретируемой и развиваемой гуманитарным знанием, поддерживающейся нормативно-правовой базой¹⁴. Однако в современной социокультурной ситуации и в связи с происходящими событиями востребованность культурологической оценки возрастает.

Разумеется, мы должны понимать, что не только формирование теории культурной политики и изучение фундаментальных проблем развития культуры и социокультурной динамики, но и экспертная оценка документов и материалов идей и концептов, представляемых государством обществу, а также действующая сегодня стратегия государственной культурной политики требует дополнений, точных ценностно-смысловых оценок и новых структурно-институциональных изменений, адекватных динамично развивающейся социокультурной реальности.

Гибкий подход к стратегическому планированию позволяет использовать открытость для внесения корректив, будь то теоретическая область, где ядро идей выступает основой концепций теоретической и логической смысловой основы (не разрушая при этом семантической рамки), или аналитика ситуации, где взаимодействие

¹³ См.: Кириллова Н. Б. Языковые трансформации медиатекста как фактора репрезентации реальности // Вестник ВГИК. 2017. №3 (33). С. 98–107.

¹⁴ См.: Астафьева О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, №6. С. 574–585.

людей определяется языком культурологического текста, посредством которого дискурсивно продвигается диалогово-полилоговая идея. Независимо от вида деятельности ученых-культурологов, создающий пространство интертекста, связывающего общество с опытом прошлого и новым символическим пространством, с его маркерами цифровой культуры, помогает обществу адекватно воспринимать динамику современной культуры и формировать пространство метатекста с определенной «семантической рамкой», который составляет основу культурологического дискурса. И этот дискурс обладает очень серьезным креативным потенциалом, поскольку в его основании заложены фундаментальные положения наук о культуре, отражающие сложность поисков смыслов современной культуры и нацеленности на сохранение ее центрального ценностного ядра, позволяющего воспроизводить культурные коды, не изолируясь от глобально-цивилизационных процессов. Эти фундаментальные положения мы определили так:

1) устойчивость нравственных оснований и этических принципов культуры разных народов, проживающих на территории России; значимость языка, традиций и культурного наследия, как основы культурного кода;

2) гибкий подход и особый тип интерпретации философии глобальной культуры, которая в условиях становления многополярной парадигмы трансформирует иерархию ценностей и сохраняет свое влияние, но не устраняет многообразие этнонациональных идентичностей;

3) переосмысление и обоснование идей цивилизационной идентичности на базе интеграции в рамках Большой Евразии, стимулирующих обновление диалогово-полилоговой модели в потоке глобализирующейся культуры и геополитических трансформаций¹⁵.

Культурологический дискурс, развивающий эти идеи, укрепляет почву для социального единства и взаимодействия субъек-

¹⁵ См.: Астафьева О. Н. Смыслы культуры в контекстах и дискурсах культурной политики России // Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов : [сайт]. URL: <https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2022/dokladi/Astafeva.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

тов культурной политики, позволяя им адекватно интерпретировать тексты, что не снижает рисков неточного понимания вектора развития¹⁶ в силу узости «горизонта истолкования» (Л. А. Микешина¹⁷) и когнитивных барьеров, а также по причине отсутствия структурного и организационного взаимодействия.

Вектор социокультурного развития России в трех моделях культурной политики

В процессе разработки теории культурной политики нами последовательно предлагались разные концептуальные основания и принципы для моделирования культурной политики: введение в качестве целевых ориентиров, скрепляющих вектор социокультурного развития, параметров порядка культуры; выделение принципов и уровней культурной политики, обеспечивающих инновационный подход к управлению социокультурными процессами; разработка многоуровневой модели культурной политики и ее развертывание в контексте управленческих задач в социокультурной сфере; обоснование диалогово-полилоговой основы и коммуникативной модели культурной политики и др.

Продолжая размышлять о целостности культуры, о многообразии подходов к обоснованию моделей культурной политики, мы обратили внимание на то, что для достижения согласованности смыслов культурной политики формируются разные модели, сосуществующие и/или конкурирующие между собой, но вокруг каждой из них разворачивается самостоятельный культурологический дискурс. Это обеспечивает понимание целостности культуры как совокупности традиции и памяти, творчества и созидания, проектирование культурных трендов, сдерживающих сверхсложные изменения в глобализирующемся мире. И, соответственно, используемые в работах по вопросам культурной

¹⁶ См.: Астафьева О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики...

¹⁷ См.: Микешина Л. А. Интерпретация как конститутивное условие и базовая операция познания // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод: [кол. монография]. М., 2014. С. 169.

политики модели «меценат», «помощник», «архитектор» и т. д., по существу, уже выполнили свою культурно-историческую миссию. Не хотелось бы сравнивать и противопоставлять работы исследователей, но российскими культурологами в этом плане сделано очень многое. Однако слабость научно-информационных дискурсов связана с активностью той части исследователей, которые занимаются собственным позиционированием и презентацией, продвигающих свои идеи. С одной стороны, это похвально; с другой стороны, это мешает объективному восприятию инновационных моделей других участников и, соответственно, лишает нас точности понимания траектории изменений. Наша отсылка к формированию культурологического дискурса более чем уместна, поскольку им стимулируется создание, обсуждение и оспаривание иного понимания событий и действий. Отсюда следует, считает С. А. Кравченко, что «нужно *не противостоять* (курсив наш. – О. А.), а принять факторы неопределенности, используя их для общественно значимого функционального развития, имея также в виду, чтобы они в принципе были управляемы институциональными структурами в целях гуманизации человеческих отношений»¹⁸.

Исходя из такой исследовательской установки, предлагаем сконцентрировать внимание на базовых характеристиках *трех подходов к стратегии культурной политики России и заложенных в них ценностно-смысловых хронотопах* как обобщенных качественных координатах предлагаемых концептов, дискурсов, нормативных схем, образующих основания для признания формирующихся альтернативных субмоделей культурной политики. Дело в том, что фиксируемая сложность нынешней модели культурной политики связана с многовекторностью социокультурного развития России, утверждающей себя в новой конфигурации глобального мира. Вот почему наше внимание сфокусировано на полях напряженности, на снижении ситуативности в публичной политике, на обращении к ресурсам стратегического программно-проектного управления, что может быть обеспече-

¹⁸ Кравченко С. А. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации: монография. М., 2018. С. 79.

но только посредством достижения динамической устойчивости и целостности самой модели культурной политики.

«Семантическая рамка» первой из обозначенных стратегий культурной политики России поддерживается *охранительно-конвенциональным подходом*, суть которого заключается в отстаивании самобытности национальной культуры в контексте глобальных перемен, и выводит в центр внимания два вопроса: 1) вопрос об основаниях российской культуры, вливающейся в глобализирующийся мировой поток, и принципах/формах регулирования процессов сохранения ее сложной этнонациональной и поликонфессиональной специфики; 2) вопрос о сохранении имманентных качеств российской культуры, базирующейся на синтезе идей славянофильства, западной рационалистической философии, восточных традиционных представлений, в итоге – предъявляющей через политические институты комплексную (и по своим составляющим элементам, и по принципам трансляции) идею евразийства. Этот подход реализуется посредством механизмов публичной политики, в том числе через институциализирующуюся систему массовой культуры и каналы масс-медиа, которые зачастую упрощают и искажают содержание охранительно-конвенционального подхода. Эта линия зачастую приводит к появлению архаических тенденций, и без культурологической экспертизы затруднительно провести различие с охранительными процедурами и пониманием традиции.

С учетом сложного публичного контекста одна из дискуссионных осей в дискурсах субъектов культурной политики России этого направления связана с центральным понятием «традиционные культурные ценности». Налицо сложности объективного и субъективного порядка, связанные с трактовкой и интерпретацией этого понятия, с попыткой упрощения и игнорирования того, что в таких понятиях «есть несколько уровней смысла – общечеловеческий (как своеобразный инвариант различных культурных традиций), весьма абстрактный, фиксирующий основания любого человеческого бытия; уровень смыслов, выражающий особенности той или иной культуры соответствующей исторической эпохи; и, наконец, уровень, выражающий личностные и социально-

групповые интерпретации универсалий культуры, репрезентирующий мировоззренческие установки личности и социальных групп (классов, сословий, кланов и т. п.)»¹⁹. Под влиянием множества социокультурных факторов происходят исторические реконструкции и переосмысливается система ценностей и мировоззренческих ориентиров субъектов культуры. Активное принятие и усвоение концепта «традиционные культурные ценности» во всей многоуровневости смыслов начались благодаря координации и «запуску» механизма самоорганизации путем управленческих воздействий, направленных на критическое переосмысление и расширение выбора средств формирования традиционных культурных ценностей. Заинтересованность участников дискуссий в достижении общего решения проявилась в следовании *универсальным принципам коммуникации*, таким как продвижение от целого к частям и от частей к целому как пути к взаимодействию. И этот поиск взаимопонимания субъектов культурной политики в очередной раз показал эвристичность коммуникативной модели: в итоге в структурно-процессуальном аспекте это был путь от формирования дискурса до принятия стратегических решений как возможность осознания проблемной ситуации и ее значимости для развития отечественной культуры, а также – предложение варианта ее решения в рамках охранительно-конвенционального подхода к культурной политике России.

Не менее очевидны основания для формирования иного по своему ценностно-смысловому хронотопу *модернизационно-мобилизационного подхода к обоснованию стратегии культурной политики России*, ориентирующего общество на укрепление человеческого капитала, новый образ жизни, благосостояние и повышение качества жизни, что обусловлено: 1) ростом дифференциации ценностных оснований, расширяющих спектр социокультурных и институциональных элементов социализации; 2) модернизацией социокультурных практик взаимодействия

¹⁹ Стёпин В. С. У истоков новой методологии историко-философских исследований (методологические идеи М. К. Петрова) // Петров М. К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография. Ростов-на-Дону, 2015. С. 384–385.

людей в условиях постиндустриальной экономики; 3) социокультурными инновациями по стимулированию новых секторов креативных индустрий и др.; 4) внедрением в повседневную и специализированную культуру новых форматов цифровой и медиасреды, расширением функций медиainститутов.

«Собственно поляризация различных ценностно-смысловых и идеологических позиций субъектов в культуре и есть главный способ саморазвития культуры – через обострение противоречий и их разрешение, снятие, через постановку насущных проблем общественного (и культурно-исторического в том числе) развития и различное решение этих проблем, через сменяющие друг друга дифференциацию и интеграцию мировоззренческих и стилевых “линий” всего культурно-исторического процесса, – социокультурную интересубъективность»²⁰.

В ситуации разновекторности социокультурных процессов естественным становится обращение к *коммуникативному подходу*, обеспечивающему «расширение числа оснований для социальной солидарности людей (и, соответственно, их идентичности)»²¹, для взаимодействия субъектов культурной политики, способствующего установлению диалогических или полилоговых отношений. Совокупность общественных отношений множества агентов и институций с их практическими схемами непрерывного процесса становления/переконструирования социокультурного пространства образует коммуникативную модель культурной политики²².

На изменение отношения к информационно-коммуникативным инструментам культурной политики, способным трансформировать когнитивные, поведенческие и мыслительные процессы человека и массовое сознание общества, ука-

²⁰ Кондаков И. В. Интерактивность культуры // Человек как субъект культуры. М., 2002. С. 173.

²¹ Флиер А. Я. Вектор культурной эволюции // Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Научный альманах. Вып.2. Культурологические интерпретации социальной динамики. М., 2011. С. 134.

²² См.: Астафьева О. Н. Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий...

зывается в стратегии национальной безопасности²³. Тем самым при оценке воздействия различных дискурсов актуализируется вопрос о коммуникативных эффектах, выражающихся в когнитивных и поведенческих откликах индивидов, социальных групп и всего общества. В коммуникативном подходе не последнее место занимает вопрос целесообразности расширения установочных ориентиров для получателей информации с целью повышения коммуникативных эффектов и реагентности аудитории при усилении противоречий и искажении ценностных ориентаций, нарастании информационных шумов, фейковизации²⁴.

Завершая главу, позволим себе сделать краткие выводы.

Во-первых, очевидно, что конкуренция подходов в борьбе за ведущий вектор стратегии культурной политики проявляется на разных уровнях: нормативно-законодательном; ценностно-смысловом (политизированные дискуссии, конкурирующие дискурсы²⁵); структурно-организационном. Во-вторых, для закрепления коммуникативной модели культурной политики, на наш взгляд, в рамках культурологического поворота необходим комплексный подход, поскольку нужно завершить игры с культурной памятью и искажением прошлого, стимулировать творческую активность людей в настоящем, формировать потребности в культурном саморазвитии.

В-третьих, обозначенная в этом разделе типология подходов к разработке стратегии культурной политики России фиксирует исторически сложившуюся ситуацию, касающуюся смыслов культуры и актуализирует вопрос о полномочиях субъектов культурной политики разных уровней и координации их работы, о возможном включении идей этих субъектов в общую страте-

²³ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 // Про Президента. Неофициальный сайт : [сайт]. URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html> (дата обращения: 04.11.2023).

²⁴ См.: Фролов С. С. Возможности воздействия на целевую аудиторию на основе практики убеждающей коммуникации // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 1. С. 92–94.

²⁵ См.: Астафьева О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики...

гию культурной политики России. И это вопрос не только формы отношений и системы коммуникации, но и путей решения проблемы содержания и смысла культурного развития страны.

1.2. ДИНАМИКА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ

В настоящее время происходят существенные изменения в сфере образования. Это связано с тем, что перемены в экономике, общественной жизни и культуре требуют трансформации системы подготовки специалистов, выработки новых механизмов адаптации к жизни человека, обладающего необходимыми социальными и профессиональными качествами. Система образования является «самым опасным местом» современной цивилизации, но одновременно оказывается и самой главной надеждой. «Образование есть мост, ведущий к новому устройству нашего культурного мира, так как только переводя каждого по этому мосту, можно что-то изменить в человеке»²⁶, – утверждал В. С. Библер.

В российской образовательной традиции, ориентированной на широкое универсалистское развитие личности, общегуманитарная составляющая, формирующая общекультурную позицию личности, всегда занимала заметное место. Именно эта особенность российского образования открывает сегодня чрезвычайно широкие перспективы в связи с активно протекающими в наши дни глобальными процессами.

Культурная миссия вузов, безусловно, направлена на сохранение и развитие лучших традиций отечественной и мировой культуры, на консолидацию общества и на преодоление глобальных проблем: этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на почве нарушения прав личности и неравноправия национальных культур и различных конфессий.

В современной ситуации нестабильности значимым в жизни современной России становится вопрос сохранения глубинных

²⁶ Школа диалога культур : Идеи, опыт, перспективы : [Сб. ст. / Под общ. ред. и с предисл. В. С. Библиера]. Кемерово, 1993. С. 28.

основ и уникального своеобразия отечественной культуры и системы культурологического образования. Россия продвигает стратегию защиты своей культурной самобытности, включающую реализацию принципов суверенитета, равенства культур, защиту культурного разнообразия, сохранения культурного наследия. В данном контексте современное понимание культурной и образовательной политики обусловлено представлением о ключевой роли культуры в общественном развитии. Общей тенденцией является выдвижение на первый план человеческого капитала, его приоритетов и ценностей. При этом важной является проблема человека как источника и центра изменений, в котором «...культура в широком понимании ее как смыслосозидающей силы способна направить социальные и технологические изменения в гуманистическое русло и укрепить перспективы будущего развития человечества»²⁷.

Кризис смыслообразующих жизненных и профессиональных ценностей ведет к кризису идентичности, к деформации самосознания человека, к отчуждению личности от собственной истории, к утрате смысла жизни и профессиональной деятельности. Такую ситуацию нередко определяют как нахождение человека в точке бифуркации, или даже в бифуркационном поле, в котором сходятся подчас разнонаправленные ценностные смыслы.

О ситуации нахождения в «ценностном бифуркационном поле», о необходимости преодоления «аксиологической депрессии»²⁸ (термин А. Маслоу), «ностальгического сознания», авторитарности консервативно-охранительного стиля преподавания, имитации новаторства и об обретении педагогом на личностном уровне новых ценностных основ своей деятельности пишут философы, социологи, культурологи²⁹. В работах исследователей всё отчетливее звучит проблема формирования развитого цен-

²⁷ Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания: [кол. монография] / О. Н. Астафьева, К. Х. Делокаров, В. К. Егоров [и др.]. М., 2019. С. 2.

²⁸ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999. 425 с.

²⁹ Лобанова Ю. В. Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2, № 2. С. 113–118.

ностного сознания, которое рассматривается как «новая форма мировоззрения»³⁰.

Применительно к системе образования мировоззренческая функция заключается в формировании культурной картины мира и выработке прежде всего культурологического мышления. В свою очередь, аксиологическая функция способствует развитию таких компетенций, благодаря которым человек соотносит явления и факты культуры с их местом в реальности и в структуре ценностей мира, включая объекты в общее поле культуры.

В разработанных законопроектах Российской Федерации (Федеральный закон «Об образовании»³¹, «Основы законодательства РФ о культуре»³²) обозначены приоритеты государства в отношении образования в сфере культуры и искусств, в том числе художественного образования. С одной стороны, это реализация права человека на образование, культурный параметр развития страны, с другой – специализированная эксклюзивная подготовка творческого поколения, будущей культурной элиты.

В истории культурологического образования 1990-е годы стали моментом подъёма и расцвета культурологии, поскольку в кризисные моменты потребность в обобщении представлений о мире, в создании чего-то концептуального, что способно в условиях хаоса сформировать в сознании человека целостную картину мироустройства, – обнажается особенно остро. Культурология с ее установкой на анализ, а не на описание, с изначальным допущением наличия связей между многочисленными фактами и явлениями как раз и предлагает такое концептуальное видение процессов.

Особая «ниша» культурологии, ее значение для формирования панорамно-целостного представления о мире во многом об-

³⁰ Розов Н. С. Устойчивое развитие и ценностное сознание. Новосибирск, 1994. 30 с.

³¹ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (посл. редакция) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 02.12.2023).

³² Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. Верховным советом РФ 09.10.1992 № 3612-1; ред. от 10.07.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 13.12.2023).

условлена предлагаемым этой наукой медиальным, срединным уровнем рассуждений, на котором органично стыкуются конкретные факты, памятники и представления о тенденциях, закономерностях, в которые эти факты и памятники укладываются, и плоскостях, в которых они взаимодействуют.

Создание ассоциации вузов культуры и искусств, разработавшей уникальную отечественную систему образования в области культуры в начале двухтысячных годов стало важным шагом на пути сближения российской и мировой систем культурологического образования.

Образование и культура как два генетически связанных процесса (антропо- и социогенез) актуализируют задачу формирования единой культурной политики, охватывающей культуру образования в целом и образование в сфере культуры и искусств. Образовательная и культурная доминанта в современном глобальном мире выступает движущей силой и главным фактором модернизационных процессов в обществе. Открываются возможности для динамичного включения личности в мировые глобализационные процессы, при этом актуализируется проблема сохранения ее культурной идентичности. Глобализация с ее мощными потерями и обретениями провоцирует поиск новых идей и подходов к преобразованию картины мира и самого себя. Гуманистический характер преобразований во многом определяет уровень культуры современного образования, масштабы культурного пространства, в котором оно функционирует. В работах С. Н. Иконниковой³³ справедливо отмечено, что общность культурного пространства России предполагает его региональность, ибо из «дробного множества» создаётся целая система, в которой все регионы взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Многозначность и эластичность термина «российский регион» предполагает горизонтальную асимметричность регионального деления, разностатусность субъектов РФ, неравномерность развития инфраструктуры, диспропорции в распределении бюджета на культуру и т. д., которые в одних регионах порождают

³³ Иконникова С. Н. Культурное пространство как ценность и национальное достояние // История культурологических теорий. СПб., 2005. С. 35–55.

деструктивные процессы, повергая их в «культурное капсулирование», в других – стимулируют формирование уникального бренда³⁴.

При этом сущностными чертами культурного пространства служат не территории, а сама природная среда, аура родственных и этнических отношений, оценок, предпочтений, традиций, ограниченность и обозримость происходящих социокультурных процессов. Поэтому позитивной является позиция исследователей, которые выделяют основной вектор глобализации от раздробленного многообразия к единству в многообразии.

По данным исследований Института социологии образования РАО³⁵, можно выделить ряд параметров, по которым различаются образовательные учреждения регионов:

- социокультурный портрет региона;
- условия учительского труда;
- уровень профессиональной подготовки педагогов в регионе;
- социально-демографическая привлекательность региона и качество образовательных услуг;
- материальное благосостояние населения;
- наличие долгосрочных инвестиций в сферу образования, социальная политика по воспроизводству и поддержке кадров;
- исторически сложившийся культурный фонд региона;
- развитие профессионального образования и уровень безработицы.

Основной вызов современной России связан с использованием «образовательного драйва» будущего поколения для обеспечения устойчивого развития общества. Важным в связи с этим является взгляд на культуру в новой государственной модели, обеспечивающей переход от «государства-мецената» к «государству-инвестору», вкладывающему основные инвестиции в будущее, в интеллектуальный потенциал страны. При большой разнице состояний образовательных систем регионов

³⁴ Ирхен И. И. Векторные процессы культурной политики и художественное образование в современной России // Вестник МГУКИ. 2010. №5. С. 152–157.

³⁵ Никитенко В. Н. Образование как социально-педагогическая и междисциплинарная категория // Педагогика. 2010. №10. С. 21–25.

очевидно, что наряду с культуроориентированной парадигмой (М. М. Бахтин³⁶, В. С. Библер³⁷), в которой образование понимается как форма трансляции культуры и реализации духовной составляющей личности, в современных реалиях всё большее влияние обретает функционалистская парадигма, которая ориентирована на социальный заказ и подготовку узких специалистов. Вхождение России в Болонский процесс обострило проблему унификации образования по западному образцу.

Рынок с его прагматичными установками заинтересован в профильных ограничениях деятельности, что в конечном итоге формирует «одномерного человека»³⁸. Баланс между культуроориентированной и функциональной парадигмами предопределен в таком уникальном феномене как вуз культуры и искусства, особенностью которого выступает синтез образования и культуры, т. е. соединение различных видов искусства в пределах единого образовательного учреждения, обеспечивающее «ансамблевость» и органичность функциональной подготовки кадров. Динамика исторического развития образования в сфере культуры сопровождалась соотношением процессов сохранения преемственности, традиций и внедрением инноваций, их взаимообусловленностью.

В постиндустриальном обществе культура и образование становятся стратегическим приоритетом и основополагающим инструментом прогрессивного развития человечества. При увеличении темпа общественных перемен роль культуры возрастает: она перемещается с периферии в центр социальных интересов и общественного внимания³⁹. В условиях глобального цивилизационного кризиса первостепенной задачей становится формирование мировоззрения нового поколения на основе гуманистических

³⁶ См.: Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб, 2000. 336 с.

³⁷ См.: Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.

³⁸ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. 368 с.

³⁹ См.: Абанкина Т. В. Тенденции и модели использования культурных ресурсов для устойчивого регионального развития // Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. Кн. 3. М., 2007. С. 314–315.

ценностей, культурного и научного наследия с использованием современных, в том числе цифровых, технологий. Сложный тип государственного регулирования и управления культурой невозможен без развития общекультурных компетенций, среди которых важное место занимают синтез различных видов культуротворчества, выявление жизнеустойчивых подходов к пониманию миссии человека в стремительно меняющейся системе ценностей; разработка новой модели освоения мироустройства, связанной с использованием и воспроизводством гуманитарных ресурсов, интеллектуального потенциала; развитие культурологического образования, ядро которого составляют этические идеалы, ценности и социокультурная идентичность всех слоев общества в его культурном разнообразии. В структуре духовной безопасности общества принципиально важными выступают такие ее компоненты, как культурная самобытность и право на независимость; стабильность и устойчивость функционирования политической системы; способность национальных образования и культуры к динамичному саморазвитию, в том числе и на основе инновационных, информационно-коммуникационных изменений.

Региональная специфика обуславливает формирование различных направлений подготовки кадров в российских вузах культуры и искусств (например, обучение в Челябинском государственном институте культуры таким народным промыслам, как камнерезное дело, сохранение и развитие традиций уральского искусства самоцветов, или обучение горловому пению, косторезному искусству в Арктическом институте культуры и искусств в Якутии и др.). Регионы Российской Федерации способны диверсифицировать свою экономику и сделать ее более устойчивой, используя имеющиеся ресурсы культурного наследия, развивая туризм и *весь кластер* креативных индустрий. Темпы модернизационных преобразований существенно возрастают за счёт появления новых типов услуг, прежде всего электронных. Возникает проблема устранения медийной неграмотности, когда уровень образования всё большего числа людей не позволяет полноценно жить и работать в современном обществе, активно использующем компьютерную технику. Совершенно очевидна необходи-

мость рефлексии культурных процессов в контексте электронно-коммуникационных технологий, стремительно ворвавшихся в современное общество, а также оценки культурной значимости самих новых технологий, испытывающих влияние со стороны культуры и одновременно трансформирующих ее, обогащающих культурологическое знание и социокультурную практику. Приоритетным направлением культуры как стратегического ресурса в XXI веке выступает электронная культура.

На сегодняшний день ни одно из учреждений культуры не может автономно решить проблему информационного дефицита, обеспечения открытого доступа к информации, ее обработке, защите, в том числе интеллектуальной собственности, информационного обмена и др. Оптимальным инструментом в данной связи является координация усилий государственного и коммерческого секторов в культуре (особенно в части государственно-частного предпринимательства), административных органов, учреждений культуры, академических институтов и образовательных учреждений в разработке современной модели электронной культуры, позволяющей создать механизм управления и интеграции электронных ресурсов культуры и, соответственно, новой организационной инфраструктуры страны как культуры новых возможностей.

В настоящее время мы наблюдаем изменение не только парадигмы социальной жизни, но и парадигмы образования.

Образование становится таким социокультурным институтом, который должен представлять человеку разнообразные наборы образовательных услуг (позволяющих учиться непрерывно), обеспечивать широким массам людей возможность получения послевузовского и дополнительного образования. Для этого необходимо диверсифицировать структуру образовательных программ, дав возможность каждому построить ту образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует его образовательным и профессиональным способностям, таким образом создав содержательную основу для перехода к принципу «образование для всех».

Дифференциация научного знания приводит к тому, что количество научных дисциплин уверенно возрастает. Существует

экспертное мнение, что их число в мире достигает уже 75 000. При этом в каждом историко-культурном цикле можно выявить условия и факторы, стимулирующие появление новых наук. В каждой из наук можно определить как универсальные признаки науки, так и те специфические особенности, которые позволяют понять ее природу, особый статус и логику встраивания в систему научного знания. И хотя ещё Иммануил Кант писал, что в любой науке ровно столько науки, сколько в ней математики, не все современные науки основаны исключительно на математических моделях, напротив, часть из них лишена измерительной процедуры и фокусирует внимание больше на человеке, его миропредставлении, мироощущении, способах освоения картины мира.

Кроме того, в настоящее время в условиях трансформации процесса научного познания и его структуры расширяется поле междисциплинарных, интегративных исследований, что влечет за собой возникновение новых наук (к примеру, медиалогии, цифровой гуманитаристики и др.), статус которых нуждается в обосновании. В связи с этим правомерно возникает следующий вопрос: как изучается и прогнозируется приближающееся будущее? Думается, что обоснованно звучит заключение авторитетных культурологов о формировании так называемой транзитной методологии в исследовании актуальной культуры (культуры настоящего), «нацеленной не на осмысление организованного, осмысленно-рационального социума и его универсальных структур, а на принципиальную изменчивость, относительность и ситуативность действий в состоянии нестабильности и принципиального разнообразия социокультурной реальности»⁴⁰.

Такая методология актуализирует устойчивую тенденцию социальных и гуманитарных наук – изучение науки, техники и общества в их взаимосвязи, которая определяет социальную динамику и перспективы самого человека. Свой путь становления прошла и культурология, отстаивающая свой предмет исследования, уточняя методологический инструментарий и векторы

⁴⁰ Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы. Практики. Материалы Международной научной конференции (XVI Колосницынские чтения), 19–20 ноября 2021 г. Екатеринбург, 2021. С. 48–55.

развития. В первой половине XX века американский антрополог Лесли Уайт ввел термин «культурология», определяя ее как отрасль антропологии, исследующую культуру. Позже объект культурологии постепенно расширяется⁴¹. К началу XXI века объектом культурологии становятся модели культуры, позволяющие обобщить все данные о развитии культуры. Однако, как отмечает А. В. Костина, анализирующая концепцию культуры, предложенную А. Я. Флиером, «автор “Культурологии для культурологов” от расширительного толкования культурологии дистанцировался, показывая, что культурология является наукой, позволяющей анализировать культуру как в актуальном, так и в ретроспективном и перспективном планах, строить обоснованные прогнозы ее развития, выявлять ее возможности по формированию позитивных социальных практик и элиминированию негативных, вырабатывать соответствующую запросам социального и культурного развития информационную и культурную политику»⁴². Правомерен акцент на «некультурных функциях культуры», оттеняющих ее способность выступать не только в «качестве прекрасного», отражающего культурное наследие человечества, но и в качестве современной социокультурной системы общества.

В проблемном поле культурологии находятся и технологические «прорывы». Приоритетным направлением научных разработок становится рассмотрение социума с позиций технологического детерминизма как сетевого общества с креативной экономикой. Именно дигитальная концепция, опирающаяся на теории постиндустриального общества, т. е. общества глобального управления, ставит проблему человека. Тем самым поднимается важный вопрос его современного бытия: уступает ли он искусственному интеллекту или будущее за человеческим разумом?

⁴¹ См.: Кондратьев И. В. Статус культурологии в системе научного знания // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316, № 6. С. 162–166.

⁴² Костина А. В. Концепция культуры А. Я. Флиера и ее роль в становлении отечественной культурологии // Культура культуры : [сайт]. URL: www.cult-cult.ru/flier-s-concept-of-culture-and-its-role-in-the-development-of-russian-cultural-s (дата обращения: 05.11.2023).

Ряд исследователей отмечают манипулятивный потенциал техногенного тренда, подчеркивая совмещенность аналогового и цифрового миров, в котором человек обретает свое «иное» информационное бытие, где ценность реального мира постепенно снижается, усиливая иллюзорность бытия. Активируется процесс трансформации человека, который становится всё более контролируемым и управляемым компьютерными программами субъектом, чья творческая и созидательная активность приглушается за счет привлечения потенциала искусственного интеллекта⁴³. Остро стоит проблема культурной экспансии NBIC-технологий (нано-, био-, когно-) развитых государств, вытесняющих из системы фундаментальных ценностей национально-культурную идентификацию. Делаются акценты на различиях парадигм, влияющих на изменения исследовательской и управленческой перспективы, на роли гуманитарных наук и культурных институций, ответственных за качественное освоение человеком свободного времени.

Глобальные вызовы современности высвечивают динамичные проблемы, которые стоят как перед культурологией, так и перед другими гуманитарными науками. Прежде всего, эти вызовы модифицируют социокультурные контексты, существенно меняя и карты власти, и экономические реалии, и границы нормальности, а техногенные процессы оказывают давление на социокультурную составляющую человека очередного этапа «постнормального» развития общества. Анализ истоков становления культурологии, диапазона исследовательского поля ее создателей и представителей разных школ, позволяет выявить основания для определения статуса данной науки, ее потенциала в современном стремительно меняющемся мире. При обсуждении перспектив развития науки/наук эксперты, представители той или иной научной школы неизбежно обнаруживают себя носителями одной из «герметичных» систем, в которой обосновываются источник движения истории и пути принятия ее вызовов. А сдвиг парадигм определяют как изменение самой основы на-

⁴³ См.: Розин В. М. От концепции техногенной цивилизации к концепциям посткультуры и культуросообразной техники // Культура и искусство. 2020. № 8. С. 34–47.

учных и философских взглядов, тесно связанных с трансформациями главных жизненно важных на конкретном историческом этапе развития общества проблем. При этом ярко вырисовываются культурологические школы, в которых проявляется особая направленность образовательных программ. Например, школа Челябинского государственного института культуры и искусств, где привязка к конкретному региону, Южному Уралу, и конкретному вузу не создает впечатления локальности школы и ее заточенности исключительно на региональные масштабы исследований и векторы научного развития⁴⁴. Напротив, есть все основания полагать, что «культурологическая школа ЧГИК, умело впитывая научное наследие своих учителей и единомышленников, в значительной степени определяет ключевые тренды развития культурологии как науки в нашей стране»⁴⁵.

Каждому конкретному историческому этапу присущи разные типы, форматы и уровни развития культурологического образования и разнообразные связи с культурным капиталом. Социально-исторический контекст определяет возможности и науки, и практики, и технологий. Если учесть это при размышлении о современных техновывозах, то встает вопрос позитивного и негативного их воздействия на развитие культуры личности нового поколения.

В электронный век особенно усиливается потребность в рефлексии нового состояния культуры, сложного и противоречивого, свидетельствующего о становлении принципиально иной интегрированной культурной модели информационного общества.

Обострение глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, ставит следующие вопросы. Можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры? Можно ли обнаружить в современной техно-

⁴⁴ См.: Миронов В. В., Щипков Н. А. Гуманитарная наука переходного периода: как создавалась кафедра истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ // Вопросы философии. 2021. №2. С. 7–18.

⁴⁵ Современная действительность сквозь призму культурологического знания: материалы междунар. науч. творч. форума «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI веке», 12–13 ноября 2020 г. / Под ред. С. Б. Синецкого. Челябинск, 2020. С. 7.

генной культуре предпосылки для перехода к новому типу цивилизационного развития? Формируются ли в техногенной культуре точки роста новых ценностей?

Академик В. С. Стёпин в своей работе «Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей» справедливо заключает, что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. А радикальное изменение ценностей будет способствовать переходу от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития – третьему, по отношению к традиционалистскому и техногенному. Именно в его рамках станет доминировать новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлекссию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам.

Однако новые точки роста будут связаны не столько с западной системой ценностей, где человек противостоит природе, а вектор его активности направлен вовне, на преобразование мира, или восточной, в которой человек включен в организм природы, как бы растворен в ней, а вектор человеческой активности ориентирован внутрь, в традицию, сколько с синтезом двух противоположных представлений. Новая модель культурных ценностей будет интегрировать достижения современной техногенной культуры и некоторые идеи традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

У человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого придётся пройти через эпоху *духовной реформации* и выработки новой системы ценностей⁴⁶.

Логично было бы утверждать, что доминантой любой гуманитарной науки, «большой науки», должны быть прежде всего смыслы и ценности. К сожалению, в настоящее время всё чаще звучит мнение об «избыточности» гуманитарного знания и вы-

⁴⁶ См.: Стёпин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013. С. 19.

теснении культурологии на второй план. Вместе с тем именно культура как исследовательский объект культурологии является ядром современной цивилизации. Гуманистические, а не ориентированные на монетизацию, освоение новых территорий, ресурсов тренды набирают обороты. В приоритетном поле гуманитаристики — будущее культурно-цивилизационного мира, который мы конструируем, фундаментальные ценности мира — культурные нормы, вопросы разнообразия культур, двигающие и питающие мир, способствующие его развитию.

Культурология высвечивает проблему качественного использования свободного времени человека, которое высвобождается за счет цифровизации рутинных процессов, сокращения рабочего дня. Расширяются возможности для творческой самореализации в искусстве, науке не только в офлайне, но и в условиях дистанцированного мира — в онлайн-режиме. Гуманитарные науки и культурные институты ответственны за то, насколько качественно человек будет осваивать свое свободное время. Убедительны аргументы исследователей, утверждающих, что увеличение количества досугового времени может и должно использоваться как культурная инициатива, направленная среди прочего на повышение комфортности среды обитания.

Всё чаще фиксируется в цифровой гуманитаристике факт динамичной изменчивости и адаптации традиционных институций к современным условиям⁴⁷. Так, концепция цифровой гуманитаристики, связанная с использованием в исторических, лингвистических, культурологических исследованиях методов машинного анализа текста, обработки больших массивов данных, цифрового картографирования и 3D-моделирования активно входит в современное социокультурное пространство. Всё больше smart-институты не только интегрируют потоки научной информации, но и выступают координационной структурой для гуманитарных исследований и проектных практик, в том числе онлайн-взаимодействия ученых, то есть становятся не только хранителями культурного наследия, но и проводниками

⁴⁷ См.: Bryant R., Knight D. M. *The Anthropology of the Future*. Cambridge, 2019. 275 p.

ми научной коммуникации, центрами организации и распространения знаний и цифровой грамотности. Новым исследовательским направлением становится изучение логики изменения когнитивных процессов под воздействием цифровой среды.

Необходимы международные научные взаимодействия, культурный и образовательный обмен, ибо важно вместе защищать наследство, полученное от предшествующих поколений, думать о том, какие ценности и научные достижения составляют культурное ядро того, что мы передадим новым поколениям, что можем и можем ли вообще дать другим цивилизациям.

Одна из глобальных проблем современности, гуманизация общественной жизни, требует пересмотра содержания и статуса наук, задействованных в воспроизводстве духовного потенциала человека. Прежде всего это относится к циклу общегуманитарных и культурологических дисциплин, которые реализуют важную функцию формирования гуманистического мировоззрения, основывающегося на общечеловеческих ценностях, без которых невозможно построение позитивного образа будущего.

Смена парадигм и проблема культурного равновесия актуализируют вопросы полилога цивилизационных стратегий. Необходимо думать о том, чтобы культурологическое образование как системная упорядоченность и интеллектуальная площадка для диалога и культурного разнообразия давало человеку возможность реализации во всех его ипостасях и умение адаптироваться в новых обстоятельствах.

Отмечая культурно-страновые и культурно-региональные отличия культурного капитала, следует подчеркнуть, что сегодня в условиях взаимодействия цивилизаций, мы в большей степени становимся свидетелями столкновения мировоззрений и тех ценностных смыслов, на которые ориентируемся и которые проповедуем. И в этом плане большое значение имеют вопросы, связанные с образовательными программами и профессиональным развитием личности.

Ключевые повороты истории, глобализация и цифровые технологии, стирающие границы между институтами (не только между локальными цивилизациями), по-новому высвечивают проблемы

теории и практики развития культурологического образования, актуальности изучения ведущей роли культуры в данном процессе.

1.3. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Культурологическое образование в вузе в последние десятилетия всё больше становится междисциплинарной системой, способствующей формированию многопрофильного специалиста гуманитарной сферы в условиях вызовов информационной эпохи. Это связано с тем, что гуманитаристика сегодня – «кентавр», двойственная природа которого предполагает объединение культурных традиций и цивилизационных новаций. Главная проблема заключается в том, как отмечают исследователи, что «в условиях социальной турбулентности и неопределенности, постоянного ускорения технологических процессов культурно-образовательные практики отстают от запросов современного общества»⁴⁸.

Известно, что культурология как наука появилась на Западе в 1950-е годы на стыке теоретических и практических интересов, на базе изучения как истории культуры, так и ее современного состояния. Хотя осмысление проблем человека и созданного им искусственного мира – мира культурных традиций, норм и ценностей уходит в далекое прошлое.

В России термин «культурология» становится легитимным в тот период, когда переживает кризис, а затем и крах марксистско-ленинская идеология как оплот государственности СССР, когда в вузах начинают закрываться кафедры научного коммунизма, истории КПСС, исторического материализма, политэкономии социализма. Это свидетельствует о том, что культурология как наука и учебная дисциплина формируется в деидеологизированном научном пространстве. Однако появление профессиональных кафедр культурологии в вузах России далеко не сразу решило все ее теоретические и методологические проблемы.

⁴⁸ *Оганов А. А., Хангельдиева И. Г.* Преодоление культурного и образовательного консерватизма – путь к новым моделям образования // *Обсерватория культуры*. 2019. Т. 16, №2. С. 129.

Многие ключевые вопросы новой науки были дискуссионными. Что понимать под культурологией? Есть ли у культурологии своя методология? Может ли культурология стать самостоятельной научной дисциплиной? Рассматривая все подходы к изучению культуры, несложно заметить, что культурология по сути своей – наука комплексная и сформировалась она на пересечении нескольких методологических подходов. Главный источник – философия культуры, на основе которой формируется теоретическая база культурологии. Параллельно развивается история культуры как отдельное направление классической исторической науки.

Напомним, что источниковедческая база культурологии формируется еще на рубеже 1970–1980-х годов, когда появились учебник «Основы марксистско-ленинской теории культуры»⁴⁹, научный сборник «Проблемы теории культуры» под редакцией Н. С. Злобина⁵⁰, «Очерки теории культуры» Ю. М. Шора⁵¹, «Актуальные проблемы развития культуры» В. С. Цукермана и С. С. Соковникова⁵². Научным «прорывом» в данной сфере стала известная монография В. С. Библера «От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в XXI век»⁵³, которая перевернула традиционный взгляд на бытие культуры, сконцентрировав внимание на ее коммуникативной функции и диалогичности в информационной эпохе.

Одним из главных теоретических источников отечественной культурологии в постсоветской России стало и учебное пособие профессора Уральского государственного университета им. А. М. Горького Л. Н. Когана «Теория культуры»⁵⁴, в котором автор ставит все перечисленные вопросы. Например, является ли теория культуры синонимом культурологии или у каждой

⁴⁹ Арнольдов А. И., Коган Л. Н., Межуев В. И. и др. Основы марксистско-ленинской теории культуры: учебное пособие. М., 1976. 300 с.

⁵⁰ Проблемы теории культуры / Сост. и отв. ред. Н. С. Злобин. М., 1977. 259 с.

⁵¹ Шор Ю. М. Очерки теории культуры. Л., 1989. 158 с.

⁵² Цукерман В. С., Соковников С. С. Актуальные проблемы развития культуры: уч. пособие. Челябинск, 1990. 75 с.

⁵³ Библиер В. С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. 412 с.

⁵⁴ Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. 160 с.

из них свое поле исследования? Или: как соотносится теория культуры с отдельными ее видами (теорией литературы, музыки, изобразительного искусства, театра, кино)? Или: как разграничить теорию культуры и философию культуры и нужно ли такое разграничение?

В своем предисловии Л. Н. Коган подчеркнул, что поставил перед собой архисложную задачу: в небольшой по объему книге изложить огромный и непростой курс теории культуры. Закономерно и то, что выстраивая свою концепцию, исследователь шел от философии как первоосновы новой науки. А систему категорий культуры рассматривал как единство трех уровней:

- философские категории;
- категории, общие для культуры в целом;
- категории отдельных видов культуры⁵⁵.

Что исследователь подразумевал под общекультурологическими категориями? Прежде всего преемственность, традиции и новации, социальную память, культурную норму, культурную коммуникацию, диалогичность культуры, актуальную культуру и др. К этой же группе общих категорий культуры он относил те концепты и понятия, на основе которых развивались культуры разных эпох в процессе эволюции человечества (пример – миф, мифология, мифотворчество). Говоря о категориях, раскрывающих историю развития культуры, Л. Н. Коган особое место отводит категории цивилизации при всей ее дискуссионности и неразработанности в 1990-х годах в гуманитарной науке⁵⁶.

Таким образом, ученым были сформулированы и обоснованы те концептуальные идеи теории культуры, которые легитимизировали культурологию как новую научную дисциплину и определили основные направления как образовательных, так и научных исследований многих кафедр культурологии в первые годы их становления и в последующие периоды развития. Среди ведущих направлений:

⁵⁵ См.: Коган Л. Н. Теория культуры... С. 5–6.

⁵⁶ См.: Кириллова Н. Б. Феноменология культуры и вопросы культурологии в научной деятельности Л. Н. Когана // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 1. С. 6.

- теория культуры;
- культура и время (история культуры);
- пространство культуры;
- природа – культура – общество;
- традиции и новации в культуре;
- культура и политика (культурная политика);
- диалогичность культуры⁵⁷.

Первые десятилетия XXI века подтвердили этот культурный поворот, и в условиях глобализации и цифровизации «в результате не просто мультидисциплинарности, но и трансдисциплинарности... гуманитаристика обретает новое качество, хотя многие стереотипы остаются достаточно сильными»⁵⁸.

Динамика культурного развития – сложный социальный процесс, в котором переплетаются исторические традиции народа, их осмысление и обогащение, а также создание новых культурных ценностей. Сегодня перед многими странами уже не стоит вопрос – быть им мультикультурными или нет: многообразие самобытных культурных черт так или иначе является неотъемлемой частью духовной культуры любой страны. И все же полноценный диалог культур может произойти лишь тогда, когда сохранение собственной культурной идентичности на основе общечеловеческих ценностей является важным ориентиром в культурном развитии общества.

Вот почему одной из самых актуальных в системе культурологического образования в эпоху глобализации остается проблема изучения традиций и новаций в культуре. Множественность культурных традиций в нашей стране укоренена и в ее истории. В XX веке Россия жила традициями дореволюционной эпохи, а также революционными и советскими новациями, затем перестроечными и постперестроечными переломами и как следствие – разрывами преемственности. Многие из них забыты,

⁵⁷ См.: Кириллова Н. Б. Уральская культурологическая школа: истоки, реалии, перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 3. С. 93–94.

⁵⁸ Хангельдиева И. Г. Гуманистика в цифровую эпоху: новый ренессанс? // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 6. С. 565.

другие сохраняются и в XXI веке как культурные традиции и места памяти⁵⁹.

Взаимодействие традиций и новаций тесно связано с проблемами сохранения культурного наследия. Именно национальные и народные традиции являются главным и определяющим носителем духовно-нравственных ценностей, которыми так сильна отечественная культура, включая литературу, изобразительное и театральное искусство, музыкальную культуру. К примеру, музыка России на протяжении многих веков опиралась в своем историческом развитии на богатый музыкальный фольклор, в котором всегда звучала душа русского народа, отражались его думы и чаяния, его боли и страдания, а также оптимизм и вера в торжество добра и любви. Сегодня, когда умирают многие деревни, уходят из жизни поколения творцов и носителей народных традиций, с особой остротой встает вопрос о сохранении фольклорного наследия в записях, классификация и, конечно, практики его исполнения не только в академических коллективах, но и в сфере медийной культуры (кино, телевидение, видео и др.), в самодеятельных ансамблях и группах⁶⁰.

Однако сегодня нельзя не видеть, что процессы цифровизации, также являющиеся актуальной сферой социально-культурной деятельности человека, можно воспринимать «как принципиально новый тип развития общества, когда на смену аналоговым и линейным формам коммуникации приходят цифровые, которые определяют не только характер взаимодействий человека и социума, но и становятся основными факторами в определении целей и смыслов человеческой деятельности»⁶¹. При этом цифровую среду следует рассматривать как «совокупность социальных институтов, организуемых на основе совре-

⁵⁹ См.: Кириллова Н. Б., Кемерова Т. А., Девятова О. Л., Лихачева Л. С. Куда идут культура и наука о культуре? // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 132.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Астафьева О. Н., Никанорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. № 15(5). С. 517–518.

менных информационно-коммуникативных технологий в целях продвижения логики цифрового общества, включая электронную экономику, политику, науку, образование, культуру и др.»⁶².

Концепция «цифровой гуманитаристики» (еще один термин, введенный для обозначения новых направлений в сфере гуманитарных наук в условиях цифровой цивилизации) связана с тем, что современные исследователи (историки, культурологи, лингвисты, философы) в своих научных работах активно используют методы компьютерного анализа текстов, обработку больших данных, 3D-моделирование и другие формы медиатехнологий. В связи с этим изменилась и роль научных библиотек (включая и вузовские), которые всё чаще выступают электронными координационными структурами для исследований и проектных практик, являясь сегодня не только центрами культурно-исторического наследия, но и проводниками научной коммуникации и медиаграмотности.

Сам термин «digital culture», введенный Ч. Гиром⁶³, обозначает синтез артефактов и символических структур, основанных на цифровом кодировании в его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закрепленных ментально и создающих формы автодетерминации. Д. В. Галкин, анализируя концепт Ч. Гира, акцентирует внимание на том, что «цифровая культура формируется на нескольких уровнях: материальном (вещи, гаджеты, технологические системы), символическом (знаки, языки, формы коммуникации), социальном (институты, функции, объединения), ментальном (когнитивные схемы, стереотипы, идентичность) и ценностном»⁶⁴.

Культурные практики XXI века существенно изменили миропорядок и продолжают влиять на многие социальные отно-

⁶² Там же.

⁶³ См.: Gere G. Digital culture. London, 2008. 248 p.

⁶⁴ Галкин Д. В. «Digital Culture»: Методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Цифровая культура: Международный журнал исследований культуры сетевого сообщества «Российская культурология». 2012. № 3 (8). С. 11.

шения, ценности, нормы, культуру быта. Благодаря им в научной лексике, как и в образовательной системе, появились новые понятия «виртуальная культура», «киберпространство», «умные контракты», «цифровые города», «цифровая экономика» и др. В информационно-коммуникационной среде, основанной на онлайн-платформах, меняется и система обмена услугами-благами. «Экономика дарения» (Г. Рейнгольд) модифицируется в цифровые форматы «экономики лайка» – маркетинговые инструменты «цифрового капитализма»⁶⁵. Сопоставляя разные подходы к изучению цифровой культуры как новой социально-антропологической реальности и новых форм коммуникации, К. Э. Разлогов отметил, что она способствует интеграции символического пространства, связанного с новыми формами культурной деятельности и способами идентификации личности⁶⁶.

Исходя из сказанного, становится очевидным, что в XXI веке на первый план выходит не теоретическая, а «прикладная культурология с ее междисциплинарным и интегративным потенциалом, открывающим новые возможности в осмыслении реалий и рисков в электронном типе культуры»⁶⁷.

Особое значение в этом процессе, как мы видим, приобретают цифровизация культуры, усиление социокультурной миссии Интернета, когда люди получают информацию и знания в принципиально иных, отличных от прежних, форматах. Более того, современное гражданское общество развивается за счет интерактивной информации, а медиатехнологии и сети становятся не просто предметом познания, а условием существования и культурной самоидентификации человека. Неслучайно национальный проект «Культура» (сроки его реализации: 1 января 2019 года – 31 декабря 2024 года) ориентирован на реновации, направленные на улучшение культурной среды в федеральных, региональных, муниципальных учрежде-

⁶⁵ Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 28–40.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал. 2010. № 1. С. 2.

ниях культуры, что обеспечит увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в пять раз (с 16 млн в 2018 году до 80 млн в 2024 году) и на 15 % увеличит число посещений организаций культуры⁶⁸.

Сегодня Интернет как глобальный культурный феномен, представляя новые ценности, свидетельствует о смене парадигмы социальных коммуникаций. Сформировано и развивается уникальное пространство «свободной глобальной коммуникации»⁶⁹, сверхнасыщенного информационного поля, повсеместно окружающего человека. А в практике современного образования, включая и систему культурологического знания, тесно связанного с развитием электронных медийных средств, главным аспектом становится преодоление цифровой неграмотности, освоение интерактивных технологий, внедрение позитивного опыта применения цифровых ресурсов и законодательное обеспечение самого процесса медиаобразования. Не случайно в законе РФ «Об образовании в Российской Федерации» особое внимание уделяется сетевой форме реализации образовательных программ, что «обеспечивает возможность освоения обучающимися отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность...»⁷⁰

Реальностью стала и потребность в развитии профессионального образования с целью цифровизации в системе управления сферой культуры. В отдельных регионах, где существует кадровый дефицит ИТ-специалистов, возрастает потребность «в создании матричной образовательной среды, где университеты (как государственные, так и корпоративные) должны стать экспериментальной образовательной платформой для различных

⁶⁸ См.: Национальный проект «Культура»: целевые показатели и основные результаты // Обсерватория культуры. 2019. Т. 20, № 2. С. 156–159.

⁶⁹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 5.

⁷⁰ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный Закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 25.12.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024)...

форм обучения с использованием передовых технологий и с учетом специфики цифровой культуры»⁷¹.

Анализируя развитие культуры и культурных институций в «цифровом зеркале» информационного общества, нельзя не привести следующие данные: количество созданных виртуальных концертных залов в городах РФ сегодня составляет более 500; онлайн трансляций мероприятий – свыше 600 только на портале «Культура.РФ»; в Государственном каталоге Музейного фонда страны – более 41 млн экспонатов; оцифрованных книжных памятников только в Национальной электронной библиотеке – более 70 000. В связи с этим актуальной является проблема построения целостной и одновременно многоаспектной системы показателей-индикаторов, отражающей реальное состояние дел в области отечественной культуры. Эта задача поставлена как в «Стратегии развития информационного общества в России»⁷², так и в «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»⁷³, а также в ряде других документов Правительства Российской Федерации.

Как отмечают исследователи роли социальных сетей в жизни общества, пользователи сегодня стремятся к психологическому комфорту, достижению высокого уровня информированности по специализированным темам с целью самореализации. По мнению К. Завершинского, людей объединяет не столько способность к целесообразной предметной деятельности, сколько «единство, стремление утвердить некую смысловую доминанту, рождающуюся в лоне культуры, морали, искусства, и поэтому именно эти сферы являются наиболее “культуросодержательными”»⁷⁴.

⁷¹ См.: Панкратов И. Ю., Свертилова Н. В., Лидэ Е. Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 1 (111). С. 42–43.

⁷² См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 07.02.2008 № 203 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 03.12.2023).

⁷³ См.: Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 г. № 326...

⁷⁴ Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества: уч. пособие. Великий Новгород, 2000. С. 92.

Парадигма цифровой культуры как знаково-символической системы «позволяет наделить смыслами все сферы человеческой деятельности, особенно творческой, а все явления превратить в особые знаки-символы»⁷⁵.

В. А. Емелин и А. Ш. Тхостов делят социальные сети на две достаточно автономные области: информационное пространство и пространство коммуникации⁷⁶. При этом наибольшее число фальсификаций (неверное цитирование, ошибки в определении авторства, плагиат и др.) генерируется и распространяется в области коммуникации.

Актуально и справедливо высказывание М. Кастельса о том, что «в бесконечном мире информации достоверность является весьма ценным качеством в глазах охотников за информацией»⁷⁷. В противном случае смысл существования того или иного контента становится сомнительным, так как реальная информация превращается в «фэйки».

Указанные выше проблемы бытия человека в социальных сетях, а также анализ блогосферы, как свободы творчества, делают актуальным еще одно понятие – «этическая культура», также имеющее отношение к проблемам традиций и новаций в культуре. Дело в том, что в публичной сфере и в соцсетях всё чаще звучит термин «новая этика». По мнению исследователей, «данным понятием оперируют представители самых разных сфер, как правило, не имеющих ни научной базы, ни гуманитарной составляющей. Это создает некую проблемность и рождает массу вопросов, прежде всего к профессионалам – культурологам, этикам: если есть некая “новая этика”, то что случилось со “старой”? И не является ли это признаком консервативности, ненужности прежней гуманистической этики? Если признать факт появления “новой этики”, то в чем заключается ее новизна: в системе ка-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См.: Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–84.

⁷⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. М., 2005. С. 231.

ких ценностей? В особом отношении к нормативности? Другими словами, что приходит на смену традиционным категориям добра и зла, долга и совести, чести и достоинства?»⁷⁸

Эволюция культурно-исторического процесса в условиях информационной эпохи привела к тому, что социокультурное бытие современного человека всё больше осознается многими исследователями как преддверие радикальной смены всех форм его существования – от экономических и технологических до культурно-антропологических, экзистенциальных. Познавательнорефлексивная функция культуры реализуется сегодня таким образом, что, осмысляя современные социально-исторические и цивилизационные процессы, исследователи чаще всего апеллируют к идеям, концепциям и потенциалу тех гуманитарных, социологических и экономических наук, в которых преобладают идеи «текучести жизненного мира» (З. Бауман), глобализации и связанных с ней рисков (У. Бек), возможностей развития креативного общества (Р. Флорида).

Всё это доказывает, что особое место в информационном обществе занимают социальные сети. Именно здесь, по мнению М. Кастельса, социально-культурное пространство утрачивает физико-геометрические измерения и характеристики, поскольку экономика (рынок, собственность, деньги) и механизмы коммуникации (масскульт, медиа, Интернет) обретают «транспространственный», «виртуальный» и «тотальный» характер⁷⁹. В итоге социальное бытие в информационном обществе представит не столько в виде набора «легитимированных временем и властью» онтологических структур или устойчивых институций культуры, сколько в виде изменчивого и многообразного потока смыслов, информации, прецедентных культурных ситуаций, инновационных технологий, форм потребления, поведенческих стратегий, жизненных стилей, непосредственно адресующихся

⁷⁸ Кириллова Н. Б., Кемерова Т. А., Девятова О. Л., Лихачева Л. С. Куда идут культура и наука о культуре?.. С. 135.

⁷⁹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура...

человеку⁸⁰. А это означает, что определяющими измерениями социального бытия зачастую становятся не «стягивающие силы» коллективности и социальности (власть, право, государство, традиции), а зачастую хаотично заявляющие о себе формы и механизмы культуры и культурных смыслов, генерируемых и циркулирующих в сетях. Именно эти особенности информационного общества «детерминируют культуру, а также механизмы ее бытия, что проявляется в тенденциях развития и функционирования культуры в рамках современного модуса информационного общества»⁸¹.

При этом, как отмечают исследователи и преподаватели-практики, очевидными становятся противоречия, обнаруживающие себя в процессе получения культурологических знаний:

- разрыв между «элитарной» и «массовой» формами культуры: масскульт, обладая высокой степенью адаптивности, а также опираясь на мощь современных средств коммуникации, становится культурой «сотен миллионов», в то время как пространство элитарной культуры сужается;

- сознание человека приобретает мозаичный, клиповый характер, в итоге складывается личность, которая познает окружающий мир «по мере надобности» и с помощью технологий соцсетей, ориентируясь на мейнстримы всевозможных мод и их идентичности;

- реальностью является культурное (как и цифровое) неравенство в обществе;

- широкое распространение в Интернете получают принципиально новые художественные практики, изменяя при этом функции традиционных институтов культуры.

Реальностью стали «сетевая литература», «сетевое изобразительное искусство», «сетевая критика», виртуальные библиотеки, виртуальные музеи, виртуальные картинные галереи, образовательные порталы, дискуссионные клубы и др.

⁸⁰ См.: *Тхагансоев Х. Г., Астафьева О. Н. и др. Информационно-семиотическая теория культуры: введение.* СПб., 2020. С. 185.

⁸¹ Там же.

Всё сказанное свидетельствует о том, что информационному обществу присущи серьезные противоречия – между стремлением человека и общества к свободе и к демократии и одновременно нарастанием уровня манипулирования массовым сознанием и маргинализацией личности; между существованием общества и человека во Всемирной паутине и нарастающей дезинтеграцией и атомизацией общества; между ростом объема информации и неуклонным уменьшением объема знаний «массового человека»⁸².

Вспомним в связи с этим, что несколько лет назад К. Э. Разлогов предупреждал о том, что по мере развития информационного общества масса безграмотных будет множиться не только в России, но и в странах, вполне благополучных по технико-экономическим показателям. Более того, со временем на культурной арене начнет доминировать поколение, читающее с трудом и умеющее писать разве что тексты SMS, MMS, поскольку все их компетенции связаны исключительно с виртуальными информационными технологиями⁸³. А это порождает серьезные проблемы в системе культурологического образования как основы мировоззренческой подготовки.

Дело в том, что в контексте современной ситуации становится ясно, что на парадигмальные цивилизационные сдвиги накладывается чрезвычайно острая конкуренция стран и культур за влияние на мировой арене, на кон в полном смысле слова поставлены не столько геополитические и социально-экономические факторы, сколько культурные измерения будущего. Речь идет о социокультурном и профессиональном самоопределении человека, об интеллектуальном уровне страны и ее информационном обеспечении, о масштабах и способах вовлечения «виртуального» бытия в социальное, а также о горизонтах культурного будущего цивилизации.

В связи с этим особую актуальность в профессиональной и мировоззренческой подготовке молодого поколения приобре-

⁸² Там же.

⁸³ См.: Разлогов К. Э. *Метаморфозы идентичности...*

тает образовательно-воспитательная деятельность региональных вузов. Сошлемся на опыт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Здесь еще на базе Уральского государственного университета им. А. М. Горького в 1990–1991 годах начинала формироваться система культурологического образования под руководством и при участии Л. Н. Когана и В. И. Колосницына.

Проблемы информационной эпохи, а вместе с ними и вопросы «media studies» вошли в структуру образовательных программ кафедры культурологии и социально-культурной деятельности в первом десятилетии XXI века, когда активизировалась ее научная и практическая деятельность в свете тех глобализационно-цивилизационных проблем, о которых говорилось выше. На кафедре начала выстраиваться новая образовательная модель, в которую интегрировались традиционное и инновационное, фундаментальное (теория и история культуры) и прикладное (социально-культурная деятельность), исследовательское и творческое. Образовательная система включала в себя традиционные лекции и практические занятия, игровой контент (викторины), научные исследования и творческие проекты (в том числе бизнес-планы). Кафедра стала проводить свою ежегодную научную конференцию – «Колосницынские чтения», которая прошла все стадии развития: от регионального до всероссийского и международного форума.

Всё это во многом изменило образовательную программу бакалавриата по направлению «Культурология». Существенное место в программе стали занимать не только теоретические, но и практические дисциплины: «актуальные вопросы государственной культурной политики», «теория и практика межкультурных коммуникаций», «менеджмент культуры», «медиакультура и цифровые технологии», «социально-культурное проектирование» и др., – а в системе подготовки студентов по направлению «Социально-культурная деятельность» появились дисциплины «менеджмент социокультурной сферы», «медиакультура и медиаменеджмент», «информационные

технологии и сервисы», «цифровые технологии в социально-культурной сфере» и др.

При формировании новой модели образования на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности акценты были смещены в сторону:

- отказа от стандартизации образовательного процесса;
- взаимодействия фундаментального и прикладного знания;
- взаимоинтеграции традиционных и инновационных знаний;
- внедрения креативных технологий в учебный процесс;
- развития универсальных метанавыков;
- укоренения ценностей непрерывного образования;
- поливариативности программ и образовательного процесса.

Новая образовательная модель совершенствуется благодаря внедрению магистерских программ в систему обучения. В 2011 году на базе кафедры культурологии и социально-культурной деятельности были открыты следующие направления магистратуры: «Социальная культурология», «Проектная деятельность в сфере культуры» (для культурологов), а также «Аудиовизуальные коммуникации и медиатехнологии в социально-культурной деятельности» (данная программа магистратуры для студентов социально-культурной деятельности была трансформирована в 2020 году в направление «Ивент-менеджмент и продюсирование в аудиовизуальной сфере»). Ее актуальность связана с потребностью в подготовке квалифицированных специалистов системы управления аудиовизуальной сферой культуры с учетом современных цифровых технологий в условиях продолжающегося процесса модернизации институтов гражданского общества.

Востребованная у абитуриентов программа «Ивент-менеджмент и продюсирование в аудиовизуальной сфере» представляет собой синтез научно-теоретической подготовки будущего специалиста в сфере аудиовизуальной культуры и аудиовизуальных коммуникаций и практического освоения новейших медиатехнологий, основанных на компьютерно-технологических процессах. Речь идет об обучении профессиональных кадров – продю-

серов и менеджеров креативных индустрий: кино, телевидения, культурно-досуговых центров, театрально-зрелищных предприятий, рекламы и др.

В рамках этой образовательной программы рассматриваются история и методология аудиовизуальной культуры, актуальные проблемы коммуникативистики, изучаются медиаполитика государства и ее роль в трансформации социально-культурной сферы России, международное право и законодательство РФ в сфере медиакультуры, аудиовизуальная документация, используемая в социокультурной деятельности, включая фото-, кино- и телеархивы, изучаются вопросы продюсирования, рекламные технологии и экономика аудиовизуальной сферы. Отдельную тему в программе составляют различные формы самодетельности и профессионального творчества в аудиовизуальной сфере: анализируются произведения аудиовизуальных искусств, теле- и радиoproграммы, пишутся статьи, эссе, снимаются короткометражные фильмы и видеоклипы, готовятся обучающие проекты для школьников и учащихся колледжей, открываются сайты, блоги и т. д.

Практико-ориентированной является и новая магистерская программа направления «Культурология» по профилю «Современный музей и творческие индустрии», которая начала реализовываться в 2021 году. Ее цель – подготовка музееведо-культуролога и одновременно организатора, способного работать в условиях модификации музейного пространства и трансформации функций современного музея как новой модели коммуникативной культуры. Феномен современного музея как социокультурной институции заключается в том, что благодаря новым цифровым технологиям он превратился из хранилища артефактов прошлого в открытое интерактивное пространство, которое вовлекает посетителя в диалог и взаимодействие. В содержании программы объединены методологические аспекты изучения современной музейной сферы и практические вопросы ее модернизации.

В результате усиления практико-ориентированной составляющей в образовательных программах кафедры культурологии и социально-культурной деятельности многие студенты (как ма-

гистратуры, так и бакалавриата) оказываются способными создавать собственный бизнес в социокультурной среде, а некоторые из них приходят работать в качестве менеджеров в крупные организации: «Ельцин Центр», киноконцертный театр «Космос», Свердловская областная филармония и др.

Научной и творческой платформой указанных программ является апробация результатов освоения многих учебных дисциплин в рамках научных конференций всероссийского и международного уровней, подготовленных кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности, в которых принимают участие студенты и других кафедр Гуманитарного института УрФУ. Так, за последние годы знаковыми социокультурными явлениями стали следующие конференции: «Лики культуры в эпоху социальных перемен» (2018); «Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования» (2019); «Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации» (2020); «Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики» (2021); «Институты культуры и творческие индустрии как факторы социокультурного развития информационного общества» (2022); «Многообразие культур в условиях глобализованного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия» (2022); «Новые тенденции в системе современного культурологического образования как основы мировоззренческой подготовки» (2023).

Рассмотрев проблемное поле современного культурологического знания, следует отметить, что при всех сложностях и противоречиях системы культурологического образования в вузе, его целью в условиях вызовов эпохи глобализации и цифровизации является подготовка многопрофильных специалистов в сфере культуры и социально-культурной деятельности, менеджеров и организаторов в системе креативных индустрий, педагогов, экспертов, научных деятелей, способных воспринимать цифровую среду как область личностного и профессионального самоопределения человека, стремящегося стать не только творческой личностью, но и креативным гражданином, патриотом и гуманистом.

1.4. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Научное внимание гуманитариев в последние десятилетия привлекает феномен памяти, который стал центральным понятием *memory studies* – исследований коллективных форм памяти. Академический дискурс мемориализации становится всё более актуальным вследствие глобализационных процессов, информатизации и цифровизации общества, которые вызывают необходимость сохранения локальных, национальных, этнических форм памяти и укрепления культурной идентичности. Память стала «одним из ключевых слов, лозунгов нашей эпохи»⁸⁴, превратилась «в важнейшую точку кристаллизации современного научного знания»⁸⁵.

Данная ситуация отразилась на стремительном росте количества исследований памяти и привела к так называемому мемориальному буму, который способствовал повышению интереса к методологическим и теоретическим положениям, концепциям, позволяющим изучать самые разные структуры памяти – от особенностей репрезентации образов прошлого в творчестве до принципов политики памяти, что в целом привело к появлению множества новых научных взглядов для объяснения явлений современности.

Между тем активизация *memory studies* вскрыла ряд проблем, которые сдерживают стремительное развитие исследований памяти. Нередко ученые отмечают, что в такого рода исследованиях «отсутствуют устойчивые парадигмы, они бесцентричны и потому сугубо междисциплинарны»⁸⁶. Данный факт во многом объясняется тем, что проблематика *memory studies* вызывает научный интерес в самых разных областях знания: от философии до политологии и пр. Однако определенным преимуще-

⁸⁴ Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М, 2015. С. 31.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Olick J., Robbins J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic // Annual review of sociology. 1998. Vol. 24. P. 109.

ством в данном случае обладает культурологическая парадигма, для которой характерен интегративный подход к исследуемым объектам и контекстное видение, которое позволяет объединить разрозненные явления в единый смысловой континуум.

Культурология позволяет, с одной стороны, систематизировать разные направления *memory studies* и разработать определенную логику исследования, исходя, например, из категорий ценности и сакральности памятных мест, образов и символизации прошлого, культурных кодов памяти. С другой стороны, культурологическое знание позволяет выбрать определенный методологический ракурс и раскрывать процессы памятования с той или иной позиции через определенные категории – образ, код, идентичность и пр. Как показал теоретический анализ классических работ, важнейшим свойством памяти является ее социальная обусловленность. Истоки дискурса *memory studies* в контексте феномена коллективной памяти ученые связывают с именем французского философа и социолога М. Хальбвакса⁸⁷, который показал социальную обусловленность коллективной памяти через призму социологической науки. Он предполагал, что «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти»⁸⁸. Индивидуальная память через процессы коммуникации наслаивается на воспоминания других членов сообщества и, тем самым, возникает единое пространство смыслов, скрепляющих социум. Коллективная память, согласно теории М. Хальбвакса, формируется социальной группой, обосновывающей свою идентичность через социальные нормы и ценности относительно своего прошлого. Как полагает ученый, «коллективные структуры памяти... являются именно теми инструментами, которые коллективная память использует для воссоздания образа прошлого, который в каждую эпоху соответствует доминирующим мыслям общества»⁸⁹, что предполагает

⁸⁷ См., например: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

⁸⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 30.

⁸⁹ Halbwachs M. Les cadres sociaux de mémoire. Paris, 1925. P. 7.

наличие: а) коллективных представлений о прошлом, которые могут меняться от эпохи к эпохе; б) образов прошлого, благодаря которым общество хранит воспоминания об ушедших событиях и воссоздает их с помощью тех инструментов, которые актуальны в данную эпоху.

Между тем, что особенно важно, объектом исследования в *memory studies* является память коллектива, обладающего культурой, что позволяет говорить о культурной памяти как одном из феноменов культурологического познания. В этом случае акценты исследователей могут смещаться в культурологическую плоскость познания процессов памятования. Как полагает немецкий культуролог Алейда Ассман, «за последнее десятилетие память была признана “ведущей концепцией” культурологии, количество книг и эссе, появившихся на эту тему, уже заполняет целые библиотеки... дискурс памяти быстро расширяется»⁹⁰. По мнению историка культуры Яна Ассмана, культурная память необходима, чтобы описать динамику принципов сохранения общего для коллектива прошлого, в средствах хранения и передачи смыслов и их носителей как обобщающее понятие «для функциональных рамок, описываемых выражениями “складывание традиции”, “обращение к прошлому”, “политическая идентичность” или “политическое воображение”»⁹¹.

Культурологическая парадигма позволяет, кроме того, внести ясность в трактовку понятия «культурная память», отделив его от смежных в *memory studies* понятий «историческая память» и «социальная память», поскольку одной из теоретических проблем исследований коллективных типов памяти является отсутствие «конвенционального понимания сути того, что разные ученые называют коллективной, социальной, исторической или культурной памятью»⁹². В связи с этим, в российских источниках

⁹⁰ *Assman A. Re-framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam, 2012. P. 35*

⁹¹ *Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 22.*

⁹² *Ярычев Н. У. Актуальные мемориальные исследования: ключевые тренды и перспективы развития // Вестник КемГУКИ. 2021. № 57. С. 24.*

понятия «историческая память» и «культурная память» нередко используются как синонимы, особенно когда исследователи понимают историческую память как «символическую репрезентацию прошлого»⁹³.

Такую ситуацию, в частности, объясняют тем, что «изучение культурной памяти в России началось относительно недавно, потому отсутствует сколько-нибудь устоявшийся терминологический аппарат»⁹⁴. Однако отличия двух концептов всё же могут быть зафиксированы. Так, ряд специалистов полагает, что историческая память «формируется исследовательскими профессиональными сообществами и существует, прежде всего, в институциональных формах»⁹⁵. С другой стороны, понятие социальной памяти сегодня приобретает всё большую популярность, ее нередко используют как ведущий концепт коллективных форм памяти, «имея в виду огромную роль социального фактора в формировании у нас образов прошлого»⁹⁶.

Однако, как полагает А. Ассман, социальная память обеспечивается социальной коммуникацией, она характеризует социальную группу, «формирующуюся и поддерживающуюся благодаря межличностным контактам и речевому общению»⁹⁷, имеющую общие для всех ее членов воспоминания и обменивающуюся информацией о своем прошлом. Социальная память сохраняется пока есть социальная группа, объединенная общей коммуникацией и межличностными связями и имеющая общие воспоминания, которые поддерживаются именно благодаря непосредственному взаимодействию внутри социальной группы.

⁹³ См.: Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 53.

⁹⁴ Бегунова Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестник КемГУКИ. 2019. №48. С. 53.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Шницерльман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 13.

⁹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 223.

Культурная память функционирует, прежде всего, благодаря символическим медиаторам, она «покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации в виде символов, артефактов... практик и их институций, в которых индивидуумы... обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций»⁹⁸.

Такая ситуация, как мы полагаем, есть следствие самой логики формирования направленности исследований памяти исходя из разных дисциплинарных областей. Поскольку исследование процессов формирования представлений о прошлом, конструирование этого прошлого и его репрезентации в настоящем предпринимается историками, социологами, политологами, культурологами, философами, то каждый из ученых руководствуется сложившимися в данной науке методологией познания и теоретическими рамками. Отсюда возникает несколько направлений, которые мы можем фиксировать через анализ ключевых концептов. Так, П. Бурк в одной из своих работ, посвященных коммеморации пишет, что результаты его исследования играют важную роль в формировании того, что «когда-то называлось “народной памятью” а теперь описывается либо как “социальная”, либо как “культурная” память»⁹⁹. «Следуя А. Ассман, я буду различать эти два термина, связывая их с двумя научными традициями, одна из которых немецкая, а другая французская»¹⁰⁰, – пишет П. Бурк. Действительно, французская традиция исследования коллективных форм памяти, начатая еще М. Хальбваксом, получила в дальнейшем развитие в концепте «социальная память», чему во многом способствовал социологический фундамент подобных исследований, тогда как немецкая традиция существовала скорее в культурологическом контексте (Я. Ассман и А. Ассман), что и предопределило концептуальные рамки данных исследований, связанные с понятием «культурная память».

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ *Burke P. Co-memorations. Performing the Past by // Memory and political change. 2012. № 18. P. 106.*

¹⁰⁰ Там же.

Культурная память – это результат представления общества о себе, по сути, это социокультурный конструкт, имеющий конвенциональный характер, определяющий отношение к прошлому. Как справедливо полагают исследователи¹⁰¹, память любого коллектива является фундаментом его самосознания и этот факт трансформирует исторические события в культурный конструкт¹⁰².

По мнению ряда исследователей, многие черты, которые были обозначены в рамках концепта «историческая память» или «социальная память» нередко относятся и к культурной, об этом было сказано выше. Вместе с тем, как считает Г. Е. Гун, «в 1990-е годы вводится понятие “культурной памяти”, в котором зафиксировано социокультурное ее измерение, акцентирована взаимосвязь культуры и социальной жизни в исторической перспективе»¹⁰³, что «переориентировало традиционную проблематику социогуманитарного знания в направлении историко-мемориальной парадигмы»¹⁰⁴. Культурная память как одна из форм коллективной памяти опирается на сконструированную коллективом людей матрицу воспоминаний, будь то страна, этнос или город, выраженных в различных символических средствах, хранящих и транслирующих образы коллективного прошлого.

В связи с этим культурная память является таким объектом исследований в *memory studies*, который открывает способность сквозь определенную призму раскрыть явления культуры через их преемственность, ценность коллективных воспоминаний и образов прошлого в различных культурных практиках.

Современные исследователи полагают, что культурная память – это «особая форма дискурса, в рамках которого происходит концептуализация судьбы и коллективного опыта народа путем... интерпретации и реинтерпретации знаковых событий прошлого, обладающих конвенциональным значением и форми-

¹⁰¹ См.: Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории... С. 15.

¹⁰² См.: Tonkin E. Narrating our pasts. The social construction of oral history. Cambridge, 1992. P. 118–131.

¹⁰³ Гун Г. Е. Культурное наследие и культурная память: региональные срезы // Культура и цивилизация. 2018. № 4А (8). С. 83.

¹⁰⁴ Там же.

рующих образы идентичности этнокультурного сообщества»¹⁰⁵, которые удерживают как достижения, так и культурные травмы. С другой стороны, культурная память может пониматься как «относительно устойчивая система значимых для группы представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических и универсально доступных формах, порождающая определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы, проявляющаяся в ритуально-праздничных и коммеморативных практиках и имеющая искусственно формируемый характер, интегративные свойства и идентификационный потенциал»¹⁰⁶. Наконец, все больше исследователей трактуют культурную память как «непрерывный процесс, в котором социум формирует и поддерживает свою идентичность посредством реконструкции своего прошлого»¹⁰⁷. Она не просто хранит образы прошлого, а транслирует такие смыслы, которые актуальны для настоящего времени. Актуализация в обществе образов и сюжетов прошлого позволяет обществу создавать и укреплять свое самосознание, которое характеризует его как отдельную группу¹⁰⁸.

Сегодня культурная память понимается как одна из форм коллективной памяти, позволяющая членам сообщества осмысливать непрерывность и преемственность своей культуры, осознавать собственную идентичность. Коллективный характер культурной памяти предполагает опосредованность фиксации и трансляции смыслов, которые переносят значения прошлого в символических средствах и прежде всего в вербальных системах (например, язык) и визуальных (например, изображения или скульптура).

¹⁰⁵ *Малыгина И. В.* Феномен «тетога» в современном дискурсе идентичности // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: Сборник тезисов конференции. М., 2020. С. 443.

¹⁰⁶ *Шуб М. Л.* Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 6.

¹⁰⁷ *Репина Л. П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 3 (153). С. 191–201.

¹⁰⁸ См.: *Нижентайтис А.* Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17.

В рамках культурологического аспекта *memory studies* важное значение приобретает взаимодействие памяти и культуры. На наш взгляд, для культуры память – инструмент воспроизводства общих для коллектива значимых смыслов. Культура, как и «смыслотворческая деятельность, неизбежно диалогична и развивается в рефлексивном пространстве креативных межличностных контактов, опосредованных памятью культуры (культур)»¹⁰⁹. Поэтому «современной гуманитарной науке свойственно внимание к культуре как к контексту, способу и результату человеческой жизнедеятельности (по принципу “нет человека вне культуры и культуры вне деятельности”»)¹¹⁰.

Память сохраняет наиболее важные для культуры фрагменты прошлого и является тем символическим резервуаром, который позволяет оправдать настоящее и вдохновлять на будущее. Так, канадский философ, социолог Ф. Дюмон в своей работе через категории дистанцирования и памяти раскрыл понимание культуры как своеобразного «места человека»¹¹¹, подчеркнув, что культура, по сути, память, в которой через связи с окружающим миром нужно жить.

С другой стороны, культурологический взгляд на *memory studies* позволяет сфокусироваться на исследованиях культурной памяти. Обобщая имеющийся опыт исследований культурной памяти, мы выявили ключевые векторы культурологического анализа культурной памяти в рамках *memory studies*.

1. Культурная память имеет символическую природу, что обусловлено ее высоким уровнем формализации, поскольку, говоря словами Я. Ассмана, она выражается с помощью символических средств: памятников, церемоний, памятных мест, дат¹¹². Для *memory studies* память не просто репертуар акту-

¹⁰⁹ Ермолин Е. А. Диалогическое самопознание культуры: внутренний ракурс // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 282.

¹¹⁰ Репина Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании... С. 198.

¹¹¹ См.: *Dumont F. Le Lieu de l'homme. La culture comme distance et mémoire. Montréal, 1968. 233 p.*

¹¹² См.: *Assmann J. Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination. Cambridge, 2011. P. 22.*

альных представлений о прошлом, но и способы их репрезентации в обществе, с которыми сталкивается человек: фотографии, кинофильмы, мемуары, музыка, форумы, фестивали – всё то, что создает условия для возникновения в воображении образов прошлого. По мнению исследователя, память коллектива отличается тем, что имеет символический характер, то есть «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций»¹¹³. Символическая природа коллективной памяти позволяет Я. Ассману объяснить тот факт, что общества, вырабатывая культуру воспоминаний, продуцируют собственные воображаемые образы и делают это совершенно по-разному.

2. Отдельным направлением культурологических исследований в рамках *memory studies* может стать анализ носителей культурной памяти. Культурная память объективирована для современников с помощью носителей (символических посредников между человеком и фрагментами прошлого, ключевая функция которых состоит в аккумулировании и трансляции образов прошлого, сохранении и передаче коллективных воспоминаний). Как показали наши исследования¹¹⁴, культурная память хранится в смыслах, актуализирующих коллективный опыт сообщества, несущих в себе определенное значение и символически маркирующих то или иное пространство. Объективируются такие смыслы с помощью различных знаковых посредников (изображения, рассказы, имена), которые мы обозначили термином «носитель культурной памяти». Носитель культурной памяти, по сути, является тем символическим посредником, ключевая функция которого состоит в аккумулировании и трансляции смыслов, образующих символическую матрицу памяти того или иного места или сообщества. В связи с этим возникает вопрос о содержании, структуре, специфике функционирования носителей культурной памяти города. А. Ассман называет их «символическими меди-

¹¹³ См.: Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности... С. 23.

¹¹⁴ См.: Федотова Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2 (20). С. 42–62.

аторами»¹¹⁵, которые в отличие от людей обеспечивают культурной памяти «долгосрочную опору»¹¹⁶. В качестве носителей культурной памяти могут рассматриваться многообразные вербальные или визуальные знаки, которые являются способами репрезентации культурной памяти через слово, звук, изображение и т. д. Причем легенда или мемориал сами по себе не являются культурной памятью до тех пор, пока они не вписаны в форму значимости, пока не включены во взаимодействие. Это значит, что культурная память существует лишь в «постоянном взаимодействии не только с воспоминаниями людей, но и с внешними символами»¹¹⁷; это «метоним для физического контакта между помнящим разумом и напоминающим объектом»¹¹⁸.

3. Значимость культурной памяти для коллектива людей сохраняется благодаря постоянной актуализации смыслов или коммеморации, которая не дает забвению одержать верх над коллективными воспоминаниями, позволяет сохранять связь между людьми и образами их совместного прошлого. Как считают исследователи, работающие в области *memory studies*, коммеморация представляет собой процесс по «увековечиванию памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат»¹¹⁹. Коммеморация располагается «в широком смысловом диапазоне – от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции памяти до конкретно-деятельностных форм воплощения этой памяти»¹²⁰. По мнению Я. Ассмана, для культурной памяти необходима некая внешняя область, «куда сообщения и информация – культурный смысл – могли бы выноситься на хранение,

¹¹⁵ См.: Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика... С. 20.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. London; New York, 2011. P. 15–17.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // *Власть*. 2015. № 7. С. 82

¹²⁰ Шуб М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательные потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3 (36). С. 81.

а также формы этого вынесения (кодировка), сохранения и вызывания обратно... для этого необходимы особые учреждения, специалисты, и, как правило, также системы нотации»¹²¹. Благодаря коммеморации отдельные культурные смыслы являются значимыми для современников – мы их помним и ценим. Праздники, форумы, переименование улиц, выпуск репортажей или кинофильмов – все эти коммеморативные практики «заставляют людей вспоминать и эмоционально переживать знаковые исторические события, причем в той версии, которую им предлагают организаторы»¹²².

4. Культурная память обладает свойством динамичности: она способна меняться, а репертуар коллективных воспоминаний во многом зависит от воздействий тех или иных факторов (действующих стихийно или целенаправленно). По мнению А. Ассман, во многих культурах нередко создавались специальные символические средства для того, чтобы накопить и прочно закрепить в памяти определенные знания, увековечить их, что объясняется значимостью таких понятий как «традиция», «предание» или «культурное наследие». Соответственно, заменяя указанные термины понятием «культурная память», мы демонстрируем динамику припоминания и забвения, «которая всегда присутствует в культуре <...>. Обеспечение сохранности неизменно подразумевает свою противоположность – отбор, отбрасывание и уничтожение, а также более мягкие формы забвения: пренебрежение, деформацию и потерю»¹²³.

5. Ценности прошлого для современников декларируются посредством культурной памяти, нередко путем сакрализации прошедших событий с целью повышения их ценности в современных условиях. В связи с этим культурная память является резервуаром наиболее значимых образов прошлого, выраженных символически. Как мы отметили ранее, культурная память

¹²¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности... С. 22.

¹²² Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории... С. 13.

¹²³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика... С. 32

живет в носителях, которые рассказывают современникам о героях, о событиях, подвигах, трагедиях и победах, передавая тем самым ключевые смыслы прошлого, составляющие культурный код, влияющий на сознание членов сообщества и их отношение к настоящему, которые скрепляют общество. Поэтому культурная память тесно связана с творчеством, и «чем глубже, сложнее и многообразнее эти связи, тем более оригинальные результаты могут быть получены <...>. Память, в свою очередь, является творческой силой и выступает механизмом хранения и создания культурных смыслов и ценностей»¹²⁴. Культурная память является резервуаром наиболее значимых для сообщества образов прошлого, выраженных визуально, вербально, аудиально, перформативно, в традициях и памятных датах. Примером этого служат события Великой Отечественной войны, способы сакрализации памяти которых описаны в некоторых исследованиях в области *memory studies* (в частности, сакрализация памяти в кинематографе через репрезентацию ряда мифологем – от подвигов до мест памяти войны). В данном случае актуализируется культурная связь прошлого и настоящего: оглядываясь на прошлое, человек ощущает временную протяженность, историчность существования коллектива, с которым он себя идентифицирует, понимает социальную и культурную важность общих воспоминаний, поскольку культурная память «всегда выступает осмыслением и связью между прошлым, настоящим и будущим»¹²⁵, а отсылка к прошлому объясняет настоящее и делает осмысленным будущее.

6. Культурная память обладает свойством локализации: она всегда оставляет следы в качестве мест в пространстве, так или иначе присутствуя в современной реальности, поскольку память связывает человека и пространство через символического посредника. Впервые понятие «место памяти» ввел в научный обиход известный французский историк П. Нора.

¹²⁴ Васильев А. Г. Феномен творчества в контексте *memory studies* // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. I, № 1. С. 227–231.

¹²⁵ Негода Л. Л. Культура как форма социальной памяти нации // Культура и цивилизация. 2019. № 2 (10). С. 94.

Под местом памяти он понимает «останки прошлого»¹²⁶ или «утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда»¹²⁷, это объекты материального или нематериального характера, которые с течением времени благодаря усилиям множества людей приобретают символический характер и становятся элементом памяти. Он пишет, что «память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим»¹²⁸, «память порождается той социальной группой, которую она сплачивает»¹²⁹. П. Нора проводит четкое разделение между памятью и историей, подчеркивая, что «память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим»¹³⁰, «память – это абсолют, а история знает только относительное»¹³¹. Как отмечают современные исследователи, места памяти – это не столько локальные объекты или части пространства, которые заняты человеком, вещью, сколько центр осязаемой человеком ценности прошлого¹³².

7. Культурная память является механизмом воспроизводства общих для коллектива смыслов, позволяющих сохранять фрагменты прошлого. Заметим, что существует не одна, а множество «памятей», каждая из которых хранит воспоминания той или иной культуры, что отражается в локальной семантике пространств. В связи с этим можно говорить о таком культурологическом направлении в рамках *memory studies*, как «культурная преемственность поколений». Память позволяет сохранить и передать следующему поколению культурный код, в основе

¹²⁶ См.: *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 26.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти... С. 40.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² См.: *Tuan Yi-Fu.* Language and the Making of Place: A Narrative-Descriptive Approach // *Annals of the Association of American Geographers.* 1991. № 81(4). P. 684–696.

которого лежат ценности прошлого – уникальные знания, смыслы, идеи в текстах, творчестве, традициях, монументах, что служит «воскрешению в памяти обосновывающего прошлого»¹³³ через воспоминание и обращение к образам, которым «присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности»¹³⁴.

8. Важным объектом культурологического изучения *memory studies* является тесная связь культурной памяти и культурной идентичности. Культурная память является основой для идентификации людей, объединенных общим прошлым, хранящим самобытность, что позволяет осознавать членам сообщества его уникальность, осмыслять отличие от других и укреплять символические связи между поколениями на основе сопричастности к данному коллективу людей. Для каждого из нас существует определенный комплекс воспоминаний, «который помогает нам идентифицировать себя, любые индивидуальные и социальные воспоминания связаны с определенным пространством и временем»¹³⁵. Память упрочивает культурную идентичность через воссоздание общих для коллектива воспоминаний и образов прошлого, закрепляя преемственность культурного опыта. В частности, как полагают исследователи, память является «базовым фактором, определяющим национально-культурную идентичность»¹³⁶ и «ярче всего это проявляется в переломные эпохи, когда идет трансформация исторического сознания человека и общества»¹³⁷. В связи с этим, культурная память определенной совокупности людей (нации, этноса, народа), имеющего свою историю, культуру и общее прошлое, нередко распадается и составляет мозаику ряда других «памятей», например, субкультурных или

¹³³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности... С. 55.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Бегунова Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике... С. 53.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

территориальных (память региона, города), обладающих собственной идентичностью.

Подчеркнем, что культурная память представляет собой социокультурный конструкт, который может меняться и трансформироваться в зависимости от изменений современности, память – важнейший инструмент преобразования реальности, она всегда является результатом нашего понимания и репрезентации прошлого.

Специфика памяти проявляется именно в относительности ценностей сообщества. По словам Ю. М. Лотмана, «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению»¹³⁸. Память – это инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое¹³⁹. Культура сохраняет прошлое благодаря культурному коду, а также возможности постоянной интерпретации смыслов для каждой новой эпохи. Память обладает и локальной семантикой, что, следовательно, приводит к появлению множества «памятей», сохраняющих воспоминания о данных культурах (территориальных, географических, профессиональных, молодежных и пр.), формирующих свой культурный код, отражающих культурные ценности данного коллектива людей.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, память играет ключевую роль в передаче и сохранении общественных знаний, она вносит свой вклад в формирование культуры, также определяя, как общество вспоминает и понимает свою историю. Ученые подчеркивают, что «память не только отражает культуру, но и активно создает ее, формируя общественные нарративы и образы, которые определяют нашу идентичность и место в мире»¹⁴⁰.

Изменения в структуре памятных фрагментов происходит путем смены двух элементов: актуального (поддерживаемого в обществе) и латентного (менее значимого). В данном кон-

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 384.

¹⁴⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. 2008. С. 203.

тексте необходимо упомянуть о политике памяти, задающей векторы конструирования образов прошлого, что уже связано с культурной политикой и политологической проблематикой управления прошлым. В условиях постановки задач сохранения культурного кода память воспринимается как фактор преемственности и непрерывности культур сообществ, поэтому политика памяти всё чаще воспринимается сегодня как условие безопасности культуры. «Восприятие угроз безопасности формируется не “историей” как объективной аналитической реконструкцией событий прошлого, а представлениями о нем, которые существуют в обществе»¹⁴¹.

В завершении подчеркнем, что культурологический взгляд на *memory studies* позволяет акцентировать внимание на исследовании ряда актуальных проблем, сконцентрированных, прежде всего, вокруг феномена культурной памяти, которая способствует сохранению культурного многообразия, поскольку позволяет объяснять прошлое, воссоздавать его образы, укрепляя культурную идентичность данного сообщества. В ситуации сложнейших общественных преобразований история и культура подвергаются серьезному переосмыслению прошлого и на основании этого – настоящего. Общие для коллектива воспоминания становятся средством не только осмысления, но и трактовки особенностей развития настоящего.

1.5. НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Возрастание интереса к традиционной народной культуре на рубеже XVIII и XIX веков стало отправной точкой в научной традиции ее осмысления. Растущее внимание к народной культуре повлекло за собой возникновение и развитие научных учреж-

¹⁴¹ Малинова О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 76.

дений, в которых формировались методы сбора и фиксации образцов традиционной народной культуры, открывались, анализировались и систематизировались различные ее виды и жанры.

Эти процессы закономерно сопровождались формированием научного терминологического аппарата, в котором для обозначения традиционной народной культуры появился ряд понятий-синонимов, таких как «фольклор», «народное искусство», «народная художественная традиция», «народное художественное наследие», «фольклорная культура», «традиционная культура», «этническая культура», «народная художественная культура».

Становление науки, связанной с изучением традиционной русской культуры происходило в противоборстве двух взаимоисключающих тенденций в ценностном отношении к ней.

Приверженцы одной из них воспринимали фольклор как «след удивительного прошлого»¹⁴², «прекрасную экзотику»¹⁴³, «прекрасный художественный курьез», отличающийся «простым характером, незамысловатой мелодией, безыскусным содержанием»¹⁴⁴. Иными словами, традиционная народная культура воспринималась частью исследователей как пережиток, реликт первобытной культуры в культуре цивилизованных обществ.

Благодаря другой тенденции, начиная с XVIII века, создавались реальные предпосылки, которые способствовали формированию отношения к фольклору как к корневой системе национальной культуры, культурному явлению высшего порядка.

Эти подходы к фольклорному наследию длительно просуществовали в науке, позже второй подход (признание непреходящей ценности традиционной народной культуры) постепенно усилился и стал основным.

¹⁴² *Василенко В. М.* О развитии народного искусства // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Ленинград, 1981. С. 44–59.

¹⁴³ *Гусев В. Е.* Фольклор в системе современной культуры славянских народов (проблемы славянского фольклора) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов. М., 1978. С. 283–298.

¹⁴⁴ New Websters Dictionary of the English Language. Delhi, 1988. 1824 p.

В начале XX века, после революции и гражданской войны, в нашей стране во времена господства идеологических представлений о необходимости разрушения предшествующих культурных, духовных и нравственных оснований общества традиционную народную культуру объявили художественно-творческим пережитком, устаревшей национальной традицией¹⁴⁵. В качестве непосредственной преемницы традиционных форм народного творчества предлагалось рассматривать художественную самодеятельность как более совершенную форму народного художественного творчества¹⁴⁶.

В СССР появилась практика терминологической подмены, когда изделия массового художественного самодеятельного творчества, отошедшие от народной традиции или вовсе не имеющие к ней никакого отношения, стали называть образцами народной художественной культуры.

1970–1980-е годы в советской науке знаменуются применением в трудах исследователей понятия «народная художественная культура», границы которого не были строго определенными.

С одной стороны, допускалось расширительное толкование этого понятия, под которым подразумевались не только «фольклорная культура», «народное искусство», но и любительские, самодеятельные формы художественного творчества¹⁴⁷. В это же время появляются публикации, авторы которых художественную самодеятельность и фольклор признают явлениями разного порядка. Так, Е. И. Смирнова настаивает на признании фольклора древнейшим пластом художественной культуры, национальным достоянием, существующим в настоящее время в различных формах. При этом художе-

¹⁴⁵ См.: *Косарева А. И.* Роль народного творчества в эстетическом развитии личности: дис. ... канд. филос. наук. М., 1965. С. 85.

¹⁴⁶ См.: *Василенко В. А.* Традиции русской народной песенной лирики Сибири и современная хоровая самодеятельность (по материалам Омской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956. С. 15.

¹⁴⁷ См.: *Кондратьева С. Н.* Художественная самодеятельность и фольклор (к проблеме народного хора) // Народное творчество: Вопросы музыкальной самодеятельности и фольклора. М., 1974. С. 8.

ственная самодеятельность, по ее мнению, обнаруживает себя не преемницей фольклора, а одной из потенциальных форм его сохранения. «Возможность самодеятельности связана именно с тем, – пишет исследователь, – что она может сохранять, воспроизводить образцы народного искусства в наиболее “чистом” (в сравнении с профессиональными коллективами), в наиболее живом (в сравнении с музейными раритетами) виде и, наконец, в богатстве многообразия местных вариантов»¹⁴⁸. Кроме того, «...фольклорное и художественно-прикладное начала в любительской практике могут не отрываться от привычных форм бытования»¹⁴⁹.

С другой стороны, понятие «народная художественная культура» использовалось в авторитетных научных трудах как синоним фольклора, традиционной народной культуры, народного искусства, национально-культурных традиций, народного художественного наследия, этнической культуры. При этом предметное поле народной художественной культуры отождествлялось с предметным полем фольклористики. К 1960–1970-м годам в трудах таких исследователей, как П. Г. Богатырёв, В. Е. Гусев, В. М. Василенко, М. С. Каган и многих других было предложено уйти от первоначального ограничения предмета фольклористики рамками устно-поэтического слова. Исследователи сформулировали и теоретически обосновали концепцию, согласно которой фольклор, будучи синкретичным явлением, должен пониматься как неразрывное единство разных его граней: устно-поэтической, музыкальной, хореографической, театрально-игровой или обрядовой (драматической), а также изобразительной, декоративно-предметной. П. Г. Богатырёв, например, уделял особое внимание феномену единства содержания словесного, изобразительного и хореографического видов фольклорной культуры в рамках одного обряда. В «мусических» и «пластических» видах фольклора было выявлено сходство содержания, которое объяснялось

¹⁴⁸ Смирнова Е. И. Теория и методика организации самодеятельного творчества трудящихся в культурно-просветительных учреждениях. М., 1983. С. 114.

¹⁴⁹ Там же.

их функциональной общностью, развитием из единого синкретического комплекса и единого мировоззрения¹⁵⁰.

К 1990-м годам отечественная наука вышла на общетеоретический концептуальный уровень широкого признания того, что фольклористика представляет собой организованную систему разных *кодов*, т. е. вторичных *знаковых систем*, для сохранения и передачи одного и того же традиционного содержания. В одной из своих статей на эту тему Н. И. Толстой перечислил основные коды выражения обрядового символа: вербальный (речевой), акциональный (действенный), реальный (предметный), персональный, локативный, темпоральный, музыкальный, изобразительный, растительный, пищевой и т. п. и назвал одновременную разнородность в традиционной народной культуре отличительной особенностью традиционного обрядового «языка»¹⁵¹.

Один из выдающихся отечественных фольклористов Б. Н. Путилов в эти же годы сетовал на недостаточную реактивность и последовательность ученых в осмыслении синкретичной природы фольклорной культуры и уже имеющихся блестящих научных результатов в этом вопросе. Исследователь констатирует: «Мысль о том, что обряд никогда не может быть понят без изучения всей совокупности элементов, его составляющих, в том числе и элемента вербального, а соответствующий фольклор без самого тщательного выяснения его обрядовых связей останется *terra incognita*, всё еще не получила безусловного признания и внедрения в исследовательскую практику»¹⁵².

Тем не менее Б. Н. Путилов отметил тенденцию постепенного преодоления научной инерции разделения фольклора и обряда на две независимые сферы культуры и признания того несомненного факта, что «единство существовало изначально как проявление культурного синкретизма и что в действительности

¹⁵⁰ См.: Богатырёв П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 48.

¹⁵¹ См.: Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 63–77.

¹⁵² Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 82.

происходил процесс постепенного выделения некоторых форм в относительно самостоятельные феномены, самоопределения вербального (вербально-музыкального, вербально-музыкально-танцевального и др.) начала. Миф, песня, заклинательная формула не приходили в обряд извне, но рождались в нем вместе с другими его составляющими»¹⁵³.

Эти теоретические и методологические положения, утвердившиеся в отечественной науке, обусловили появление в 1990-х годах трудов Т. И. Баклановой, в которых автор сосредоточила специальное внимание на теоретическом оформлении понятия «народное художественное творчество» в двух смыслах – в узком, как синоним понятия «фольклор», и в широком, для обозначения досуговой (любительской, самодеятельной, непрофессиональной) художественно-творческой деятельности. Усилиями Т. И. Баклановой в 1994 году в Российской Федерации появилась новая специальность высшего образования «народное художественное творчество», которая в 2003 году преобразована в направление подготовки «Народная художественная культура». Автору удалось разработать свой вариант вузовского направления подготовки «Народная художественная культура» (НХК), который впервые был апробирован на Южном Урале, в Челябинском государственном институте культуры, в 1994 году (авторы: С. А. Ситникова, В. И. Ситников).

В 2002 году на кафедре народной художественной культуры филиала Государственной академии славянской культуры в г. Твери было открыто направление подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура» (профиль «Руководитель этнокультурного центра» на кафедре гуманитарных наук и дизайна Филиала РГУ имени А. Н. Косыгина [Технологии. Дизайн. Искусство] в Твери [руководитель направления – С. А. Ситникова]).

В том же 2002 году в отечественной педагогике появилось понятие «этнокультурное образование», которое введено Т. И. Баклановой и закреплено в 2006 году в «Концепции этнокультурного образования в Российской Федерации»¹⁵⁴. Кон-

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См.: Бакланова Т. И., Ершова Л. В., Шпикалова Т. Я. Концепция этнокультурного образования в РФ. Шуя, 2006. 28 с.

цепция призвана обеспечить конституционные права и свободы граждан России в области национально-культурного наследия каждого народа нашей страны. Согласно этому документу народная художественная культура, или этнохудожественная культура, – это устное народное творчество, народные музыка, танцы, декоративно-прикладное искусство, фольклорный театр и другие виды художественного творчества этноса. К тому же в соответствии с новейшими положениями современной фольклористики подчеркивается ее неразрывная связь с народными календарными праздниками, с повседневной жизнью и народным воспитанием.

Разработанная автором концепция, апробированная в Твери, строится на комплексе положений, среди которых основополагающими являются:

- аутентичный подход к фольклору в содержании образовательной и художественно-творческой деятельности;
- единство теории и практики в целостном художественно-педагогическом процессе;
- нацеленность на фольклоризацию современной культуры за счет активной поддержки бытовых форм фольклористической деятельности, среди которых несценическое проведение традиционных праздников народного календаря, бытовое проведение молодежных танцевальных вечеров и т. п.

В рамках направления подготовки «Народная художественная культура» стала реализовываться уникальная этнообразовательная программа, которая позволяет говорить об исключительном своеобразии учебного процесса, отличающегося и по содержанию и по своей направленности от подготовки в других вузах сходного профиля.

Соблюдение принципа *единства* теоретической и практической подготовки позволяет студентам целостно постигать народную культуру и на основе знаний и умений полноценно осуществлять деятельность по ее сохранению и развитию. На это направлен целый комплекс дисциплин, каждая из которых, будь то «традиционная народная вышивка» или «народные музыкальные инструменты», «художественная обработка дерева» или

«народные праздники», представляет собой авторскую разработку преподавателей. Разработаны и читаются уникальные авторские курсы, среди которых «славянская мифология», «семантика фольклора», «теория и история народной художественной культуры», «этнопедагогика» (автор С. А. Ситникова).

Многие теоретические курсы включают в себя различные формы практических занятий: например, изготовление традиционной обрядовой выпечки, освоение обрядовых закличек (дисциплина «народные праздники»), изготовление обрядовых масок, костюмов, драматическое исполнение календарных обрядовых эпизодов (курс «фольклорный театр»), расшифровка технологии изготовления обрядовой ранневесенней тестяной атрибутики или вышитого полотняного орнамента (курс «семантика фольклора»).

Занятия по художественной обработке дерева, традиционной вышивке имеют не только учебные результаты, но часто становятся лабораторией, где воссоздаются образцы народного декоративно-прикладного искусства местной традиции. В курсе народного декоративно-прикладного искусства (деревянная игрушка, полотенце, пояс, традиционный костюм) предусмотрено воссоздание традиционных образцов, которые теперь можно увидеть только в музейных коллекциях.

В числе приоритетных видов научно-практической деятельности направления подготовки «Народная художественная культура» (профиль «Руководитель этнокультурного центра») определены и осуществляются:

- фольклорно-этнографическое исследование районов Тверской области (тема «Локальная специфика тверской традиционной художественной культуры»);
- развитие системы многоуровневого этнохудожественного образования (прежде всего, открытие в детских музыкальных школах и в детских школах искусств фольклорных отделений);
- научно-методическая поддержка тенденции развития фольклоризма в современной культуре региона.

Приоритет научно-методической деятельности в фольклорно-этнографическом обследовании локальной местности в учебном процессе направления подготовки «Народная худо-

жественная культура» определяется, во-первых, тем, что именно историко-этнографические и фольклорные материалы формируют основу и суть профессиональных знаний и навыков специалиста указанного профиля; во-вторых, тем, что будущим специалистам в области народной художественной культуры, помимо других профессиональных обязанностей, предстоит выполнять важную гуманитарную миссию выявления, научной фиксации и пополнения банка данных традиционных фольклорно-этнографических образцов. Поэтому участие студентов в фольклорно-этнографической поисковой экспедиционной практике под руководством специалистов является, с одной стороны, своеобразной продуктивно-творческой формой образовательной работы, а с другой – реальным научно-исследовательским вкладом в сохранение традиционного народного наследия, имеющего высокую культурно-историческую ценность.

Такая взаимообусловленность научно-исследовательской и художественно-творческой форм учебно-образовательной работы со студентами является одной из важных граней, определяющих целостность процесса их профессионального приобщения к традиционной культуре.

Фольклорно-этнографическое исследование районов Тверской области, которое осуществлялось под руководством автора этих строк, стартовало в 2000 году. С этого времени фольклорно-этнографические экспедиции отправлялись в Тверские селения ежегодно, не только летом, но и в осенне-зимний, и в весенний сезоны. При необходимости уточнения и дополнения данных, возникающей в процессе расшифровки зафиксированного материала, часто требовалось повторное посещение обследованной местности и дополнительные встречи с информантами. В итоге за прошедшие годы в Тверской области обследовано восемнадцать районов, в каждом из которых выявлены свои национальные традиции.

Фольклорно-экспедиционные маршруты строятся по программе комплексного исследования фольклорной традиции. Перед участниками фольклорно-полевой работы стоят задачи выявления особенностей распространения календарной и семейно-бытовой обрядности в данной местности, своеобразия традици-

онных форм проведения досуга и праздников, способов сохранения традиций прикладного народного искусства и ремесел. В ходе полевого экспедиционного исследования ставятся задачи сбора материала, касающегося местного речевого диалекта и топонимов; выявления характера взаимодействия этнических культур (например, в селениях с карельским и русским населением или с преобладанием карельского населения, как в ряде районов); определения форм традиционного уклада жизни, сохраняющих свою значимость для сельчан и по-прежнему бытующих, и тех, которые ушли в прошлое.

Рассмотрение материалов, добытых в ходе полевой работы, в учебных дисциплинах «народные праздники», «семантика фольклора», «мифология» позволяет проводить сравнения и выявлять общее и специфическое в содержании и структуре обрядово-праздничных и ритуальных традиций, прояснять их глубинные семантические смыслы, а также пополнять банк данных о мифологических элементах, лежащих в основе традиционных народных воззрений на окружающую действительность.

Проведение практических занятий по фольклорному ансамблю, музыкальным инструментам и художественным ремеслам осуществляется исключительно или, во всяком случае, преимущественно на фольклорно-полевых образцах при общей концептуальной направленности на изучение и освоение фольклора и этнографии Тверской области.

Важным теоретическим инструментом в образовательном процессе направления «Народная художественная культура» (профиль «Руководитель этнокультурного центра») являются публикации, подготовленные преподавателями на основе выявленных и зафиксированных фольклорно-этнографических экспедиционных свидетельств. Среди наиболее значимых опубликованных работ следует назвать монографию «Тверской обрядовый масленичный текст: реликты древних мифоритуальных представлений»¹⁵⁵; ряд статей по обрядам и праздникам традиционного народного календаря (зимняя святочная обрядность; масленичный обрядо-

¹⁵⁵ См.: *Ситникова С. А.* Тверской обрядовый масленичный текст: реликты древних мифоритуальных представлений. М., 2012. 193 с.

вый комплекс; ранневесенняя календарная зона; летние семицко-троицкие и купальские обряды и праздники); статьи по семантике разных граней традиционной народной художественной культуры, по тверским обрядовым растениям, статьи о народных традициях обрядового бытования тверского пряника и т. п.

Впервые молодые специалисты направления подготовки «Народная художественная культура» (профиль «Руководитель этнокультурного центра») филиала Государственной академии славянской культуры в г. Твери были выпущены в 2007 г. Ежегодно выпускники в рамках своих дипломных проектов участвуют в разработке основных научно-образовательных идей данного учебного курса.

Большинство студенческих выпускных квалификационных работ посвящено проблемам этнохудожественного образования в самых разных областях традиционной народной художественной культуры и направлено на совершенствование методики ее освоения и создание авторской образовательной программы. Тематика выпускных работ разнообразна, отражает профессиональные интересы выпускников, а сами работы, как правило, являются реальным и добротным методическим инструментарием в дальнейшей работе молодого специалиста по народной художественной культуре. Темы выпускных квалификационных работ связаны с изучением и актуализацией в современной этнохудожественной образовательной деятельности самых разных граней традиционной народной художественной культуры. Вот некоторые из них:

- «Тверской традиционный женский крестьянский костюм» (для обучающихся по программам среднего этнохудожественного образования);

- «Музей как культурно-просветительное пространство» (для обучающихся 1–9 классов общеобразовательной школы);

- «Традиции тверского народного деревянного зодчества» (для обучающихся учреждений образования этнохудожественного профиля);

- «Устное народное поэтическое творчество в системе подготовки специалистов по направлению “Декоративно-

прикладное искусство и народные промыслы”» (для студентов средних профессиональных учебных заведений);

– «Русские и болгарские народные календарные обряды и праздники» (преподавание в русских культурных центрах Болгарии в контексте образовательно-просветительной деятельности);

– «Традиционная календарная обрядность» (преподавание в процессе образовательно-просветительной деятельности украинских культурных центров в России);

– «Карельская календарно-праздничная обрядность» (преподавание в тверском культурно-образовательном русско-карельском центре).

Традиционная народная художественная культура осмыслена современной наукой как *культурная целостность*, которая обнаруживает себя в единстве художественно-выразительных средств, жанров произведений народного искусства (песен, инструментально-хореографических форм, театрално-игровых, изобразительных образцов) и, что немаловажно, мировоззренческой базы с вытекающей из нее системой обрядовых практик и духовно-нравственных ценностей.

Традиционная фольклористика представляет собой особую духовно-нравственную систему, которую характеризует космоцентричное сознание, провозглашающее единство человека и природы и побуждающее к гармоничному сосуществованию человека и природы. Причем в этой гармонии «традиционный» человек относится к природе как благодарное дитя к Матери, порождающей и вскармливающей. Отсюда и обожествление Природы, то есть бережное отношение к окружающему миру и к Земле, как к святыне. Это отношение закреплено в веками отшлифованных художественных формулах, которые по своей сути являются уникальными средствами народной педагогики.

Эти формулы сегодня не передаются из уст в уста и поэтому известны только специалистам. Вот некоторые примеры традиционных оборотов и формул.

– Молитва, которую мастер-резчик обращает к дереву перед тем, как срубить его для своей работы: *«Ты прости топор*

глупый, / Ты прости пилу острую, / Ты прими мою душу, / Ты прими мои руки! / Ты порадуй глаз добрый, / Ты отвадь глаз черный, / Ты живи жизнью долгой, / Ты живи узором красным!»

– Установка мастеров-камнерезов в сказах П. Бажова «Хозяйка медной горы», «Серебряное копытце» и «Синюшкин колодец»: *«Много нагребешь самоцветов – всё превратится в пустую породу»; «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи».*

В традиционной народной культуре природа находится в слиянии с нравственным миром и выступает мерилем Добра, Красоты и Правды. Отчетливо это выражено, например, в заговорах: *«...как гром гремит и молния палит, так бы в руках моих огненное оружие палило и гремело; как не может никто Солнце и Луну остановить, так бы не могли в руках моих огненное оружие остановиться»; «...как от кочета нет яиц, так от ружья нет стрелянья...»*¹⁵⁶.

Соответственным образом в этой ценностной системе выстроены и *социальные отношения*, где старики почитаемы, а предки и их дела священны. Их сакрализуют, благодарят за подаренную жизнь и за те культурные и духовные приобретения, которые они передают потомкам в наследство. В этой системе ценностей достойным продолжателем рода может считаться только тот, кто свято чтит заветы предков, признает их высшим духовно-нравственным ориентиром и считает за честь следовать им неукоснительно.

Напрасны опасения некоторых специалистов по поводу того, что ориентация на духовный и нравственный опыт предков как на недостижимый образец для подражания может иметь негативные последствия. Одно из них – «повальная несамостоятельность личной мысли» («нравственный перевес старчества») ¹⁵⁷. Это надуманная проблема. В традиционной системе воспитания молодежи многими поколениями выработаны культурные механизмы, позволяющие, с одной стороны, обогащать свою жизнь опытом предков, с другой стороны, – уметь при необходимости принимать самостоятельные решения.

¹⁵⁶ Русские заговоры / Сост. Н. И. Савушкина. М., 1993. 366 с.

¹⁵⁷ См.: *Топорков А. Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М., 1997. С. 120.

В народной культуре практически каждый традиционный календарный и семейно-бытовой обрядовый комплекс обязательно включал так называемые ритуальные бесчинства нескольких разновидностей. Одной из них является *бесчинство молодежи*. Формула неповиновения, связанная с выходом из повиновения старшим, отражена в русских народных сказках. Так, на просьбу сына благословить его в далекий путь родители сетуют на то, что если герой уйдет, они останутся одни, без помощника, поэтому они не могут его отпустить. На что сын отвечает: «Благословите – пойду, и не благословите – пойду!..» Подобных ситуаций много в русских народных сказках, где герой просит отца отпустить его в мир до тех пор, пока отец не даст благословения¹⁵⁸.

Смысл такого рода ритуальных бесчинств состоит в том, что в традиционной народной культуре, где слово старших – закон, предусмотрены возможности для воспитания в молодежи способности принимать и отстаивать самостоятельные решения, что является условием формирования полноценной личностной позиции молодых людей, а вместе с тем и залогом процветания всего общества. По словам Ф. И. Буслаева, представления общества должны были достичь того нравственного уровня, когда «разрушение и безобразие старости уже не могли оскорбить зрения, когда верующий взгляд усматривал в жалких развалинах внешней формы утешительный свет нестареющего духовного мира»¹⁵⁹.

Эта же идея почтения и признательности старшему поколению выражена и в других образцах устно-поэтического творчества, в частности, в пословицах: «*Молодой на битву, а старый на думу*»; «*Живы родители – почитай, померли – поминай*»; «*Родительское слово мимо (на ветер) не молвится*»; «*Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает*».

Давно известна истина: общество, род живы своей молодежью. Чтобы род пресечь, нужно лишить молодежь культуру предков, т. е. корней. В древнерусском памятнике XVI века

¹⁵⁸ См.: Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т. Т. 1 / Сост. В. Я. Пропп. М., 1957. 536 с.

¹⁵⁹ Буслаев Ф. И. Древне-русская борода // Древне-русская народная литература и искусство. Т. 2. СПб., 1861. С. 219.

«Домострой» сказано: «...Любите отца своего и мать свою и слушайтесь их, старость их чтите. <...> За то прославят вас люди, и дом ваш пребудет во веки, и наследуют сыновья сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает или оскорбляет своих родителей, тот перед Богом грешен и проклят людьми. Отцовское проклятье иссушит, материнское искоренит»¹⁶⁰.

Английский инженер на русской службе капитан Джон Перри описал в 1716 году обряд перехода иноверцев в православие. Обряд требовал трижды сплюнуть через левое плечо и повторить вслед за священником: «Будьте прокляты мои родители, воспитавшие меня в вере, которой меня учили, я плюю на них»¹⁶¹.

Желающие подчинить себе личность осуществляли атаку на отношение человека к родителям, на его чувство уважения, доверия к ним. Добившись отречения от родителей, «кураторы» легко добивались и отречения от духовных и нравственных устоев или принципов, которые проповедовали родители.

Это же относится и к народу в целом. Древнегреческий философ Платон Афинский, живший в 5–4 веках до н. э., писал: «*Никто не должен петь, играть и танцевать несообразно с народными обычаями – это очень опасно для устоев государства*»¹⁶².

С учетом вышесказанного очевидно, что возможность сохранить национальное человеческое достоинство в условиях агрессивной экспансии явлений антикультуры и безнравственности в современном мире лежит в первую очередь в плоскости утверждения и культивирования традиционных духовно-нравственных ценностей, обеспечения человеку условий для идентификации себя со своим народом, с его высокой духовностью через освоение традиционной народной культуры, и именно в этом состоит непреходящее значение традиционного народного культурного наследия.

¹⁶⁰ Домострой. Русский семейный устав. М., 2005. С. 104–106.

¹⁶¹ Райн В. Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 61.

¹⁶² Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М., 1994. С. 432.

Наиболее богатыми социализирующими возможностями обладает традиционный народный календарный праздник, который является уникальным каналом аккумуляции, хранения и передачи молодым поколениям самых важных и, прежде всего, священных знаний своего этноса. Благодаря усилиям многих поколений, в нем оформился и закрепился как традиция целый спектр трудовых, социальных, религиозных, эстетических и нравственных смыслов.

Одна из проблем, связанных с изучением и освоением традиционного праздника, состоит в том, что очень часто при обращении к тем или иным праздничным календарным обрядовым традициям рассматриваются только игры, пляски, песни, театрализованные действия, смеховые жанры. То есть народный праздник востребован чаще всего только как строительный материал для яркого, зрелищного, развлекательного мероприятия. А между тем культурная ценность традиционного праздника определяется в первую очередь присущими ему внутренними смыслами, направленными на интеллектуальное и духовно-нравственное становление каждого человека.

Примером сказанному может служить традиционный народный календарный обрядово-праздничный круг, в частности, масленичная обрядность. В том виде, в котором этот народный праздничный комплекс трактуется и воспроизводится, – это зачастую просто зрелищное развлечение, дурачество. Духовный потенциал и ценностные смыслы этого традиционного обрядового комплекса чаще всего неизвестны организаторам праздника и остаются вне поля их зрения.

А между тем масленичный обряд, в котором задействовано чучело, является сквозным элементом традиционного земледельческого календарного круга. Тверской обрядовый масленичный текст располагает богатыми свидетельствами изготовления и сжигания самых разных вариантов формы Масленицы: сноп, пучок соломы, в том числе и антропоморфный вариант чучела. И почти все они содержат уникальные отголоски архаичных воззрений.

Еловые ветви, включенные в ритуальную масленичную антропоморфную фигуру, отсылают нас к доземледельче-

ским верованиям, связанным с культом дерева. Еловые ветви — не случайный элемент в образе, например, тверского масленичного обрядового идола, они являются отголоском древнейшей ритуальной традиции, активно бытовавшей практически у всех народов Европы еще в конце XIX века. Благодаря фольклористам и этнографам того времени сохранились богатые свидетельства существования этой традиции. В одном из печатных источников, опубликованных более ста лет назад, говорится о тверском масленичном эпизоде с этой же атрибутикой: «Обряд проводов масляницы (местами сожигаемой или погребаемой в последний день масляницы)... сопровождается... в Тверской губернии шествием “окликальщиков” с еловыми ветвями в руках. Ветви эти ставятся ими также на дворах хозяев, предлагающих окликальщикам угощение. Еловые ветви — единственная зелень, которую можно достать в данное время в северной России, — по-видимому, играют здесь ту же роль, как древесные ветви и деревца — “лето”, “гаик”, “маик” — в... обрядах западных славян»¹⁶³.

Известный английский религиовед и этнолог Дж. Фрезер, комментируя традиции культа дерева в Европе, в частности, в Верхней Баварии, где вершина ритуального майского столба украшалась пучком еловой зелени, писал, что целью этого обычая было внести в селение «только что пробудившийся, оплодотворяющий дух растительности»¹⁶⁴, который оказывает благотворное влияние на чадородие женщин и плодovitость скота. Кроме того, ученый затронул вопрос об антропоморфном образе духа дерева, бытующем в представлениях и в народных обычаях европейских крестьян: «В некоторых... случаях дух дерева выступает одновременно в растительной и человеческой форме, обе формы соседствуют как бы с целью объяснить друг друга. Человеческая ипостась духа дерева представлена в таких случаях то куклой, то живым человеком;

¹⁶³ Фаминцин А. С. Богиня весны и смерти в песнях и обрядах славян // Вестник Европы. 1895. № 7. С. 149.

¹⁶⁴ Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. С. 146.

но в обоих случаях их ставят рядом с деревом или кустом, так что они составляют с ними нечто вроде надписи на двух языках, одна часто является, так сказать, переводом другой. Поэтому не подлежит сомнению, что дух дерева действительно выступает в человеческой форме»¹⁶⁵. Иллюстрацией к этим выводам может послужить орнамент на полотенце, где центральная женская фигура украшена еловыми ветвями, а также пример из Тверской ритуальной практики, в которой антропоморфное чучело для завершения масленичного обряда устанавливается на дереве.

Реликтами архаичных представлений о чучеле Масленицы как о божестве или, по крайней мере, как о представителе божества¹⁶⁶ являются тверские масленичные традиции «подпытывать Масленицу», когда в костер, на котором горело чучело, бросали блины¹⁶⁷.

Крупнейший исследователь русских календарных обрядовых традиций В. Я. Пропп также считал растительные объекты (дерево, ржаной, льняной сноп) эквивалентом антропоморфного чучела или куклы, а их уничтожение (сожжение, закапывание, растерзание) – универсальным календарным обрядовым элементом. Функциональное сходство между чучелом, как заместителем человека (божества) и деревом подтверждается, кроме прочего, тем, что уничтожение как дерева (снопа), так и куклы или чучела происходит традиционно под песни, включающие мотивы похоронных плачей¹⁶⁸.

Похороны-уничтожение растительного божества являются залогом его воскресения в виде хорошего урожая и приплода, а значит, и залогом будущего благополучия общества людей. Уничтожение чучела Масленицы является одним из древнейших отголосков «жертвоприношения». По словам А. Н. Топорова, жертва и жертвоприношение составляют «не только

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ См.: Ситникова С. А. Тверской обрядовый масленичный текст: реликты древних мифоритуальных представлений... С. 99–116.

¹⁶⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 95–97.

композиционный и семантический центр ритуала, но и его главный, тайный нерв»¹⁶⁹, поэтому «в любом ритуале явно или тайно содержится отчётливая искупительная нота»¹⁷⁰. Сакраментальные смыслы пронизывают весь ритуальный масленичный комплекс. Они заключены в материале, из которого чаще всего традиционно делается масленичный идол: солома, злаковые или льняные снопы являются знаком древних ритуальных переживаний земледельца, обрабатывающего поле, чья жизнь зависит от урожая этих культур.

Что касается обрядовой масленичной выпечки, то блин (наряду с другими вариантами хлебной еды и зернами злаков) представляет собой не просто обрядовую символическую пищу, но является атрибутом множества традиционных обрядов и выступает архаичным сквозным элементом традиционного народного календарно-аграрного круга.

До наших дней в народе сохранилась традиция при выпекании блинов, особенно на Масленицу или на Зимние святки, класть *первый* блин на край стола, либо на божницу, либо на слуховое окно для «душ родителей». В свете этих данных ясной выглядит полисемантическая смысловая основа гадания с первым блином. Например, держа его за пазухой или на голове, девушка идет по улице до *первого* встречного мужчины. Его имя будет именем будущего мужа гадающей.

Во всех такого рода гаданиях отчетливо видны следы культа *предков*, переплетенного с культом *плодородия* и с идеей *творения*. Во время гаданий информация о будущем приобретает посредством умиловливания умерших *предков* так называемой бескровной жертвой (блины, кутья). Именно такую жертву приносит земледелец, заклиная будущий *урожай*. Гадающие, возлагая поминальный, «родительский», блин на голову или беря его за пазуху (тоже и с поминальной кутьей), очевидно, отдают себя под покровительство своих «небожителей» и с их помо-

¹⁶⁹ Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004. С. 515–516.

¹⁷⁰ Там же.

щью приоткрывают завесу своего будущего и заклинаят свое благополучие.

Приведенные выше и другие фольклорно-этнографические свидетельства показывают, что основные элементы традиционного масленичного обрядового комплекса, как и всех остальных календарных зон, наполнены глубокими духовно-нравственными смыслами и обладают мощным педагогическим потенциалом. Современной наукой они довольно глубоко изучены, а фольклорно-этнографические материалы сегодня могут быть доступны широкому кругу всех интересующихся народной культурой.

Одна из важнейших и острых современных воспитательно-образовательных проблем – владение нашей молодежью (и не только молодежью) родным языком, который, как известно, *является ядром традиционной фольклорной культуры*. Не секрет, что современные дети и молодые люди плохо говорят. Их язык наводнен примитивной лексикой. Свои мысли и чувства они выражают упрощенным языком, и это неминуемо ведет к обеднению их мыслительных и эмоциональных способностей.

А между тем в народном мифопоэтическом понимании именно Слово было в начале всего Божественного творения; именно Слово является центром традиционной мировоззренческой триады: мысль – слово – дело.

К числу тех наших предшественников, которые настаивали на необходимости знать родной язык и на введении образцов народной словесности в культурный и образовательный оборот своих современников, относится известный педагог К. Д. Ушинский. Он писал: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина. <...> Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. <...> Когда исчезает народный язык, народа нет более! <...> Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь,

соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое целое»¹⁷¹.

Вопреки распространенному в высшем обществе презрительному отношению к народной культуре вообще и к народному слову в частности великие поэты и писатели, музыканты и мыслители вдохновлялись устно-поэтическим гением народа. Вспомним М. П. Мусоргского, который в поисках национальных музыкальных интонаций обращался к народному слову: «Занимаясь изучением говора народного, я добрел до мелодии, создаваемой этим говором». Вспомним гения русского слова А. С. Пушкина: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» Вспомним вновь К. Д. Ушинского, который считал, например, народную сказку крепким подспорьем не только в изучении родного языка, но и в становлении человека: «...Русские сказки идут, конечно, из глубины языческой древности... Это первые и блестящие попытки русской *народной педагогики*, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа...»¹⁷².

Совершенно очевидно, что вышеизложенные проблемы связаны с проблемой системности и качества этнокультурного образования. А конкретнее – с проблемой подготовки кадров в этой области. Теоретическая осмысленность и аналитическая упорядоченность знаний, связанных с традиционной народной художественной культурой, с фольклорно-этнографическими реалиями, должны быть востребованы для того, чтобы фольклорное наследие стало действительным достоянием наших современников. Решающую роль в этом могут сыграть только системно подготовленные, образованные специалисты.

Подытоживая сказанное, отметим, что в конце января 2023 года вышел Указ Президента России «О внесении изменений в “Основы государственной культурной политики”».

¹⁷¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 557–558.

¹⁷² Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для учащихся. Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово» // Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 4. С. 64.

Среди основных целей указа – формирование «гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности»¹⁷³, относящейся к русскому языку, языкам народов Российской Федерации, к отечественной литературе и фольклору как к культурному наследию. Отдельно названа задача «сохранения этнических культурных традиций и поддержки основанного на них народного творчества»¹⁷⁴, в том числе «поддержка общественных организаций, занимающихся сохранением традиционной народной культуры».

Совершенно справедливо поставлена задача «выявления и популяризации культурного наследия народов РФ»¹⁷⁵, а также «проведения этнографических и археологических экспедиций»¹⁷⁶.

Всё перечисленное в указе не вызывает возражений. Однако в этом документе не удалось найти поправок, направленных на совершенствование этнокультурного и этнохудожественного образования всех образовательных ступеней, а главное – на вузовскую подготовку специалистов в области народной художественной культуры, которые могли бы на соответствующем профессиональном уровне выполнять обозначенные в указе цели и задачи.

Настоящее положение дел таково, что уже несколько лет отсутствуют бюджетные места на эту специальность, фольклорно-этнографическая практика не финансируется, подготовка кадров в этой области не только не совершенствуется, но динамично сводится на нет.

Приветствуя в целом появление указа, в котором выражена озабоченность состоянием этнокультуры, к сожалению, приходится признать, что отсутствие положения о необходимости

¹⁷³ О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 : Указ Президента РФ от 25.01.2023 г. //Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 24.10.2023).

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

подготовки квалифицированных специалистов по профилю «Народная художественная культура» делает его половинчатым и в таком варианте способствует исчезновению данной вузовской дисциплины и направления подготовки, а значит, содействует процветанию под видом традиционной народной художественной культуры не имеющих к ней никакого отношения выдумок и сомнительных интерпретаций.

Раздел 2

ИСКУССТВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

2.1. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН МУЗЫКАЛЬНОГО ЦИКЛА

Культурология как наука вопреки многим, подчас негативным, прогнозам о ее скорой гибели, напротив, сегодня, на наш взгляд, развивается весьма интенсивно и, более того, обретает всё более высокий статус в российском обществе, для которого вопросы развития культуры, культурного наследия, его сохранения и приумножения становятся необычайно актуальными, а работа по решению этих вопросов – престижной. Об этом свидетельствует и активное развитие культурологического образования в университетах и других вузах, которое в различных формах существует на гуманитарных факультетах и вызывает все больший интерес у абитуриентов. Об этом свидетельствует заметно возросший контингент студентов – бакалавров и магистрантов в различных вузах, в том числе и в Уральском федеральном университете им. Б. Н. Ельцина.

Система культурологического образования, как известно, весьма сложна и многоаспектна и вбирает в себя множество модулей различных гуманитарных дисциплин, изучение которых создает профессиональную базу как для собственно культурологов, так и для студентов направления социально-культурной деятельности, также пользующегося в последние годы большим спросом в нашем университете.

Среди искусств, непосредственно связанных с художественной культурой, наряду с живописью, литературой, театром, кино большое значение имеет музыка как искусство, воспитывающее душу человека, формирующее его эмоциональный мир, систему нравственных и этических ценностей, общехудожественный и собственно музыкальный вкус, т. е. человеческую личность в целом, ее мировосприятие, отношение к миру, высшую духовность. Социально-эстетическая функция музыки делает ее изу-

чение необходимым в системе культурологического образования, способствует обоснованию культурологических аспектов научного осмысления как самой музыки, так и истории музыкальной культуры. Проблемам музыкальной культуры посвящены работы многих исследователей (музыковедов, философов, культурологов и др.). В их числе М. Каган, Л. Закс, В. Медушевский, Н. Велижева, а также Г. Гачев, М. Мугинштейн, Н. Герасимова-Персидская, И. Земцовский, В. Мартынов и многие другие, включая и работы автора данной главы. В свете суждений других ученых, выскажем мысли об этой проблеме, опираясь на 30-летний опыт преподавания в Уральском федеральном университете связанных с музыкальной культурой дисциплин, таких как «музыка как искусство», «музыка и поэзия Серебряного века», «философия музыки», «музыка XX века», «музыкальная культура Урала», «инновационные тенденции в музыкальной культуре XX–XXI веков» и др. Однако главным базовым курсом является и по сей день «история музыки» (европейская и русская) или – шире – «история музыкальной культуры: от древнейших времен к XX веку».

В нашем понимании суть культурологического подхода к различным явлениям, в том числе и к музыке и музыкальной культуре заключается в *целостном осмыслении*, ориентированном на многоаспектность и многообразие составляющих элементов как самой истории музыкальной культуры, так и собственно ее стилевых направлений и жанров, а также непосредственно музыкальных произведений. Как справедливо писал В. Медушевский, «человек должен вернуть себе и своему взгляду на мир целостность, иначе ему просто не выжить... Вся система так называемых глобальных проблем человеческой цивилизации вопрошает к человеку. Экология культуры, нравственного сознания человека, правильное устройство его желаний, идеалов, чистота источника его творческой жизненной активности как начала самовоспитания и преобразования мира – эти вопросы логикой истории выдвигаются в центр гуманистических исканий современной цивилизации»¹. Осмысляя в этом ключе музыку как

¹ Медушевский В. В. Сущностные силы человека и музыка // Музыка – культура – человек. В 2-х ч. Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 45.

высокое искусство, В. Медушевский отмечал, что она «вглядывается в источник субъективности и стремится облагородить его истинной картиной мира, гармонично развивающей сущностные силы – отсюда ее притягательная и окрыляющая сила»².

Можно согласиться и с суждениями Л. Закса, который, осмысляя сущность культурологического подхода к музыке, руководствуется принципом *универсализма* культуры как «социально-всеохватного, необычайно многопланового и одновременно целостного общественно-исторического явления...»³, наиболее соответствующего «задаче выявления связей культуры с искусством»⁴. Значимы и мысли Л. Закса о роли *культурного контекста* в осознании того или иного музыкального явления: «Нельзя понять “отдельности” музыки как части (подсистемы) вне ее целого (системы) – культуры. Именно культурологический подход позволяет объяснить целый ряд свойств, органически присущих душе и телу музыки, во многом определяя ее содержание и облик и, отсюда, составляя ту необходимую систему связей, в рамках которых только и может быть адекватно понята специфика творчества конкретных композиторов и исполнителей, конкретных музыкальных произведений»⁵.

Этим принципам мы следуем в своем осмыслении и преподавании музыки разных эпох, стилей и жанров.

С универсализмом культуры органично связан и *принцип историзма*, предполагающий понимание более общих социально-культурных реалий времени, наиболее значимых исторических событий, повлиявших на развитие культуры в целом и музыкальной культуры в частности. В понимании историзма мы опираемся на идеи М. Блока, высказанные им в труде «Апология истории». М. Блок понимал историю как «обширный и разнообразный опыт человечества, встречу людей в веках»⁶.

² Там же.

³ *Закс Л. А.* О культурологическом подходе к музыке // Музыка – культура – человек. В 2 ч. Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 82.

Близки нашему пониманию истории и утверждения ученого о том, что понять прошлое можно с помощью настоящего и, наоборот, понять настоящее можно только с помощью прошлого. В связи с этим вспоминаются крылатые слова М. Мусоргского: «Прошлое – в настоящем, – вот моя задача», сказанные, когда композитор создавал свои оперы «Борис Годунов» и «Хованщина», обращенные к трагическим событиям русской истории.

Как верно писал М. Блок, «незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем»⁷. Созвучна нашим и мысль М. Блока о существовании в человеческих обществах прошлого некоего *постоянного фонда*. В музыкальной культуре разных эпох также создается свой постоянный *интонационный фонд*, который становится неким фундаментом культуры и в определенных условиях способствует ее устремленности в будущее. Об этом убедительно писал академик Б. Асафьев в работе «Музыкальная форма как процесс».

Важными представляются идеи М. Блока о труде историка, который должен «не судить те или иные явления, а понимать и объяснять их». Эти взгляды можно проецировать и на осмысление музыкальной культуры, которое требует глубокого вживания и погружения в общий историко-культурный контекст; философские, религиозные и эстетические воззрения деятелей той или иной эпохи, их анализа и соотнесения с собственно музыкальными исканиями и открытиями времени и индивидуального творчества того или иного композитора. Верны и значимы также мысли М. Блока о специфике труда историка, который, анализируя, сопоставляет, сравнивает те или иные явления, стремится найти между ними различие и сходство: «Как ученый, как всякий просто реагирующий мозг, историк отбирает и просеивает, т. е., говоря коротко, анализирует. И прежде всего, он старается обнаружить сходные явления, чтобы их сопоставить»⁸. М. Блок прозорливо писал также о роли языка, которым оперирует ученый-историк и который является своего рода его орудием: «Всякий

⁷ Там же.

⁸ Там же.

анализ прежде всего нуждается в орудии – в подходящем языке, способном точно очерчивать факты с сохранением гибкости, чтобы приспособливаться к новым открытиям, в языке – и это главное – без зыбких и двусмысленных терминов»⁹.

В изучении истории музыкальной культуры по-прежнему актуальны высказывания Н. Бердяева. Свое понимание *исторического* было сформулировано в его труде «Смысл истории». «Историческое», по мысли философа, есть «некоторый спецификум, есть реальность особого рода, особая ступень бытия, реальность особого порядка»¹⁰. Для опознания специфически «исторического», считал философ, необходимо «признание исторического предания, исторической традиции, исторической преемственности»¹¹. Существенна в рассуждениях Н. Бердяева мысль о конкретности исторической реальности и необходимости ее индивидуального постижения, за которым раскрывается *судьба человека*, ибо человек, как справедливо замечает ученый, «есть в высшей степени историческое существо... В “историческом” в подлинном смысле раскрывается сущность бытия, раскрывается внутренняя духовная сущность мира... внутренняя духовная сущность человека»¹². Для нашего курса важны и рассуждения Н. Бердяева об *исторической памяти*. Именно через историческую память, как правомерно считал философ, возможно глубинное познание той или иной великой исторической эпохи, «будь то эпоха Ренессанса, эпоха расцвета средневековой культуры, зарождающегося христианства или период расцвета эллинской культуры, <...> в откровениях которой узнаете свое духовное прошлое, свою духовную культуру, свою родину»¹³. Те же мысли можно отнести как к изучению западной, так и к изучению русской музыкальной культуры. Причем память, по мнению Н. Бердяева, «есть то начало, которое ведет непрерывную борьбу со смертоносным началом времени, являясь величайшим прояв-

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 12.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 77–78.

лением *духа вечности* в нашей временной действительности»¹⁴ (курсив наш. – О. Д.).

В концепции Н. Бердяева и его взглядах на культуру и культурно-исторический процесс приоритетными являются и вопросы взаимодействия в истории двух моментов: *консервативного* и *творческого*, которые выводят к проблемам традиций и новаторства и связаны с осознанием времени и вечности. Под консервативным моментом Н. Бердяев понимает связь с духовным прошлым, что в культуре ассоциируется с понятием *традиции*. Творческое начало, по Н. Бердяеву, – динамизм, развитие, движение, что во многом близко понятию *новаторства* (в искусстве), а в культуре «должна быть внутренняя связь с прошлым, глубочайшее обращение к памятникам прошлого и дерзновение творческого почина»¹⁵, так как «только пророческое отношение к прошлому в истории приводит ее в движение, так же как пророческое отношение к грядущему связывает его с настоящим и прошлым в каком-то внутреннем духовном движении»¹⁶. Эти мысли Н. Бердяева о связях прошлого, настоящего и будущего созвучны отмеченным ранее идеям М. Блока.

В курсе истории музыки мы ориентируемся также на типологию новоевропейской культуры, предложенную в работах Н. Велижевой¹⁷, выделяющей два направления осмысления истории – как типа и как процесса. Понимание музыкальной культуры как типа предполагает осознание комплекса философско-эстетических, религиозных, этических и собственно общих музыкально-теоретических принципов, законов, определяющих сущность культуры той или иной эпохи. Так, главные закономерности музыкальной культуры XVII и XVIII веков были типологически определены в философии теорией аффектов, а собственно в музыке – такими ее единицами, как высота и длительность.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ См.: Велижева Н. К. Специфика новоевропейской музыкальной культуры и методологические проблемы анализа семантики музыки. Екатеринбург, 2004. 190 с.

Об этом писал Р. Декарт в 1618 году: «Цель музыки – доставлять нам наслаждение и возбуждать в нас разнообразные аффекты... Для достижения этой цели, или аффектаций звука, существуют два основных средства, а именно: его различия по длительности или времени и по напряженности в смысле высоты звука. Ведь о качестве самого звука, из какого материала и при каком условии он получается приятнее, – об этом пусть говорят физики»¹⁸. На основе этих идей Н. Велижева верно обозначает связь музыки с физикой и математикой в веках разума и Просвещения и с выдающимися в типологии новоевропейской музыкальной культуры открытиями, такими как 1) темперация, равномерно-темперированный строй (выравненный по полутонам) и мажорно-минорная система, а также 2) метрономичность, с которой «соотносится система длительностей, тактовая система, ритм, метр, темп в музыке»¹⁹. Оба эти явления, как отмечает Н. Велижева, были связаны соответственно с появлением таких изобретений, как камертон (английский изобретатель Д. Шор, 1711) и метроном (венский мастер И.-Н. Мельцель, сконструировавший слуховую трубку для Бетховена, 1816). Эти явления в работе Н. Велижевой связываются также с развитием инструментальной культуры (клавишных, струнно-смычковых и духовых инструментов). Н. Велижева пишет: «В новоевропейской музыкальной культуре получают широчайшее распространение и занимают в каком-то смысле главенствующее место неизвестные другим культурам клавишные инструменты, позволяющие в силу своего устройства достичь наибольшей точности звучания. Высотная и временная подвижность и точность являются ориентирами и в эволюции смычковых и духовых инструментов (усовершенствование смычка, изобретение вентилей, клапанов и т. д.)»²⁰.

Важна также мысль Н. Велижевой о том, что камертон и метроном выступают подчас в общем контексте культуры, вне профессиональной музыкальной деятельности, как метафоры и символы. Автор приводит высказывание С. Аверинцева,

¹⁸ Цит. по: Велижева Н. К. Указ. соч. С. 17.

¹⁹ Велижева Н. К. Указ. соч. С. 17.

²⁰ Там же. С. 18.

который, различая два типа духовности – православие и западное христианство, писал об «опосредованности духовности на Западе этикой “учтивости” и “духом контракта”»²¹, доказывая, что «...все жесткое в самых неумолимых ревнителях контрреформации было не то чтобы смягчено, <...> а “темперировано” цивилизованностью»²². Применил связанное с температурой слово «камертон» и Г. Гессе в своей работе «Слово в первый час 1946 года»: «...очищение и испытание звучит в сумятице наших дней и неумолимо, как камертон, и показывает нам, насколько отступили мы внутренне от чистой настройки, от нашего места в мировой гармонии. Хорошо время от времени прислушаться к этому камертону...»²³.

Н. Велижева приводит также ряд примеров применения слова «метроном» в метафорическом и символическом смыслах. Приведем один из них – слова Марины Цветаевой, которая воспринимала звук метронома как носитель смертоносного начала: «Щелк метронома. Как это музыкальные уши его переносят? (Или музыкальные уши другое, чем музыкальные души?). Как только я под его методический щелк подпала, я его стала ненавидеть и бояться до сердцебиения, до обмирания, до похолодания, как и сейчас боюсь всякого равномерного, в ночи звука. Точно по мою душу идет этот звук!.. Метроном был – гроб, и жила в нем – смерть»²⁴. Символично и признание героя романа «Мы» Е. Замятина, приведенное Н. Велижевой, для которого метроном являлся символом времени, живущим в каждом человеке: «В каждом из нас, нумеров, есть какой-то невидимый, тихо тикающий метроном, и мы, не глядя на часы, с точностью до пяти минут знаем время»²⁵.

Как известно, особый трагический и в то же время обнадеживающий смысл несли звуки метронома в блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Но, на наш взгляд,

²¹ Цит. по: Велижева Н. К. Указ.соч. С. 21.

²² Там же.

²³ Цит. по: Велижева Н. К. Указ.соч. С. 21–22.

²⁴ Цит. по: Велижева Н. К. Указ.соч. С. 22.

²⁵ Там же.

они олицетворяли не смерть, а, напротив, биение жизни в нестигаемом стоицизме великого города на Неве.

Характеристика культуры как процесса, по Н. Велижевой, подразумевает рассмотрение «исторически конкретных особенностей трансляции культуры, специфики приобщения каждого нового поколения к наличному корпусу форм и способов общественной жизнедеятельности»²⁶.

Таким образом, музыкальная культура в нашем курсе трактуется процессуально как последовательное осмысление разных эпох (в зарубежной музыке – от Античности к рубежу XIX и XX веков; в русской – от древнеславянских традиций к культуре Серебряного века). При этом учитываются типологические особенности каждой из них (в философии, эстетике, теории музыки) и сложившиеся в связи с этим музыкально-стилевые направления и жанры, получившие начиная с периода новоевропейской культуры (с XVII века) творческое преломление в музыке наиболее выдающихся композиторов (зарубежных и русских). Особенностью развития русской музыкальной культуры стало и смешение в XVIII – начале XIX века жанров и стилей, разных художественных направлений (барокко, классицизм, частично романтизм), которые в европейской культуре развивались последовательно, постепенно сменяя друг друга.

В осмыслении русской музыкальной культуры как типа и как процесса мы опираемся также и на фундаментальные труды уральского философа и культуролога Л. А. Шумихиной о духовности русской культуры и метафизике символов в русской культуре. Большую ценность представляет ее работа «Генезис русской духовности», в которой осмысляется феномен духовности в истории русской культуры, проблемы духовного своеобразия России, роли язычества и славянской мифологии в становлении русского духа, рассмотрены истоки русской святости. Исследователь отмечает роль эстетического начала в жизни человека, порождающего искусство, которое, явля-

²⁶ Цит. по: Велижева Н. К. Указ. соч. С. 81.

ясь «первым из всех форм общественного сознания, смогло воплощать духовный мир»²⁷. Этот тезис непосредственно относится к музыке, которая является одним из самых духовных искусств, независимо от ее видов и художественных средств, сформированных в ту или иную эпоху. К музыкальной культуре относится и утверждение ученого о том, что «духовность совершенствует человеческую психику, стимулируя развитие не только глубоких и тонких чувств, но и мыслей, обогащая человека развитием памяти и формируя целостность сознания и целостность мировосприятия...»²⁸. Ценной является и работа Л. А. Шумихиной «Метафизика символов русской культуры», в которой исследуется типология символов русской культуры, связанная с концепцией личности, а также и с другими явлениями, в частности, с религиозно-художественной символикой, выраженной в искусстве древнерусской иконописи. Многие идеи автора можно спроецировать на древнерусскую музыку. В частности мысль о том, что «древнерусская икона, выражение национального самосознания»²⁹ помогает понять культуру знаменного пения, которая также содержит в себе черты национального самосознания. В осмыслении сущности русской музыки Л. А. Шумихина опирается на труды П. А. Флоренского, который считал, что «поскольку тип русской культуры — созерцательно-творческий, в основе имеющий духовную жизнь, возвращенную православием, то она и является лучшим выражением человеческих ценностей»³⁰.

В свете проблематики культуры Серебряного века (русский символизм в поэзии и в музыке) интерес представляют материалы о колоколах и колокольности как символах русской культуры, которые оказываются необходимыми в процессе изучения творчества С. В. Рахманинова, для которого колокола и колокольные

²⁷ Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. Екатеринбург, 1998. С. 45.

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Шумихина Л. А. Метафизика символов русской культуры: уч. пособие. Екатеринбург, 2009. С. 72.

³⁰ Цит. по: Шумихина Л. А. Метафизика символов русской культуры: уч. пособие. Екатеринбург, 2009. С. 25.

звоны стали своего рода основой миропонимания и духовного бытия. Ценны и приведенные Л. А. Шумихиной сведения о колокольном мастере К. К. Сараджеве, высказывания о колокольном звоне знатока древнерусской музыки С. В. Смоленского, которому С. В. Рахманинов посвятил свою гениальную «Всенощную»; мысли о колоколах выдающегося композитора XX века Г. В. Свиридова и многое другое.

В трактовке понятия «стиль» мы опираемся на теорию стилей, предложенную М. К. Михайловым. По его убеждению, стиль в музыкальной культуре – это комплексное явление, представляющее собой совокупность общефилософских, эстетических и интонационно-тематических принципов, реализованных в 3-х основных ипостасях: 1) стиль эпохи, 2) стиль направления, 3) индивидуальный композиторский стиль. Стиль эпохи связан с отмеченными ранее основными периодами в истории западноевропейской культуры (от Античности до XIX века). В каждую эпоху формируется (в свете общеэстетических установок) свой интонационно-тематический строй (по Б. В. Асафьеву, «интонационный фонд», или «интонационный словарь», эпохи), который определяет тематические особенности произведений и их отличия от произведений предшествующей и последующей эпох. Внутри каждого исторического периода развиваются, как отмечалось, те или иные направления, которые также имеют характерную стилистическую основу. К примеру, в новоевропейской музыкальной культуре XVII–XVIII веков развивается направление музыкального барокко, а также стиль рококо, а в русле идей культуры Просвещения (во второй половине XVIII века) появляется музыкальный классицизм. В XIX веке, как известно, доминирующими направлениями стали романтизм и реализм, которые получили в музыкальной культуре свое воплощение как в общефилософских и эстетических установках, так и в определенных стилевых закономерностях. В русской культуре формируются свои принципы периодизации, не всегда совпадающие с западноевропейскими. Так, к примеру, начальный период формирования русской музыки связан с культурой язычества и древнеславянской мифологией, последующий период (христианизации Руси,

русского Средневековья) длится с X по XVII век, минуя Ренессанс. В дальнейшем русская культура, как отмечалось, не знала самостоятельно развивающихся, как в Европе, направлений барокко, классицизма, романтизма, а свободно смешивала в музыке их стилевые черты. Индивидуальные композиторские стили в России стали постепенно формироваться в конце XVII – начале XVIII века не без влияния процесса европеизации России, типичного для этого времени. В XIX веке русская музыкальная культура за короткий срок встала вровень с европейской, а в чем-то и превзошла ее благодаря творчеству великих композиторов (от М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского до представителей «Могучей кучки» М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, Ц. А. Кюи и их гениального современника – П. И. Чайковского). Особый взлет русской музыкальной культуры был связан с так называемым Серебряным веком, взрастившим новое поколение великих музыкантов, создавших свои художественные миры, связанные с универсализмом этой эпохи (А. К. Глазунов, А. К. Лядов, С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, И. Ф. Стравинский, Н. Я. Мясковский, С. С. Прокофьев и др.). Главная цель изучения стилей в курсе истории музыки заключается в формировании у студентов устойчивых представлений об их своеобразии и формировании слуховых навыков восприятия и узнавания того или иного стиля (для этого в рамках зачета и экзамена проводятся музыкальные викторины).

Понятие «жанр» трактуется в курсе истории музыки в свете теории Б. В. Асафьева и Е. В. Назайкинского, когда жанр (в узком смысле) понимается как род или вид музыкальных произведений (или их совокупности), выделяемый в зависимости от происхождения, форм бытования и восприятия музыки, а в широком смысле – как выражение в музыкальной стилистике (музыкальном языке) эмоционального содержания произведения (к примеру, драматический жанр или лирико-эпический и т. д.). По составу исполнителей жанры делятся на хоровые, оркестровые, сольные и т. д.; по сценической составляющей – на музыкально-театральные, танцевально-хореографические и др. Жанровая система в музыке очень обширна и является объектом изучения

отдельной дисциплины в музыкознании, которой в университетском курсе истории музыки мы касаемся по мере необходимости.

В курсе истории музыки культурологически важным является также применение принципа аналогий, сравнений, музыкально-стилевых параллелей и ассоциаций. При этом сама подача материала носит проблемный характер. Студентам предлагается целый ряд сложных вопросов, требующих самостоятельного осмысления и культурологического обоснования. В ходе осмысления типологических признаков той или иной эпохи проводятся аналогии с процессами, происходящими в науках и смежных искусствах, а также делаются смысловые «мосты», обращенные из прошлых эпох в современность (XX и XXI века). Здесь опорой для нас в определенной мере являются труды Л. М. Кадцына, который осмысляет историю европейской и русской культуры, проводя аналогии с развитием других искусств (живопись, театр, литература).

Важным в преподавании курса истории музыки является применение культурологического подхода к *интерпретации* собственно музыкального текста произведения, который позволяет «глубже и объемнее понять, почувствовать и объяснить художественный замысел композитора, найти ему культурные обоснования»³¹. Путь к такого рода интерпретациям видится в анализе историко-культурного и общехудожественного контекста, обусловившего рождение того или иного творения, сравнение его с аналогичными явлениями этого времени и других эпох (вплоть до современной), с учетом индивидуальных особенностей композиторского стиля.

Интересен для студентов и раздел «Музыкальный фольклор» (в курсе «Народная художественная культура», куда входит также «Декоративно-прикладное искусство»). В этом курсе содержится весьма обширный материал, собранный в разных регионах России, который рассматривается с точки зрения многообразных культурных традиций народов, населяющих нашу страну; изучаются древние музыкальные традиции (религия,

³¹ Девятова О. Л. О культурологической интерпретации музыкального текста // Культурологический подход в образовании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 9 ноября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 54.

верования, мифология) и их бытование в современной культуре; анализируются различные музыкальные жанры (вокальные, инструментальные, танцевальные и др.); рассматривается музыкальное исполнительство и др. Большинство из указанных тем выносятся на семинарские занятия, которые включают анализ музыкального фольклора таких регионов, как Север России (Псковская, Новгородская области), Средняя полоса России (культура Подмосковья, городов Поволжья), Юг России (Волгоградская область и др.), регионы Урала (Средний и Южный Урал, Башкирия, Удмуртия, Ханты-Мансийский автономный округ), а также территории Сибири и Алтая. В поле зрения студентов находятся также республики Закавказья (Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Чеченская и Ингушская республики, Карачаево-Черкессия), а также Чувашия, Калмыкия, Карелия, Якутия, Мордовия, Марий Эл, Бурятия и др. Отдельно рассматривается музыкальная культура русского казачества, проблемы праздничной культуры и др.

Основная цель курса – пробудить в молодежи интерес и привить ей любовь к богатым и разнообразным национальным традициям музыкальной культуры России, выраженным в песенном и инструментальном фольклоре, а также в различных национальных обрядах и действиях, раскрывающих духовные корни того или иного народа и их прорастание в современную культуру. В курсе мы опираемся на теоретические труды Л. Гумилева, Г. Гачева, М. Некрасовой, музыковедов-фольклористов И. Земцовского, В. Трамбицкого, Т. Калужниковой и др. Курс иллюстрируется также материалами видеофильмов и телепередач талантливого российского фольклориста Сергея Старостина, а также другими аудио и видео записями из личного архива автора главы и материалами сети Интернет.

Наряду с курсом музыкального фольклора на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности изучается дисциплина «Музыкальная культура стран Востока» (в рамках общего курса «Культура Востока»), в рамках которой изучаются Древний Египет и Палестина, Шумеро-Вавилония, Индия, Китай, Япония, страны Юго-Восточной Азии, страны Средней

Азии и Закавказья. Изучение музыкальной культуры народов этих стран способствует формированию у культурологов более целостного представления об общих процессах развития мировой культуры, о региональных особенностях и традициях восточной музыки, восприятие которой принципиально отличается от европейской, ибо космос, мир и человек осознаются и ощущаются восточным человеком сквозь призму «звука» как носителя божественного начала.

Базовыми в преподавании этого курса являются труды Е. Васильченко, Р. Грубера, Н. Шахназаровой, В. Юнусовой, Г. Орлова, а также Н. Конрада, В. Малявина, Б. Ч. Девы, Т. Григорьевой, Х. Тумы, Ф. Арзаманова, С. Векслера, Т. Вызго и многих других ученых-востоковедов. Занятия также проводятся с использованием аудио- и видеозаписей и материалов сети Интернет.

Применение культурологического подхода в преподавании курсов музыкального цикла является значимой и необходимой задачей университетского образования. Такой подход формирует у студентов устойчивые навыки восприятия музыки, умение осознать ее в широком историко-культурном и музыкально-стилевом контексте и включать в систему наиболее значимых культурных ценностей, выработанных той или иной эпохой. Такой подход развивает творческие возможности студентов, их ассоциативное мышление, стимулирует духовные потребности молодежи в расширении своего кругозора и эрудиции, воспитывает музыкальный вкус и формирует навыки глубинного восприятия и постижения всей многомерной и многослойной сущности музыкальной культуры в ее нерасторжимой целостности.

2.2. МОДИФИКАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что бытие современной художественной культуры так или иначе связано с трансформациями окружающей человека медиасреды, в пространстве которой в XX–XXI веках в качестве основного фор-

мообразующего «материального носителя» выступает экран. Это значит, что «экранная, или аудиовизуальная (звукоразительная), культура как новая коммуникативная парадигма представляет собой уникальное явление информационной эпохи, дополняя традиционные формы общения и выделяясь из сферы традиционной культуры»³². Экранное творчество, представленное в последние десятилетия как традиционными, так и новыми медийными средствами носит глобальный характер, активно воздействуя на личность и общество и меняя социокультурное пространство мира. Исходя из сказанного, в процессе изучения данного феномена необходимо рассмотреть основные этапы формирования и эволюции художественно-семиотической структуры экранной культуры, выявив особенности трансформации ее эстетических кодов и языка.

Анализ приоритетов экранной культуры, осмысленных в трудах как зарубежных (Г.-М. Маклюэн, Ч. Гир, Ж. Делез, Л. Манович, К. Фегельсон, Э. Хухтамо, Ж.-П. Эскенази и др.), так и отечественных (О. Аронсон, Я. Иоскевич, Н. Изволов, В. Михалкович, К. Разлогов, Н. Хилько, М. Ямпольский) исследователей свидетельствует о появлении новых научных парадигм в гуманитаристике. Термин «экранная культура» в отечественной культурологии легитимизировал и теоретически обосновал К. Э. Разлогов, выделяя, прежде всего, «эффект реальности» аудиовизуального образа как формообразующего принципа экрана³³. Японский историк медиа Э. Хухтамо предложил концепцию «экранологии» (screenology) как особой отрасли гуманитарной науки, где экран трактуется как главный элемент современных художественных практик и способ интермедийных связей с разными культурными явлениями³⁴. Ч. Гир, рассматривая генеалогию компьютерного экрана, ввел термин «цифровая культура» (digital culture), опреде-

³² Теоретическая культурология / Под ред. К. Э. Разлогова. Москва; Екатеринбург, 2005. С. 557.

³³ См.: Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. ст. / Под ред. К. Э. Разлогова. СПб., 2012. С. 37.

³⁴ См.: *Huhtamo E. Elements of Screenology: Toward an Archaeology of the Screen // Iconics: International Studies of the Modern Image. 2004. Vol. 7. P. 31–82.*

ляя ее как гибридную технологическую систему, соединяющую технологии широковещательной и цифровой сети³⁵; а для Л. Мановича, опирающегося на концепт «инфоэстетика», экран представляет собой «интерфейс коммуникации и творчества, не претендующий на то, чтобы быть всеобъемлющей парадигмой»³⁶.

Таким образом, направление *screen studies* становится в XXI веке новым ракурсом комплексного исследования и изучения культуры, где анализируется не только специфика и эстетика конкретных видов экранного творчества (фотография, кино, телевидение, видео, компьютерные игры и программы, сетевая анимация и графика и др.), но и сам экран рассматривается как объект анализа и один из базовых, формообразующих факторов современной культуры.

Пути становления и эволюции экранной культуры

В процессе формирования своей художественно-семиотической структуры и последующей ее эволюции экранная культура прошла три этапа. Первый – эпоха модернизма (франц. *modernisme* от лат. *modernus* – новый современный), эстетика которого тесно связана с научно-техническим прогрессом, обусловившим появление во второй половине XIX века нового типа культуры, синтезирующего в своей основе технику и творчество. Речь идет о фотографии и кино, потеснивших традиционную культуру. Отметим, что фотография, изобретенная в 1839 году французским художником Л. Дагером, появилась не на пустом месте: до нее были живопись, гравюра, ксилография. И все же особенность фотографии, затем кинематографа, а в дальнейшем телевидения в отличие от традиционных видов визуального творчества заключается в том, что у них сформировался особый язык – язык экрана, основанный на эстетике кадра. В фотографии – это статичный снимок, в кино – последовательность кадров, следующих один за другим и создающих эффект движения. Вот почему, по утверждению С. Эйзенштейна, «кадр – это ячейка

³⁵ См.: Gere G. Digital culture...

³⁶ Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород, 2017. С. 68.

монтажа»³⁷. Как отмечает Н. Изволов, «кадр – это система, заданная геометрической формой прямоугольника; это критерий “документальности”, это психологический барьер, отделяющий зрителя от зрелища»³⁸.

Поскольку кадр своим происхождением обязан фотографии, то и изучение эстетики кадра начинается с нее. По мнению Г.-М. Маклюэна, именно фотография «произвела революцию – быть может даже великую – в традиционных искусствах. Художник не мог более изображать мир, который только и делали, что фотографировали»³⁹. И он устремился в модернистские поиски, открывая новые визуальные ниши. Аналогичный процесс происходит и в литературе: писатель постепенно переходит от описаний внешних факторов жизни к внутренним, духовным. Таким образом, фотография перевернула мир искусства, заставив его перейти от фиксации реальности к осмыслению сфер сознания и подсознания. Не случайно на рубеже XIX–XX веков в науке и художественном творчестве актуализируются метод психоанализа З. Фрейда и аналитическая психология К. Юнга.

Теория фотографии как генетической основы эстетико-семиотической структуры экранной культуры появилась в XX веке параллельно с теорией кинематографа. В работах Л. Деллюка, Д. Вертова, В. Бенямина рассматривается связь между фотографией и кино. Лидер французского киноавангарда 1920-х годов Л. Деллюк, введя в научный обиход такое понятие как «фотогения», видел эстетическую значимость фотоизображения в том, что оно способно «запечатлеть мимолетную материальную жизнь в ее наибольшей эфемерности»⁴⁰. По мнению исследователя, мгновение реальной жизни, зафиксированное в кадре, «оживает», обретает эстетический смысл и значение лишь в том случае, если фото- или кинохудожнику удастся на-

³⁷ Эйзенштейн С. М. За кадром // Избранные произведения в 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 283–296.

³⁸ Экранная культура. Теоретические проблемы... С. 657–658.

³⁹ Маклюэн Г.-М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 219–220.

⁴⁰ Деллюк Л. Фотогения кино. М., 1924. С. 22–23.

полнить его чувством («пылкой взволнованностью»⁴¹) и мыслью («мудрой прозорливостью»⁴²). Фотограф и кинорежиссер достигают этого различными средствами, но и в первом, и во втором случае это связано с необходимостью передачи в кадре пластики, образной выразительности самой «физической реальности»⁴³.

Яркий представитель советского киноавангарда Д. Вертов, введя термин «киноправда», также предугадал один из главных творческих приоритетов экранной культуры – диалектику документального и эстетического. Подход не созерцателя, а творца позволил ему взглянуть по-новому на специфику экранного способа воспроизведения реальности. Заслуга Д. Вертова в том, что именно он открыл эстетику фото- и кинодокумента как «мира без игры», широко используя крупный план, ракурс, ритм, монтаж – выразительные средства всех экранных искусств. Показательным в связи с этим является его полнометражный документальный фильм «Человек с киноаппаратом» (1929), название которого стало символичным для кинематографистов. Правда, Д. Вертов, отвергая игровой кинематограф, не хотел воспринимать тот очевидный факт, что экранный образ существует как в информационно-сюжетных рамках, так и в зрелищно-визуальных, ибо ориентирован на зрительское восприятие. А это чревато уходом от «киноправды» в мифологизацию (идеологизацию) реальности, что и происходит в дальнейшем в его творчестве.

Вертовская теория «киноправды» через много лет найдет свое отражение в известной формуле А. Тарковского – «запечатленное время». Именно так он воспринимал специфику кино и экранной культуры в целом: «Время, запечатленное в своих фактических формах и проявлениях, – вот в чем заключается главная идея кинематографа как искусства, <...> она исходит из принципиальной сущности кино, связанной с потребностью в освоении и осознании мира...»⁴⁴ По мнению А. Тарковского, «стремление

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Тарковский А. А.* Запечатленное время // *Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. статей.* СПб., 2012. С. 182–183.

человека, идущего в кино, заключается в том, что он идет туда <...> потому, что кинематограф, как ни одно из искусств, расширяет, обогащает и концентрирует фактический опыт человека... Вот в чем действительная сила кино, а не в “звездах”, не в сюжетах, не в развлекательности»⁴⁵.

Иной взгляд на сущность «технологизации» культуры высказал еще в 1930-е годы один из основателей франкфуртской философской и социологической школы В. Беньямин в своих работах «Краткая история фотографии» и «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Он утверждал, что фотография – первое «действительно революционное средство воспроизведения реальности, родившееся вместе с идеями социализма»⁴⁶, хотя ее появление имело двоякое значение для развития мировой культуры. С одной стороны, по мнению В. Беньямина, фоторепродуцирование по сути девальвировало все традиционные ценности «изящных искусств» (гениальность творчества, неповторимость произведения, эстетическое наслаждение как высший результат восприятия искусства); с другой – стало средством «обновления человечества»⁴⁷, так как изменило социальную функцию искусства. Классическое искусство «функционировало в ритуале»⁴⁸, было на службе культа – идеала, красоты, Бога. Уникальность произведения как нельзя лучше отвечала этой ритуальной функции искусства. Поэтому утрата в процессе репродуцирования и тиражирования «ауры»⁴⁹ подлинника, по мнению В. Беньямина, равносильна разрыву с традицией.

Трансформационные процессы в экранной культуре XX века привели не только к ее дальнейшей «массовизации», но и к расширению эстетической палитры за счет технической модификации: в кино пришли звук, цвет, широкий экран, полиэкран, стереофония, расширились возможности телевидения (эфирного, ка-

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избр. эссе. М., 1996. С. 69.

⁴⁷ Там же. С. 70.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

бельного, спутникового, цифрового), в структуру экранной культуры постепенно вошли видео, компьютер и Интернет со своими художественно-семиотическими особенностями. «Локомотивом» экранной культуры вплоть до 1980-х годов оставался кинематограф с разнообразием его модернистских исканий, художественных течений, стилей, периодически преобразовывающих эстетику аудиовизуального творчества. Достаточно вспомнить шедевры немецкого экспрессионизма, французского и советского киноавангарда 1920-х годов, культовые фильмы социалистического реализма, итальянского неореализма, «новой волны» в кино Франции и России, английского «свободного кино», экранного экзистенциализма, художественные открытия шведского и японского киноискусства и др. Парадоксальную точку зрения высказал лидер нового английского кино П. Гринуэй, доказывая «смерть» кинематографа, которая по его мнению, наступила в 1983 году, когда был изобретен пульт дистанционного управления.

Обратим внимание и на тот факт, что технический и творческий расцвет экранного искусства приходится на 1960–1970-е годы, то есть на период, когда под эгидой знаменитых метафор Г.-М. Маклюэна об «информационном взрыве» и мире как «глобальной деревне» на Западе утверждается идея о том, что человечество вступило в информационную эпоху, задача которой – создание открытого общества. Однако в указанный период информатизации, который Д. Белл определил как «постиндустриальный»⁵⁰, а Э. Тоффлер назвал его «третьей волной»⁵¹, лишь немногие представители научной и творческой элиты в западной цивилизации были знакомы с искусственным интеллектом, созданным с помощью компьютера и его потенциала. И все же постепенно в обществе – не без влияния произведений гениальных художников экрана, к примеру, Ж.-Л. Годара, снявшего первый киберхит о галактическом компьютерном концлагере «Альфавиль» (1966) или С. Кубрика, прославившегося своим фильмом «2001: Космическая одиссея» (1969), сконструированным

⁵⁰ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. 788 с.

⁵¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. 784 с.

на спецэффектах, созданных новыми компьютерными технологиями, – начинает формироваться убеждение, что компьютер становится «новым богом» информационной эпохи.

Между тем даже создатель актуальной медиатеории Г.-М. Маклюэн в книге «Понимание медиа. Внешние расширения человека», опубликованной в 1964 г. и переведенной на многие языки мира, где представлен системный анализ всех ключевых видов медиакультуры, только последнюю главу посвятил анализу обработки данных, а роль компьютерных технологий в его исследовании сведена лишь к «автоматизации» или «кибернетизации» как видам «хранилища памяти»⁵². Это можно объяснить тем, что Г.-М. Маклюэн рассматривал все медийные средства, в том числе экранные, только как способы коммуникации и репрезентации. Более того, по его мнению, «коммуникационные гибриды» (так он называл аудиовизуальные, т. е. экранные, коммуникации) стремятся завладеть сознанием потребителя, погружая его в пространство виртуального мира. Отсюда знаменитое сравнение воздействия экрана на потребителя с мифом о Нарциссе, который влюбился в собственное отражение⁵³.

Гипертрофированность средств аудиовизуальной коммуникации отмечали и А. Базен, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Джеймисон, Ю. Кристева. Ж. Бодрийяр ввел метафору «симулякры» для обозначения созданных с помощью медиа виртуальных образов реальности, а сущность медиатизации (компьютеризации) общества определил как тотальную «мифологическую систему»⁵⁴. Это значит, что «бесконечно суггестивный»⁵⁵, по Р. Барту, образный язык экрана в определенной степени является родственным мифологическому мышлению в восприятии мира.

Рубеж 1960–1970-х годов в истории культуры является знаковым еще и потому, что связан с появлением эстетики постмодерна (это понятие используется для характеристики опреде-

⁵² Маклюэн Г.-М. Понимание медиа: Внешние расширения человека... С. 399–404.

⁵³ Там же. С. 50–58.

⁵⁴ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2006. 238 с.

⁵⁵ Барт Р. Мифологии. М., 2008. С. 264.

ленных тенденций не только в культуре, но и в политике, этике, образе жизни). Впервые термин «постмодернизм», как известно, употребил А. Тойнби еще в 1946 году, обозначив так определенный этап в развитии западно-европейской культуры, обусловленный переходом к политике послевоенного периода, учитывающей характер глобальных международных отношений. Эстетика постмодерна в художественной, в том числе экранной, культуре связана с переходом от модернизма к информационной эпохе, отказавшейся в условиях переизбытка информации от творческих поисков и новаций. Это привело к появлению нового типа эстетики, осмысленной в трудах Ж. Батая, Ж. Деррида, Ф. Джеймисона, Ж.-Ф. Лиотара, И. Хассана, У. Эко и др., для которой характерны деконструкция текста, его неопределенность, ироничность как форма разрушения, клиповость, коллажность и фрагментарность, игра и симулякр, маргинализация, парадоксальность и т. п.⁵⁶ Так в художественном творчестве отразилась новая культурная парадигма информационной эпохи.

Анализируя процессы трансформации экранных форм культуры, следует обратить особое внимание и на модификацию языка как знаковой системы. С информационно-семиотической точки зрения экранная культура предстает в трех основных ипостасях: как система артефактов (от латинского *arte* – искусственный и *factus* – сделанный), символов и знаков. А «всякая система, служащая целям коммуникации, – утверждал Ю. М. Лотман, – может быть определена как язык»⁵⁷. Исследуя язык произведений искусства, Ю. М. Лотман доказал, что любые культурные явления «следует рассматривать как тексты, содержащие информацию и смысл»⁵⁸. Это свидетельствует о том, что «текст» – понятие многозначное, при этом речь идет не только о литературном произведении или статье, но и о любом носителе информации, включая и современные электронные источники.

⁵⁶ См.: Кириллова Н. Б. Концепт модерна и постмодерна // Медиалогия: Наука глобализованного мира. М., 2022. С. 159–160.

⁵⁷ Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 2000. С. 19.

⁵⁸ Там же. С. 284.

Таким образом, язык любых форм культуры – это знаки и совокупности знаков («тексты»), в которых «зашифрована» социальная информация, то есть вложенные в них содержание, значение, смысл. Одним из сквозных является вопрос об идеологичности текста. Здесь автор главы отталкивается от теории М. М. Бахтина, согласно которой, текст идеологичен в том случае, если его основа – «это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний»⁵⁹. Рассматривая содержание и идеи текстов Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин, как известно, ввел в научную лексику не только понятие «диалог» («диалогизм»), но и «полифония» («полилог»).

Это дало возможность Ю. Кристевой, представителю постмодернистской семиотики и последовательнице М. М. Бахтина, выявить «довербальный» уровень существования субъекта, где господствует «бессознательное», разрушив тем самым приоритета знака, и перейти от семиотики к «семанализу». Ю. Кристева дифференцировала традиционную структуру текста, обозначив границы между «гипертекстом» и «интертекстом», «генотекстом» и «фенотекстом», которые соотносятся друг с другом как глубина и поверхность, как формула и символика. Таким образом она доказала, что любой текст полифоничен и представляет собой «особое устройство – площадку, на которую выходят разные идеологии, чтобы обескровить друг друга в противоборстве»⁶⁰.

Есть существенное различие между языком аудиальных и визуальных форм культуры. В первых системах знаковыми факторами являются звук, речь, музыка, вокал, а так же время, которое выступает в двух измерениях – последовательности и одновременности. Структурирование вторых систем связано с пространством. При этом в традиционных визуальных искусствах (живопись, графика, плакат) доминируют иконические знаковые системы. Аудиовизуальная (экранная) культура, как уже было отмечено, связана с «фотогенией», то есть эстетикой кадра. Сегодня это свойство не только кино и телевидения, но и других

⁵⁹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб, 2017. С. 130.

⁶⁰ Кристева Ю. Разрушение поэтики: Избр. труды. М., 2004. С. 21.

аудиовизуальных средств коммуникации, таких как видео, анимация, компьютерная графика, социальные сети и другие экранные технологии⁶¹.

Кадр экрана, по мнению Ж. Делеза, дает нам «виртуальную видимость», которую населяют «образы-движения», противоположные неподвижным фотографическим срезам. По Ж. Делезу кино как «виртуальная видимость» оказывается «ближе к мысли», чем фотография и даже литература. Более того, «естественная история кинематографа» идет по пути все большей виртуализации (наращивания световых, цветовых, звуковых и прочих эффектов), то есть по тому пути, где «реальность мысли» оказывается более ощутимой, чем «физическая реальность», которую кино «повторяет»⁶². Отсюда особый интерес Ж. Делеза к творчеству классиков мирового экрана: М. Антониони, Р. Брессону, Ж.-Л. Годару, А. Рене, О. Уэллсу, С. Эйзенштейну, А. Тарковскому.

В условиях глобализованного мира язык экранной культуры, включающей и новые медиа, трансформируется, все больше становясь «технологиями». Так, язык современного дигитального экрана, основанный на цифровом кодировании, по утверждению Л. Мановича, «становится одной из форм диалога в дилемме “человек – компьютер”», что в корне меняет сущность эстетического»⁶³. Л. Манович разрабатывает понятие «постмедиаэстетики», указывая на принципиальную роль программного обеспечения, интерфейса, «физики взаимодействия» потребителя с компьютером, что становится сутью новых эстетических отношений в коммуникации⁶⁴.

Наряду с содержанием самих понятий «культура постмодерна», «постмодернистская эстетика», «постмодернистская семиотика», появившихся в гуманитарной науке и раскрывающих основные тенденции культуры информационной эпохи, выделяется

⁶¹ См.: Кириллова Н. Б. Языковые трансформации медиатекста как фактор репрезентации реальности...

⁶² Делез Ж. Кино. М., 2004. С. 19–20.

⁶³ Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics // Manovich : [site]. URL: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-social-computing> (date of access: 14.10.2023).

⁶⁴ См.: Манович Л. Язык новых медиа. М., 2018. 399 с.

еще одна точка зрения, согласно которой «постмодернизм – это явление не столько в развитии социальной реальности, сколько сознания»⁶⁵. Подчеркивая рефлексивный характер постмодернизма как феномена культуры, З. Бауман утверждает, что «это не что иное как современность для самой себя»⁶⁶, то есть итог «модернизации и дерегулирования социально-экономических и политических отношений»⁶⁷. Более того, всемирный культурный кризис привел к тому, «что реальностью нынешнего дня стало индивидуализированное общество»⁶⁸ с его «всепроникающим чувством неопределенности»⁶⁹.

Это ощущение эстетической и идейно-художественной неопределенности является основой фильмов ярких представителей экранного постмодернизма П. Гринуэя, А. Паркера, К. Рассела, Б. Робинсона, М. Ли, К. Тарантино и др. Апофеозом постмодерна стали картины П. Гринуэя «Контракт рисовальщика» (1982), «Живот архитектора» (1987), «Отсчет утопленников» (1988), «Повар, вор, его жена и ее любовник» (1989) и другие, шокировавшие публику не только своей философско-ёрнической интонацией, но и обилием подтекстов и символических мелочей. Культовыми стали и многие экранные работы К. Тарантино, особенно «Криминальное чтиво» (1994). Режиссер поразил тем, что создал своеобразный фильм-коллаж, соединив боевик и мелодраму, комедию и философское размышление о Боге, вере и выборе пути. Не избежали влияния постмодернистских тенденций и последние работы классиков мирового киноискусства, в которых отразился тотальный духовный кризис человеческой цивилизации: И. Бергмана, Л. Бунюэля, Ж.-Л. Годара, Ф. Трюффо, Ф. Феллини, А. Тарковского и др. Черты постмодернистской эстетики есть и в картинах российских режиссеров, работавших на рубеже XX–XXI веков: А. Балабанова, И. Дыховичного, Н. Михалкова, К. Муратовой, С. Соловьева, А. Сокурова, В. Хотиненко и др.

⁶⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 315–316.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 104.

⁶⁹ Там же.

Постмодернистские стратегии, осмысленные в философии и социологии культуры, семиотике и эстетике многими зарубежными и отечественными исследователями, в гуманитарной науке стали восприниматься как «достаточно условный шаг к построению принципиально новой альтернативной модели планетарной культуры человечества»⁷⁰. То есть постмодерн как некий творческий тупик явил собой начало информационно-компьютерной революции в культуре, так и не став ее фундаментальной эстетической основой, какой был модернизм.

От постмодерна к цифровой культуре

Третий период в истории экранной культуры – рубеж XX–XXI веков, связанный с трансформационными процессами глобализации и цифровизации, можно определить как «компьютероцентричный». Компьютер и Интернет, ставшие составной частью современной экранной культуры, обусловили появление новых парадигм – «виртуальной реальности» и «виртуальной культуры». Реальность эпохи – переизбыток информации, которую невозможно отслеживать и осмысливать. Архивы, библиотеки и музеи постоянно пополняются актуальной информацией, оцифровывая уже имеющиеся материалы. Повседневная жизнь человека стала немыслима без Интернета, смартфонов, сообщений из чатов, sms, цифровых фотографий и других цифровых следов современного бытия. Получение и обработка информации с помощью компьютера становится ключевым аспектом современности, а поисковая система – не только формой получения и хранения информации, но и элементом связи «индивид – машина»⁷¹. Эта мысль Л. Мановича о взаимосвязи человека и техники не нова, она еще в 1920 годы волновала Д. Вертова. Его знаменитый «киноглаз» являлся не просто образом кинокамеры, но и символом такого единения с киноаппаратом, которое приве-

⁷⁰ Историческая культурология (Энциклопедия культурологии) / Под ред. Э. А. Шулеповой. М., 2015. С. 529.

⁷¹ Об этом см.: *Manovich L. Media after Software // Journal of visual Culture*. 2013. Vol. 12 (1). P. 36–37.

дет к созданию «электрического человека», то есть к гибриду человека и машины⁷².

Нельзя не согласиться с тем, что большинство новых эстетических форм в кино, анимации, графическом и промышленном дизайне созданы при помощи компьютера, – этот факт оказывает столь же сильное влияние на результат работы творцов в разных сферах медийной культуры, влияя одновременно на эстетические потребности самого потребителя. В итоге и обработка информации, и компьютерный дизайн, способствуют созданию новых моделей восприятия реальности, поведения, работы и игры.

Неоспоримым является и тот факт, что экранные формы инфоэстетики сегодня – самые востребованные. Кинематографический нарратив, интерактивная визуализация экранных текстов, интерфейс мобильного телефона, жесткий диск и многое другое – всё это варианты цифровой эстетики. Чаще всего, когда мы говорим о восприятии современной экранной продукции (кино, теле- или видеофильм, фотография, компьютерная анимация и графика, телепрограмма, видеоклип, web-сайт и т. д.), мы даем оценку ее эстетическим параметрам. Хотя есть и иные культурные измерения, такие как «авторство», «соавторство», «художественная концепция», «стилистическое решение» и др.

Однако новая эстетическая реальность порождает и массу вопросов. Приведет ли рост объема новейших медийных средств и инструментов интерфейса к повышению эффективности цифровой эстетики в произведениях экранного искусства? Способен ли искусственный интеллект заменить творца в определении эстетической формы произведения? Не превращается ли под воздействием компьютерных технологий экранное произведение в аттракцион?

Здесь вновь следует согласиться с Л. Мановичем в том, что «эти новые формы не являются стабильными, определенными, конечными и ограниченными в пространстве и времени – зачастую они варьируются, возникают спонтанно, они размыты, их нельзя наблюдать непосредственно»⁷³. Дело в том, что взаимо-

⁷² Об этом см.: *Вертов Д.* Статьи. Дневники. Замыслы. М., 1966. С. 47.

⁷³ *Manovich L.* Media after Software...

действие человека и компьютера (искусственного интеллекта) – это динамичный процесс, свидетельствующий о том, что информационные возможности достигли таких масштабов, которые индивидуум не в состоянии в полной мере воспринять.

Особое место сегодня отводится эстетике дигитального экрана, в основе устройства которого лежит цифровое кодирование: он не только что-то сообщает нам с помощью кадра или визуальных образов, не только передает «картинку», речь, музыку, но и благодаря интерактивности вступает с нами в контакт. То есть компьютер, который, по определению немецкого социолога Н. Больца, выполняет функцию «информационного ассистента»⁷⁴, – это и есть направление смены парадигм, определенное процессами цифровизации. Отдавая должное компьютеризации как главному явлению рубежа XX–XXI веков, Н. Больц подчеркивает, что компьютер – это «технический медиум», создающий особую функциональную медийную среду, поэтому раскрыть эстетический потенциал и компьютера, и цифровых камер – значит постичь их язык и коды⁷⁵.

Что привнесла цифровая эстетика в развитие экранной культуры XXI века? С одной стороны, как уже отмечено, смену парадигм, обусловленных культурным сдвигом, порожденным глобализацией. В противовес постмодернизму с его тупиковой эстетикой некоторые исследователи говорят о повороте культуры к «неоромантизму», «альтермодернизму» или «метамодернизму»⁷⁶. Некоторые признаки перехода к указанным направлениям можно увидеть в современном кинематографе с его арт-блокбастерами и «новым экстримом», в многочисленных сериалах, созданных для телевидения и стриминговых платформ. К примеру, самым заметным явлением в голливудской продукции стали *франшизы* – серии крупнобюджетных фильмов, связанных между собой сюжетами или героями. Безусловно, кино- и телесериалы снимались и в XX веке, однако современные значительно превосхо-

⁷⁴ Об этом см.: Больц Н. Азбука медиа. М., 2011. С. 14.

⁷⁵ Там же. С. 89–90.

⁷⁶ См.: Аронсон О. В. Метакино. М., 2003; Аронсон О. В. Кино и философия: от текста к образу. М., 2018.

дят своими масштабами и спецэффектами даже самые смелые фантазии продюсеров и режиссеров прошлого. Среди наиболее значимых франшиз XXI века – «Матрица» (1999, 2001, 2021) Л. и Э. Вачовски, «Властелин колец» (2001–2003) П. Джексона, «Аватар» (2009, 2023) Дж. Кемерона, «Гарри Поттер» (2001–2011, 2016–2022), «Пираты Карибского моря» (2003–2017) и масса мировых анимационных проектов.

Особо следует выделить культуру Интернета как «средства свободной глобальной коммуникации»⁷⁷ и одновременно социально распределенной памяти человечества. (Хотя далеко не все представители гуманитарной науки с пиететом относятся к Интернет-пространству из-за обилия в нем фэйков как манипуляторов реальности, а также из-за приоритета экономической составляющей.) В Интернете есть популярный контент – веб-сериал, который является, с одной стороны, аудиовизуальным продуктом, во многом родственным кино- и телеформатам, и, с другой стороны, собственно сериалом, который создается по канонам и правилам многосерийного фильма. Его популярность и активное распространение в начале 2000-х годов связаны не только с влиянием новых медиа на аудиторию, особенно молодежь, но и с возможностью обходить формальные или цензурные ограничения, которые характерны для телепродукции. А простота структуры веб-сериала как формата мономифа являет собой еще один пример современного масскульта, близкого к видеоигре типа Тик-Ток-видео, скетч-шоу, что приводит к примитивному, упрощенному восприятию молодежью окружающего мира.

Приведенные примеры доказывают, что в XXI веке модификация художественно-семиотической структуры экранной культуры, составной частью которой стал Интернет, привела к новому диалогическому познанию мира. Во Всемирной сети циркулируют мириады текстов, фильмов, сериалов, статических и движущихся изображений – всё это виртуальное пространство экранной культуры, аудиовизуальных технологий, существование которых доказывает универсальность, интерактивность язы-

⁷⁷ Об этом см.: Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе... С. 5.

ка экрана, его способность к диалогу разных художественных культур.

Подводя итоги, отметим, что современная экранная культура в поисках актуальной эстетики и языка как кодификатора реальности достигла многого. Репрезентируя реальность с помощью цифровой эстетики дигитального экрана, она стала конструктом «виртуальной реальности», способствующим возникновению нового типа коммуникации. Интернет в XXI веке стал своеобразным «зеркалом-экраном» бытия всей планеты, а в жизнь современного человека, благодаря компьютеру, прочно вошел искусственный интеллект.

Осмысляя специфику воздействия компьютерных технологий как важной составляющей структуры современной экранной культуры, следует констатировать, что цифровая культура стремительно меняет сознание и жизнь человека, его способы восприятия реальности. Однако и в этом вопросе много нерешенных проблем. Вот почему изучение специфики воздействия цифровых технологий в курсе теории и практики экранной культуры – одна из актуальных задач современного гуманитарного образования.

2.3. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПОДХОДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН: К ВОПРОСУ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Цифровизация общества и культуры, являющаяся одним из важнейших явлений современности, представляет собой сложный, многосторонний феномен, влияющий на окружающую нас реальность самыми разными способами. Вопрос о том, каким образом цифровизация влияет на сферу гуманитарного знания в целом и гуманитарного образования в частности остро стоит уже не первый год. Цифровые технологии меняли и продолжают менять не только методы и подходы в сфере образования, но и само понятие гуманитарного знания. В рамках данного процесса мы уже столкнулись с инновациями, которые

стали повседневной практикой и встроились в существующие научные и учебные процессы (доступ к цифровым источникам информации, легкость создания и распространения текстов, демонстрация и презентация и т. д.); с инновациями, которые оказались скорее модными трендами, не оставившими серьезного следа (например, концепция «цифровых туземцев» или идея обучения внутри трехмерной виртуальной симуляции) и с другими многочисленными инновациями, с которыми мы продолжаем экспериментировать.

Гуманитарные исследования цифровой среды: особенности подходов

Существенной частью вопроса о цифровизации гуманитарного знания и образования является вопрос о статусе гуманитарного знания по отношению к знанию техническому. В современной культуре широко распространены технократические и технодетерминистские настроения, связывающие развитие технологий с неизбежностью прогресса. Это связано с тем, что мы имеем дело с начавшимся как минимум двести лет назад процессом отделения гуманитарного знания от естественных, а позднее и от технических наук, породившим феномен так называемых «двух культур»⁷⁸. Сложившийся в результате своеобразный «комплекс неполноценности» гуманитария по отношению к естественнонаучному и техническому знанию в различные периоды мог компенсироваться «комплексом превосходства» (например, в постструктуралистских и постмодернистских теориях); однако взгляд на цифровизацию современного общества на фоне доминирующего техноцентризма и приоритизации эффективности (как «сверхкомпенсации») следует признать устаревшим. В последние десятилетия делаются попытки преодоления этой дихотомии внутри научного знания за счет радикальной междисциплинарности (например, в социобиологии или в цифровой гуманитаристике), однако это не решает сложную и масштабную задачу.

⁷⁸ См.: *Snow C. P. The two cultures and the scientific revolution. Cambridge, 1959. 58 p.*

В результате мы можем видеть, как отношение к вопросу цифровизации в сфере гуманитарного – и, более конкретно, культурологического – образования, часто оказывается пронизано (иногда явно, иногда имплицитно) двумя противоположными настроениями. С одной стороны, мы часто видим, что преподаватель гуманитарных дисциплин воспринимается скорее как объект, а не как субъект процесса цифровизации. Предполагается, что основные условия и тренды цифровизации определяются иными акторами, оставляя гуманитария лишь возможность лавировать внутри заданных рамок и подстраивать под них исследовательский и образовательный процесс. С другой стороны, очевидны попытки противодействовать такому подходу, доказывая, что гуманитарии способны активно развивать и внедрять инновационные формы цифровизации в гуманитарное знание: либо интегрируя цифровые и традиционные формы гуманитарного исследования, либо создавая новые.

Одним из наиболее популярных и очевидных способов введения цифровой тематики в гуманитарное знание является изучение цифровых технологий традиционными методами гуманитарных наук. Данный подход открывает широкие возможности использования имеющегося теоретического и методологического инструментария гуманитарного знания для исследования проблем и особенностей цифрового общества. Большими наработками в этой области обладают исследования науки и технологий (STS) – междисциплинарное направление, многие концепции которого легли в основу наиболее популярных исследовательских парадигм в области цифровой культуры. Здесь мы обнаруживаем привычный и в значительной степени предсказуемый теоретический инструментарий современного гуманитария. Ведущей идеей, задающей тон подобных теоретических подходов, является тезис об укорененности технологий в культуре и обществе – и, следовательно, о необходимости прояснения и проблематизации многообразных сложных связей, возникающих в подобном взаимодействии. Такие понятия, как «социотехническое воображаемое», введенное Шейлой

Джасанофф⁷⁹, или «капитализм платформ» Ника Срничека⁸⁰, отражают стремление адаптировать развитые в XX веке теоретические подходы к проблемам современного цифрового общества.

За последние годы сформировалось несколько устойчивых тем как в исследовании, так и в преподавании цифровой культуры:

- критика непрозрачности современных цифровых структур (речь идет о крупных медиакомпаниях и их продукции);
- проблема различных форм неравенства или дискриминации, создающихся или поддерживающихся цифровыми инструментами;
- проблема социальных эффектов цифровизации и их воздействие на людей, в том числе на детей и подростков;
- проблема данных: их производства, распространения и использования в современной культуре;
- антропологический подход, изучающий формы взаимодействия людей с цифровыми технологиями, в том числе на микроуровне;
- анализ репрезентаций цифровых технологий в культуре – образов и нарративов, изображающих те или иные цифровые феномены в кинематографе, литературе, Интернет-пространстве и т. д.

Внедрение подобных тем в преподавание культурологии, на первый взгляд, кажется очевидным и относительно беспроблемным процессом. Гуманитарные подходы к анализу цифровой проблематики преподаются обычно в рамках курсов, посвященных цифровой и информационной культуре, медиаграмотности, критическим исследованиям медиа и т. д. В рамках подобных курсов осуществляется интеграция знаний, полученных студентами в процессе изучения других дисциплин (например, теории культуры, культурной антропологии, социологии и т. д.) с проблематикой цифровизации. Так, в рамках подобных курсов возможно обучение методам антропологии социальных сетей, анализа нарративов в Интернете или визуального анализа цифровой среды. Подобные курсы также часто включают в себя элементы критиче-

⁷⁹ См.: *Jasanoff S., Kim S.-H. Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. Chicago, 2015. 360 p.*

⁸⁰ См.: *Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019. 125 с.*

ского осмысления цифровых технологий и их влияния на культуру и общество, тем самым способствуя развитию медиаграмотности и противодействуя тенденциям технотерминизма.

Таким образом, как на уровне методов, так и на уровне содержания тематика цифровой культуры не противоречит сложившейся гуманитарной традиции, а напротив, может рассматриваться как новый и увлекательный предмет исследования. Речь идет, как будто бы лишь о том, чтобы добавить курсы, посвященные цифровой культуре, в существующий учебный план и показать, каким образом подходы, изученные студентами в рамках классических теоретических курсов (таких как теория культуры, история культуры, социология, культурная антропология и т. д.) могут быть применены для исследования цифровых объектов. Несомненно привлекательность подобных тем для студенческой аудитории, поскольку они позволяют связать теоретический материал с непосредственным жизненным опытом современной молодежи.

Однако помимо позитивных моментов существуют и проблемы. Для эффективного обучения материалы курсов по цифровой культуре должны быть хорошо интегрированы с содержанием теоретических курсов. Также практика показывает, что одного курса по цифровой культуре недостаточно для освоения многообразия существующих подходов – гораздо более продуктивным представляется рассмотрение этой темы в рамках отдельного модуля, что, однако, может осложняться нехваткой времени в существующих учебных планах. Но основная часть проблем в области преподавания цифровой культуры и похожих дисциплин связана с разработкой и внедрением прикладной части подобных курсов. Обучение исследованиям цифровой культуры предполагает, среди прочего, реализацию студентами самостоятельных практических заданий, что, в свою очередь, требует доступа к современному компьютерному оборудованию и программам, а также совместной работы гуманитариев и ИТ-специалистов. Образцом подобной совместной работы, демонстрирующим новые возможности междисциплинарной интеграции, в данный момент является другой подход к цифровизации гуманитарного знания, получивший название *digital humanities*.

Digital humanities как опыт радикальной междисциплинарности

Параллельно с описанным выше подходом сформировался другой теоретический и практический подход к цифровизации гуманитарного знания: цифровая гуманитаристика, или digital humanities (часто сокращается до аббревиатуры DH). В настоящее время в отечественной научной литературе до сих пор не достигнут консенсус по поводу перевода данного термина на русский язык⁸¹. Наряду с буквальным заимствованием английского названия и термином «цифровая гуманитаристика» используется также понятие «цифровые гуманитарные исследования» и ряд производных от него. Не углубляясь в вопрос истории и пред истории цифровой гуманитаристики, можно лишь констатировать, что за последние 15–20 лет это направление прошло путь от спорного, кажущегося радикальным нового подхода до по-прежнему нового, но уже институционализированного и обретшего устойчивые контуры исследовательского и преподавательского поля.

Институционализация digital humanities в рамках высшего образования является наиболее интересным аспектом нашей темы. Рассмотрим, к примеру, ряд ведущих программ цифровых гуманитарных исследований, действующих в настоящее время в российских вузах. Отметим, что речь идет о программах, которые открыто позиционируются как программы цифровой гуманитаристики, или digital humanities. Хотя такие программы могут создаваться (и чаще всего создаются) на базе конкретного факультета, их учебные планы и курсы демонстрируют значительную междисциплинарность как в содержательном отношении, так и в отношении преподавательского состава (присутствие преподавателей разных дисциплин, большое число преподавателей-практиков и т. д.). Такие программы обычно реализуются на уровне магистратуры и фокусируются главным образом на развитии практических навыков использования конкретных цифровых инструментов в различных областях культурной работы. Так, программа «Цифровые

⁸¹ См.: Антопольский А. Б., Бонч-Осмоловская А. А., Бородкин Л. И. Цифровые гуманитарные исследования: монография. Красноярск, 2023. 272 с.

гуманитарные исследования» Санкт-Петербургского университета ИТМО (играющего одну из передовых ролей в развитии российской цифровой гуманитаристики) описывает профессию цифрового гуманитария следующим образом: это «специалисты, которые могут критично и деятельно отнестись к процессам цифровизации, понять, какую роль они играют в жизни и организации общества»⁸². Хотя слово «критичный» указывает на присутствие традиционного гуманитарного подхода, описание не оставляет сомнения в том, что главная цель обучения прикладная: научить студентов «сделать проект, продукт (визуализацию, бота, веб-сайт или базу данных), или план работы цифрового отдела»⁸³. Прикладной характер в данном случае связан не только с конкретными технологиями, но и с местом, поскольку содержание программы разрабатывается с ориентацией «на запросы культурных институций Санкт-Петербурга»⁸⁴.

Магистратура «Цифровая гуманитаристика» в Уральском федеральном университете имени Б. Н. Ельцина также демонстрирует радикально междисциплинарный и прикладной подход. Данная магистерская программа реализуется при активном участии «СКБ Контур», что демонстрирует еще один характерный аспект цифровой гуманитаристики как области знания: активное сотрудничество с компаниями ИТ-сектора, а иногда и зависимость от них. Содержание программы, представленное на официальном сайте, отражает ее прикладной характер, направленный на приобретение конкретных навыков⁸⁵.

Магистерская программа Высшей школы экономики «Цифровые методы в гуманитарных науках» демонстрирует отношение к цифровым методам прежде всего как к научному инстру-

⁸² Всё о поступлении на программу Digital Humanities в ИТМО // Digital Humanities Center : [сайт]. URL: <http://dh.itmo.ru/magistratura> (дата обращения: 15.10.2023).

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ См.: Цифровая гуманитаристика // СКБ Контур : [сайт]. URL: https://dh-urfu.skbbkontur.ru/?utm_source=site&utm_medium=urfu&utm_campaign=urfu&utm_term=magistratura_tsifrovaya_gumanitaristika#term-1 (дата обращения: 15.10.2023).

менту гуманитарных дисциплин. В то же время, описание данной программы подчеркивает практический уклон с возможностью применения приобретенных знаний вне академической среды⁸⁶; при этом список изучаемых дисциплин демонстрирует ориентацию на научно-гуманитарные методы анализа – прежде всего, компьютерный анализ текстов, сетевые методы и визуализацию⁸⁷.

Таким образом, мы видим, что на данный момент содержание и структура digital humanities как отдельной области гуманитарного знания, с одной стороны, сложились в достаточно предсказуемую конфигурацию, с другой стороны, носят эклектичный характер, представляя собой, по сути, набор методов, которые могут применяться для исследования различных объектов, объединенных обобщенным определением «культура» или «гуманитаристика»*. Разумеется, без углубленного анализа *содержания* конкретных программ и курсов невозможно определить, насколько та или иная программа преодолевает эту эклектику за счет введения обобщающих теоретических парадигм. Однако здесь важнее тот факт, что в рамках цифровой гуманитаристики эклектичность и отсутствие интегрирующих теоретических моделей рассматриваются не как проблема, но как конституирующий элемент данного подхода. Недавно вышедшая монография фиксирует такой подход как само собой разумеющийся: «Если максимально упростить схему, то digital humanities являются продолжением соответствующих областей гуманитарного знания. Цифровые гуманитарные науки распадаются на цифровое литературоведение, электронные публикации, цифровое искусство-

⁸⁶ См.: Будущая профессия // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/ma/dh/career> (дата обращения: 14.01.2024).

⁸⁷ См.: Ключевые дисциплины // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/ma/dh/disciplines> (дата обращения: 14.01.2024).

* Само по себе слово «гуманитаристика», как справедливо отмечают авторы процитированной выше монографии, является проблематичным. С одной стороны, оно отражает оправданное желание создать более компактный и удобный перевод понятия «digital humanities», с другой – может интерпретироваться как характерное стремление заменить традиционное понятие гуманитарного знания новым.

ведение (включая музееведение), цифровое киноведение»⁸⁸. Таким образом, мы видим интересную ситуацию: с одной стороны, цифровые методы исследования и преподавания развиваются внутри традиционных дисциплин, не называясь при этом термином *digital humanities*. С другой стороны, программы, в названии которых используется этот термин (и его русскоязычные аналоги), чаще всего являются междисциплинарными, а для обозначения их выпускников используется понятие «цифровой гуманитарий», что также подчеркивает институционализацию цифровой гуманитаристики как особой области знания.

В результате современная цифровая гуманитаристика развивается одновременно и как совокупность методов разных наук, и как интегрирующая область, претендующая на переосмысление методов и целей гуманитарного знания. Попытки установить ясность в этом вопросе можно видеть, например, в стремлении разграничить цифровые методы *внутри* гуманитарной дисциплины и цифровую гуманитаристику *как* гуманитарную дисциплину по характеру их результатов: «Следует отметить, что в среде специалистов наблюдается относительный консенсус о том, что цифровые гуманитарные науки предполагают не только использование компьютера как исследовательского инструмента, но и расширение цифрового историко-культурного наследия путем публикации электронных ресурсов, реконструкций и визуализаций. Без таких публикаций исследование может быть компьютеризированным, но не может относиться к направлению ДН»⁸⁹. Подобное разграничение, которое следует признать одновременно и промежуточным, соответствующим лишь нынешнему состоянию цифровизации гуманитарных исследований, и недостаточным, тем не менее схватывает существенную черту этого направления: приоритет данных (цифровых, количественных), а не теории.

Именно поэтому эклектичность методов и инструментальный характер исследований в *digital humanities* не просто являются отличительными чертами данного направления – прямо

⁸⁸ Антопольский А. Б., Бонч-Осмоловская А. А., Бородкин Л. И. Цифровые гуманитарные исследования: монография...

⁸⁹ Там же.

или косвенно такой подход опирается на ряд предпосылок, задающих определенную модель гуманитарного знания и его преподавания, что, в свою очередь, выводит нас на уровень более общих вопросов о смысле и задачах гуманитарной науки в целом. В первую очередь, здесь, конечно, имеет значение старый спор о роли интегрирующих теорий (так называемых больших теорий) в гуманитарных дисциплинах. Тема большой теории получила огромное развитие в XX веке, пройдя множество циклов полемики, попыток создать интегрирующую теорию гуманитарных наук, отказа от подобных попыток и т. д. К концу XX – началу XXI века под влиянием растущей фрагментации гуманитарных методов исследования часть гуманитарного сообщества испытала разочарование в самой идее теории. Одновременно с этим мы видим крен в сторону большей эмпиричности гуманитарного знания, поощряющийся в том числе на уровне грантовых и публикационных механизмов и коррелирующий с растущим вниманием к преподаванию конкретных навыков и компетенций в рамках трансформации университетского образования. Все эти процессы, разворачивающиеся на фоне нарастающей цифровизации культуры и общества, позволяют сделать вывод, что digital humanities, по крайней мере на уровне исследовательской программы, представляет собой своего рода «идеальный тип» новой модели гуманитарного знания – и именно так осмысливается по крайней мере частью работающих в этом направлении авторов*. Цифровая гуманитаристика как исследовательская и преподавательская программа воплощает в себе следующие черты: сознательный отказ от интегрирующей теории (вплоть до отрицания ценности традиционных гуманитарных теорий), упор на эмпирические методы исследования, активное использование количественных данных (в том числе больших данных),

* Неслучайно в период популярности термина «Веб 2.0» некоторые авторы использовали в своих работах альтернативное название цифровой гуманитаристики – «гуманитаристика 2.0», подчеркивая тем самым идею разрыва с традиционным гуманитарным знанием.

См., например: *Guerlac S. Humanities 2.0: E-Learning in the Digital World // Representations. 2011. Т. 116, № 1. P. 102–127.*

а в преподавательской практике – акцент на конкретные полезные навыки и компетенции, востребованные на рынке труда.

Естественно, всё это не могло не вызвать протеста со стороны представителей традиционных гуманитарных дисциплин. С самого начала своего возникновения digital humanities вызывают массу споров – от обвинений в девальвации классического гуманитарного образования до упреков в том, что они способствуют неолиберализации современного университета⁹⁰. Для многих представителей той и другой стороны речь идет не о внедрении конкретных цифровых методов исследования (которые, как было сказано выше, в любом случае внедряются в гуманитарные дисциплины), а о несовместимости традиционной и цифровой гуманитаристики на глубинном концептуальном или даже идеологическом уровне. Все это, несомненно, способствовало институционализации digital humanities в рамках отдельных направлений, кафедр и факультетов.

Разумеется, не все исследователи согласны со столь жестким идеологическим разделением между «традиционным» и «цифровым» гуманитарным знанием. Так, например, известный итальянский ученый Франко Моретти не видит проблемы несовместимости двух этих направлений, утверждая, что они могут эффективно использоваться, развиваясь и дополняя друг друга⁹¹. Характерно, однако, что авторы, подобные Ф. Моретти, не воспринимают более радикальные варианты программы digital humanities, такие как отказ от интегративных теорий.

В рамках самой цифровой гуманитаристики, особенно по мере ее более широкого распространения, появляются разные варианты исследовательской парадигмы (которые условно можно назвать «сильными» и «слабыми» версиями), а также обозначается сознательный отказ от формулировки программных заявлений и полемики с традиционными гуманитарными дисциплинами, которую многие исследователи считают непродуктивной.

⁹⁰ Об этом см.: Allington D., Brouillette S., Golumbia D. Neoliberal Tools (and Archives): A Political History of Digital Humanities // Los Angeles Review of Books: [site]. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/neoliberal-tools-archives-political-history-digital-humanities/> (date of access: 27.10.2023).

⁹¹ См.: Моретти Ф. Дальнее чтение. М., 2016. 342 с.

Проблемы внедрения цифровых методов в культурологическое образование

Обратимся теперь к некоторым общим проблемам, возникающим в процессе интеграции цифровой тематики в гуманитарное образование. Одной из важнейших, конечно, является проблема использования комплекса подходов, пришедших из очень разных областей знания. Однако внедрение серьезных цифровых методов, связанных с овладением языками программирования, методами анализа больших данных, программами визуализации и т. д., требует от студентов-гуманитариев смены парадигмы и освоения большого количества незнакомого и часто технически сложного материала. Это, естественно, ведет к смещению баланса образовательной программы в сторону технических курсов – в том числе поэтому студентам-гуманитариям требуется освоить больше базовых технических курсов, чтобы подготовиться к работе с более сложным материалом. На уровне магистратуры эта проблема может быть частично решена повышением вступительных требований, на уровне бакалавриата вопрос остается открытым.

Подобный акцент на технической стороне обучения влечет за собой риск чрезмерной технизации гуманитарного образования, утраты (или оттеснения на задний план) специфически гуманитарного ракурса знания. Характерным примером такой проблемы является вопрос о том, каким образом студенты-гуманитарии работают с цифровыми данными. Общим местом в современных исследованиях медиа и технологий является утверждение о том, что сырых данных не существует, а проблема критики данных – одна из важнейших областей, в которых гуманитарное знание может не только теоретически описывать цифровые объекты, но и влиять на их разработку, в частности внедряя подходы к критическому анализу практики сбора и обработки цифровых данных и методов этического аудита. Однако возникает вопрос, достаточно ли внимания уделено данному аспекту в существующих учебных программах. Здесь наиболее явно вырисовывается проблема взаимодействия с ИТ-компаниями – ведь доступ к большим данным для исследований может быть ограничен как

технически (отсутствие необходимых компьютерных мощностей у студента или исследователя-гуманитария), так и юридически (датасеты компаний часто являются их собственностью и охраняются коммерческой тайной). Однако за отсутствием возможности независимой критической оценки методик сбора данных и состава датасетов невозможно в полной мере реализовать аналитический потенциал гуманитарных наук в данной области.

Особые проблемы при создании цифровых программ возникают перед культурологическим образованием. Культурология как дисциплина, сложившаяся в отечественной гуманитарной традиции, основана на междисциплинарности, понимаемой как интеграция данных различных социально-гуманитарных наук, и широко использует теоретические подходы для решения этой задачи. Поскольку культурология уже является междисциплинарным исследовательским полем, цифровая культурология должна была бы включать в себя цифровые методы всех гуманитарных наук. Очевидно, что с точки зрения практики преподавания такая постановка задачи утопична. Кроме того, интегративный междисциплинарный характер культурологического знания основан на использовании теоретических моделей – подход, часто намеренно отвергаемый в цифровых гуманитарных исследованиях, как было указано выше. Все эти факторы, возможно, являются причиной того, что на данный момент программы по цифровой гуманитаристике не реализуются в рамках культурологических факультетов.

Еще одной проблемой, особенно острой для направлений цифровой гуманитаристики (и для всех других гуманитарных программ, вводящих ИТ-курсы), является соответствие приобретенных студентами знаний реальной практической востребованности и того, в какой степени заявленный прикладной аспект будет применен выпускниками в реальной жизни. Не секрет, что прикладные навыки в ИТ-отрасли быстро устаревают, что составляет проблему даже для специализированных образовательных ИТ-программ; вопрос, насколько применимы на практике знания, полученные студентами гуманитарных факультетов, нуждается в дальнейшем исследовании.

Отдельной проблемой является трансформация гуманитарных подходов к работе с текстами под влиянием цифровизации. Фундаментальным элементом традиционного гуманитарного образования является углубленная работа со сложными текстами. Этот подход глубоко связан с историческими корнями гуманитарного знания, восходящими к средневеково-ренессансной традиции, и основан на вполне конкретной модели культуры, текста и образования – модели, которая, однако, все труднее уживается с особенностями современной культуры и общества. В рамках подобной модели гуманитарное образование традиционно широко использует задания, направленные на развитие навыков чтения и письма. За последние два десятилетия подобный подход к обучению уже обнаружил массу трудностей, связанных, прежде всего, с легкостью копирования цифровых текстов, что привело к массовому распространению плагиата в студенческих работах и разговорам о девальвации письменных заданий. Однако произошедший за последние два года качественный скачок в развитии технологий машинного генерирования текстов выводит данную проблему на новый уровень. Следует признать, что на данный момент глубину и характер влияния генеративных языковых моделей, подобных ChatGPT, на гуманитарное образование сложно оценить, однако уже сейчас очевидно, что это влияние неизбежно.

Подводя итоги данному краткому обзору проблемы, можно сказать, что цифровизация гуманитарного знания и образования представляет собой пространство, полное как новых проблем, так и новых возможностей. Однако для реализации этих возможностей необходимо активное участие в этом процессе представителей гуманитарного знания. Используя терминологию, широко применяющуюся в современных исследованиях технологий, мы можем сказать, что нам по-прежнему не хватает воображаемых концепций будущего гуманитарного образования, хорошо интегрированного с цифровыми методами и подходами. Возможно, именно поэтому попытка внедрить цифровые методы в гуманитарные области так часто превращается в погоню за трендами; при этом сами тренды часто определяются не столько педагогами, сколько другими акторами: создателями нормативных до-

кументов (которые в свою очередь разрабатываются на основе циркулирующих в социокультурной среде представлений о роли цифровых технологий в образовании), бизнесом (сотрудничество с ИТ-компаниями), рынком, представлениями о том, чего хотят студенты и их родители и т. д. Однако более углубленное рассмотрение процесса цифровизации гуманитарных наук показывает, что подобное отношение чрезмерно пессимистично и не соответствует эвристическому потенциалу гуманитарного знания в области цифровизации культуры. Несмотря на имеющиеся проблемы, гуманитарное знание и образование постоянно производит и развивает новые парадигмы и методы взаимодействия с цифровой реальностью, которые можно и нужно уверенно внедрять в сферу образования, экспериментируя с новыми подходами.

2.4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Человек изменяет природную среду, приспособляя ее к своим нуждам и интересам. Эта практическая проектная деятельность имеет две стороны. Первая – преобразование реальности, ее превращение во «вторую природу», в мир вещей, субъективированных объектов, в предметно-пространственное бытие культуры. Другая сторона – взаимодействие и практическое общение субъектов, совместными усилиями решающих поставленные задачи. Действия субъектов не инстинктивны: необходимо планирование, управление, информационное обеспечение, которые должны осуществляться в достаточных и адекватных для поставленной цели формах. Проектирование как целеполагание предполагает и моделирование идеального образа будущего объекта, и представление образа самого субъекта, каким он хочет себя видеть, познание им мира и себя в мире. Продуктивная практика преобразования человеком окружающего мира и самого себя возможна только на основе знания, ценностных ориентиров⁹².

⁹² См.: Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 65.

Опыт, подходы и методологию проектирования, систему ценностей, проектные концепции и профессиональную этику аккумулирует в себе *проектная культура*. Это важнейший феномен цивилизации, универсальная междисциплинарная категория мышления, на которой основана вся созидательная деятельность человечества по формированию искусственной среды обитания и его жизненных процессов.

Внедрение цифровых технологий в настоящее время в целом кардинально изменило практически все сферы повседневной жизни и работы (информационные, образовательные, производственные, экономические и др.) – от получения государственных и муниципальных услуг, образования на всех его уровнях, работы учреждений здравоохранения и культуры до сопровождения бизнеса, туризма, технического производства и проектной деятельности в различных отраслях. Влияние цифровизации на процессы организации и реализации проектов существенно изменяет как технологии создания проектной документации и самих объектов, так и формы и скорость взаимодействия его участников. Рассмотрим аспекты трансформации проектной культуры в условиях цифровизации всех процессов ведения проектов, прежде всего, с точки зрения ее ценностно-мировоззренческой и коммуникативной составляющих.

Два термина – «проект» и «культура», входящие в понятие «проектная культура», дополняя друг друга, образуют новую сущность, постоянно развивающуюся, реагирующую на условия и запросы времени. Изначально термин «проект» (от лат. *projectus* – брошенный вперед) означал разработанные эскизы и чертежи какого-либо архитектурного или инженерного объекта, а также расчеты, макеты, функциональные схемы, презентационные материалы, описание принципов действия, этапов и способов изготовления и даже реализованный продукт процесса проектирования; предварительный текст какого-либо документа (договора, соглашения, резолюции и пр.); либо вообще – замысел, план будущих действий⁹³. Результатом проектирования

⁹³ Большой словарь иностранных слов // Gufo.me : [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 01.11.2023).

являются определенные и визуализированные, описанные, рассчитанные и обоснованные характеристики и стоимость реализации предполагаемого объекта или системы объектов, события или действия. «Проектировать» означает не только составлять проект (проектную документацию), разрабатывать какой-либо материальный объект, но и предполагать, намечать что-либо (событие, организацию и пр.)⁹⁴. Отметим, что понятие «проектная культура» в больших толковых словарях отсутствует. Традиционными видами проектирования исторически были строительное и архитектурное, инженерное и машиностроительное.

С начала XX века в понятия «проект», «проектирование» стали вкладывать множество разнообразных смыслов, в том числе упорядочивание различных форм деятельности; проект не только как продукт, но и средство проектирования, т. к. при его разработке авторы учитывают требования к проектируемому объекту, особенности и потребности целевой аудитории, ведут многие предпроектные исследования (в том числе с использованием социологических и психологических методов), создают варианты проектных решений, оценивают их целесообразность и эффективность, проводят согласования со многими специалистами и т. д.

В аксиологическом аспекте любой проект (социокультурный, технический, архитектурный и др.) должен иметь новизну, отражать систему ценностей общества и авторов, а также создавать систему ценностей настоящего и будущего. Аксиологический подход предполагает понимание проекта как инструмента достижения системы ценностей разного уровня для всех его участников (от проектировщиков, девелоперов, исполнителей до целевой аудитории): направленность на решение реальных проблем общества и отдельных групп людей; открытость и доступность (например, возможность получения информации о проекте и участия в его обсуждении, конечно, за исключением секретных промышленных проектов); привлечение компетентных специалистов, создание креативной команды; обеспечение

⁹⁴ Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. // lexicography.online : [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (дата обращения: 01.11.2023).

возможностей для реализации идей; доступность и универсальность предметно-пространственной среды для людей с различными возможностями здоровья, толерантность.

Во второй половине XX века концепция «проект» (и его составляющие, например, проектное мышление, проектная деятельность и др.) распространилась в обобщенном виде на любые формы организации деятельности, направленной на создание различных объектов или систем, событий и мероприятий. Так, проект – центральное понятие антропологии и философии истории французского философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра, который писал в 1957 году, что посредством проекта человек преодолевает противоречие между потребностями и миром, отрицает внешне инертную материю, «относится к определенному будущему объекту», который стремится вызвать к жизни то, чего «еще не было»⁹⁵. Ж.-П. Сартр описывает активизм, философское учение, близкое к прагматизму, но признающее высшую ценность истины по сравнению с практической полезностью и полагающее, что истина обретается в деятельной жизни путем интуиции. Отметим, что в феномене проектной культуры соединяются идеализация, мечты и стремление к истине с прагматизмом и реалистичным подходом, связанным с оценкой имеющихся возможностей для реализации проекта.

Существенно расширился перечень направлений проектирования. Объектами проектирования стали человеко-машинные системы, трудовые и социокультурные процессы. В отдельные направления выделились инженерно-психологическое, экологическое, организационное, педагогическое, генетическое, социально-культурное проектирование и др.

Несмотря на такой широкий диапазон сфер действия можно выделить единые для всех видов признаки проектирования:

- наличие выявленной актуальной проблемы и поставленной цели;
- постановка ряда задач, последовательно ведущих к максимально возможному идеальному решению;

⁹⁵ Об этом см.: *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. М., 1994. С. 113–114.

- новизна проектного решения;
- наличие алгоритма ведения проекта, деление всего процесса на определенные этапы;
- системный подход, анализ взаимодействия различных факторов проектной ситуации, комплексное решение задач;
- использование системы научных и творческих методов (среди которых важнейший – моделирование: знаковое, аналоговое, предметное, графическое, компьютерное, сценарное и др.);
- командная организация работы и взаимодействие специалистов из различных смежных сфер;
- ограниченность времени и его планирование, учет и обоснование рациональности затрат трудовых, экономических и материальных ресурсов;
- обоснованность возможности реализации предлагаемого решения;
- рефлексия и планирование развития проекта⁹⁶.

Проектную деятельность во всей ее многогранности и дизайн как глобальное проектирование часто называют проектной культурой, «третьей культурой» после культуры научно-технической и гуманитарной (под которой подразумевают искусство). Теоретики дизайна А. Кросс, Б. Арчер из Королевского колледжа искусств (Лондон) в 1980-е годы ввели понятие «проектная культура», под которым подразумевался комплексный фактор, включающий навыки, знания и опыт, накопленные человечеством в изобретательской, преобразовательной и исполнительской деятельности. Они подчеркивали, что проектная культура проявляется в умении решать проблемы в условиях неопределенности задач и вариативности результатов⁹⁷.

Дизайн – это проектный способ решения проблем, проектирование жизни человека во всей полноте его существования: его потребностей, восприятия, эмоций, моделей поведения, а не только образа и визуальной оболочки объектов, обусловленных их функциональным назначением, особенностями и по-

⁹⁶ Об этом см.: Панкина М. В. Основы методологии дизайн-проектирования: уч. пособие. Екатеринбург, 2020. С. 37–38.

⁹⁷ См.: Archer B. The Three Rs // Design Studies. 1979. Vol. 1, № 1. P. 17–20.

требностями целевой аудитории, технологиями и другими факторами. Именно в дизайне, сфере экспериментов и инноваций, апробируются многие новые организационные и технологические методы проектирования. Благодаря пластичности и эффективности, проблемной ориентированности проектных подходов дизайна (в особенности системного, средового, человеко-ориентированного), они, как и метод дизайн-мышления, распространились на многие другие сферы: экономику, менеджмент, маркетинг, информационные технологии, социально-культурное проектирование и пр.

Проектная культура и дизайн – близкие, но все же различные понятия. Дизайн является важным компонентом проектной культуры, включен в широкий круг социокультурных и гуманитарных проблем современного общества. Дизайн наиболее полно отражает суть проектной культуры, интегрирующей социально-культурные и производственно-технические аспекты. Теоретик дизайна В. Ф. Сидоренко писал: «Дизайн, до сих пор понимавшийся преимущественно как одна из частных проектных деятельностей в системе разделения труда (именно эта парадигма и терпит кризис), реабилитирует и начинает полноценно развивать другую свою ипостась – как образа проектной культуры, образа самой проектности»⁹⁸.

Как и культура в целом, проектная культура – это способ и результат организации жизнедеятельности людей, это достигнутый к определенному этапу развития общества уровень системы ценностных ориентиров. Проектная культура выражается в типах, формах и принципах ведения проектной деятельности, а также в ее результатах – созданных материальных объектах, документах и состоявшихся событиях, мероприятиях, память о которых остается в виде документов и артефактов.

Философские, морально-этические, эстетические основания являются детерминантами алгоритмических, технологических, методологических процессов. Таким образом, проектную культуру можно рассматривать в неразрывном единстве аксиологи-

⁹⁸ Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры и эстетика дизайнерского творчества: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1990. С. 29.

ческих, мировоззренческих, методологических и технологических аспектов.

Проектная культура представляет собой совокупность знаний, ценностных ориентиров, норм морали и права⁹⁹, проектных норм, принципов, способов инновационного преобразования действительности. Она основана на механизмах прогнозирования, планирования, конструирования, исполнения (с расчетом и согласованием сроков реализации проекта), оценки и анализа полученных результатов, предполагает рефлекссию и планирование следующих проектов с учетом опыта предыдущих. О. И. Генисаретский описывал проектную культуру так: «Это и реальность проектируемой среды обитания, и концепция, определяющая направленность проектных усилий, и система ценностей, идеал, питающий самосознание дизайнерского сообщества, его творческий жест в отношении к жизни»¹⁰⁰. Проектную культуру он называл пространством для творчества, в котором проектное воображение реализуется благодаря производным от него способностям понимания, проектного мышления и вкуса.

Проектная культура – это надуровень проектного процесса, так же как инфраструктура – подуровень его¹⁰¹. Это очень значимая составная часть профессиональной культуры специалиста любой сферы, который стремится к реализации новых идей и проектов, не хочет являться просто исполнителем.

Проектная культура, писал О. И. Генисаретский, включает в себя несколько составляющих:

- *экологическая* (в виде ценностно значимых образов, качеств проектируемой среды, технологических и эстетических детерминант);
- *«образно-жизненная»* (модели поведения и стили жизни

⁹⁹ Об этом см.: Лисина Н. С. Цифровая трансформация и общественный контроль: перспективы влияния // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 6. С. 32–40.

¹⁰⁰ Генисаретский О. И. Методологические и гуманитарно-художественные проблемы дизайна : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1990. С. 2.

¹⁰¹ См.: Генисаретский О. И. Проектная культура и концептуализм // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2682> (дата обращения: 07.11.2023).

различных сообществ, определяющие проектируемые функции объектов);

- *аксиологическая* (мыслимые ценности, блага проектной культуры, которые возможно чувственно и духовно осязать; аксиоматические состояния сознания и воли участников процесса проектирования, необходимые для творчества и реализации проекта в воображении);

- *концептуальная* (творческие концепции, выражающие ценностные, образные, жизненные и средовые ориентиры субъектов проектирования; многообразие концепций и творческая свобода воображения; креативное мышление и творческая воля, необходимые для реализации проекта);

- *культурно-политическая* (связь проектирования с социальной, экологической, культурной политикой общества, что обеспечивает реализуемость проекта, воплощение задуманных качеств предметно-пространственной среды, соответствие ценностям общества, его образу жизни, равновесие традиций и инноваций, сохранение вкуса к подлинности)¹⁰².

Проектная культура проявляется в способностях индивида или коллектива, реализуемых в практической деятельности; технологиях производства и мышления. Сформированная проектная культура является основой готовности специалиста к инновационной деятельности, разработке и внедрению новых технологий. В рамках конкретных предприятий, организаций, команд проектная культура понимается как совокупность представлений, установок и поведения персонала, вовлеченного в проектную деятельность, что позволяет всем ее участникам легко и слаженно реализовывать большинство проектов в интересах организации «при минимальном использовании репрессивных механизмов с ее стороны»¹⁰³.

Проектная культура визуализируется в представленных и реализованных идеях – в виде рабочей документации и мате-

¹⁰² Об этом см.: *Генисаретский О. И.* Методологические и гуманитарно-художественные проблемы дизайна... С. 7–8.

¹⁰³ *Малахов А.* Что такое проектная культура // Управление проектами. 2016. № 1 (36). URL: <https://pmmagazine.ru/editions/1–36–2016> (дата обращения: 12.11.2023).

риальных объектов, в социокультурных проектах, событиях – т. е. в виде совокупности материальных и духовных ценностей. Процессы опредмечивания проектных идей (проектирования и воплощения материальных объектов и визуальных систем) и процессы распредмечивания (освоения) созданных объектов, преобразования с их помощью действительности происходят в диалектическом единстве и соответствуют уровню развития и потенциалу общества.

Актуальность формирования проектной культуры с самого раннего возраста осознали в педагогическом сообществе, что мы видим по активному внедрению проектного обучения в школах и вузах начиная с 2000-х годов, а также большому числу научных статей и диссертационных исследований, посвященных этой проблематике. На запрос «проектная культура» поисковая система научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU выдает 3 814 из 48 348 607 статей, которые имеются в архиве¹⁰⁴. В подавляющем большинстве в представленных исследованиях рассматриваются проблемы формирования проектной культуры в системе дошкольного, начального, общего, среднего профессионального и высшего образования как у обучающихся, так и у самих педагогов (от становления проектной культуры личности до задач освоения конкретной учебной дисциплины). Тематика прикладных исследований охватывает многие предметные области (физкультуру, о которой написано больше всего статей и диссертаций; робототехнику; иностранные языки; технологии и предпринимательство; управление организацией; культуру межнациональных отношений и др.) от информационной либо социальной компетентности до формирования гражданской идентичности, лингвистической культуры, коммуникативных навыков и пр. Имеется большая группа статей, посвященных проектной деятельности учреждений культуры, сохранению традиционной народной культуры, менеджменту в культуре, совсем немного статей о проектной культуре как профессионально значимом качестве дизайнера или педагога в области дизайна. Это говорит о том,

¹⁰⁴ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU : [сайт]. URL <https://elibrary.ru> (дата обращения: 21.12.2023).

что проектная методология давно вышла за рамки инженерного, архитектурного и дизайнерского проектирования, востребована во всех сферах. Наряду с формированием проектной культуры, как доказывают авторы, происходит освоение опыта творческой деятельности, введение в культуру исследовательской деятельности и информационную культуру, повышение общей компетентности, формирование экологической культуры, толерантности и умения работать в команде.

Проектная культура, по мнению авторов, является основой готовности педагога к инновационной деятельности. Формирование проектной культуры школьников и студентов направлено как на раскрытие их личностного потенциала, создание возможностей для самореализации, овладение soft skills (чему способствует командная работа, необходимость оперативно реагировать на новые задачи, использовать различные методы и технологии мышления), так и на корреляцию учебных задач с контекстом реальных жизненных проблем, потребностями конкретного региона, что обеспечит и осознанный выбор образовательной траектории школьниками, и быстрейшую адаптацию молодого специалиста на производстве. Привлечение партнеров вуза из регионального сектора экономики с реальными кейсами стимулирует вузы к обновлению учебных курсов и программ, создает мотивацию для студентов, которые могут получить опыт решения реальных задач на производстве, представить себя будущим работодателям.

Все социокультурные и производственные процессы и отношения в настоящее время испытывают влияние цифровизации и трансформируются в связи с активным внедрением цифровых технологий практически во все сферы жизни. Казалось бы, технологии могут определять скорость и качество коммуникации, совершения каких-либо действий, реализацию проектов, но мы наблюдаем влияние цифровых технологий на социокультурные практики и образование, проектную культуру в целом. Проектная культура в настоящее время интегрирует в себя цифровую культуру, под которой понимают не только владение компьютерными технологиями и инструментами, но главное (в соответ-

ствии с ключевым словом «культура») – нормы, ценности, практики и ожидания участников современных информационных сообществ, активных пользователей сети Интернет. Цифровая культура не формируется гаджетами и технологиями, а создается в процессе взаимодействия людей и определения ими ценностных ориентиров и принципов сотрудничества.

Несмотря на глобальность данного процесса, цифровая трансформация – явление относительно новое, ее общепринятого и устоявшегося толкования еще не выработали. Чаще всего под цифровой трансформацией понимают процессы внедрения инновационных цифровых технологий, ресурсов и процессов во все сферы работы компании, что качественно изменяет спектр, качество и скорость оказания услуг, позволяет быстро получать обратную связь, реагировать на новые запросы и ожидания клиентов. Цифровая трансформация предполагает не только инвестиции в новые технологии и инструменты (искусственный интеллект и машинное обучение для анализа данных и принятия решений, обработка и хранение данных с помощью облачных технологий, дополненная и виртуальная реальность для создания эффекта погружения при представлении продукта клиенту, робототехника, сайты, приложения, чат-боты, соцсети и пр.), но и глубокое преобразование продуктов и услуг, структуры организации, стратегии ее развития, работы с клиентами и корпоративной культуры¹⁰⁵. Показательно, что при описании инноваций, цифровых технологий, используемых многими компаниями, на страницах их сайтов не упоминается понятие «проектная культура», не уточняется, какие изменения происходят в культуре сопровождения проекта и взаимодействия его участников, в ценностных аспектах работы компании. Прежде всего, анализируются инвестиционное и финансовое планирование, экономические преимущества.

Цифровые технологии существенно повлияли на проектную культуру во всех отраслях экономики и промышленности,

¹⁰⁵ Что такое цифровая трансформация? // РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d695a969a79476ed81148ef> (дата обращения: 10.10.2023).

в дизайне и архитектуре, в сфере науки и культуры. Необходимо отметить, что во многом изменились и коммуникативные процессы, и технологии проведения предпроектных исследований, и технологии создания проектных материалов. Внедрение инновационных цифровых технологий во все сферы бизнеса и производства позволяет компаниям быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Мобильные приложения и платформы для электронной коммерции дают возможность расширять аудиторию партнеров и клиентов, увеличивать количество и скорость операций, быстро изучать требования клиентов и изменять спектр предлагаемых услуг и продукции. Любая компания сейчас имеет компьютерную инфраструктуру, крупные организации – не только локальную, но и облачную сеть, что допускает работу сотрудников в удаленном режиме в разных городах одновременно, использование в режиме отложенного времени инфраструктуры и данных для ведения проектов.

Цифровизация существенно изменила работу учреждений культуры и культурных институций, где, казалось бы, важнее всего личное присутствие, удовольствие созерцать и психологически взаимодействовать с объектами, авторами и исполнителями, ощущать атмосферу среды и события. Цифровые технологии являются «драйверами» культурной среды, позволяющими существенно увеличить количество зрителей, сделать открытыми и доступными оцифрованные виртуальные коллекции как крупнейших музеев мира, так и самых небольших региональных музеев. Происходит цифровизация услуг и формирование нового информационного пространства в сфере культуры. Революционные изменения мы наблюдаем в формах создания и производства, сохранения и представления культурных ценностей, доступа к ним и их распространения, участия зрителей в различных проектах музеев, театров, кино, концертных залов и филармоний, книжных издательств и библиотек, общественных организаций и т. д. Интернет-портал «Культура.РФ» и многие другие содержат актуальную информацию о значимых событиях и огромную коллекцию аудио-, фото- и видеоматериалов. Три федеральных проекта «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура»

входят в национальный проект «Культура» (реализующийся в период до 2030 года)¹⁰⁶. Национальный проект «Цифровая культура» помогает учреждениям культуры и искусства создавать страницы в социальных сетях, современные веб-сайты и мобильные приложения с необходимым функционалом и интерактивными возможностями, использовать нейросети, технологии дополненной реальности, разрабатывать мультимедиагиды и интересный контент, оцифровывать фонды, создавать 3D-модели экспонатов. Культура и искусство являются основой развития общества, поэтому сохранение национальных культурных ценностей и идентичности в условиях глобализации, развития цифрового общества является первоочередной задачей государства.

Качественные изменения в связи с цифровой трансформацией произошли в дизайне как сфере глобального проектирования предметно-пространственной среды и моделей жизнедеятельности. Дизайн живо встроен в повседневную жизнь, реагирует на новые условия, возможности и сам задает инновации, цифровая среда быстро стала площадкой проектных практик дизайна. Под влиянием обновления и расширения многообразия технологий изменяются не только формы и методы моделирования объектов, но сами проектные процессы¹⁰⁷. Проектные коллаборации, совместное производство, децентрализация деятельности и коллективов, наличие общего, открытого виртуального пространства, виртуализация коммуникативного пространства и культуры в целом – основные видимые изменения. Виртуальное зачастую не только дополняет, но и заменяет реальное, является не менее значимой составляющей нашей жизни. В профильных дизайнерских вузах за последнее время были открыты многие новые направления подготовки: «Компьютерная графика», «Веб-дизайн», «Компьютерная анимация и моушн-дизайн», «Дизайн мультимедиа», «Проектирование электронных изданий» и др.

¹⁰⁶ Карташева Н. Цифровая трансформация в сфере культуры и искусства // Рекрутинговый центр : [сайт]. URL: <https://cdto.work/2023/04/27/cifrovaja-transformacija-v-sfere-kultury-i-iskusstva/> (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁰⁷ См.: *Armstrong H. Digital Design Theory: Readings from the Field.* New York, 2016. P. 16–17.

С помощью компьютерных графических программ 2D- и 3D-моделирования возможно быстро подготовить презентационные материалы, не просто визуализировать, а создать фотореалистичные модели объектов, изменять различные параметры модели для поиска и уточнения формы, фактуры, материалов, цвета, содержания. Компьютерные модели, шаблоны (например, сайтов, полиграфической продукции или интерьеров) дают возможность самому потребителю создать визуализацию объекта из имеющихся в наборе ресурсов, не обращаясь к профессионалу.

Как «учить и лечить могут все», так и в дизайне мы наблюдаем все больший наплыв непрофессионалов, творчество масс, ведь заказчик более доверяет портфолио, рекомендациям, чем диплому. Кажущаяся доступность технических средств и программного обеспечения, легкость компьютерного моделирования, обесценивают профессиональную подготовку, а легенды о высоких гонорарах и возможность реализовать креативный потенциал привлекают в дизайн множество желающих попробовать себя в роли проектировщика. Эти тенденции имеют как положительный, так и отрицательный характер: с одной стороны, появляется и тиражируется множество низкопробной и даже вредной продукции; с другой – люди проявляют интерес к самореализации и творчеству, значит, этим процессом нужно управлять, поддерживать творческие институты и коллективы, при этом устанавливая границы профессиональных задач и досуга для самореализации, общения с друзьями и увлеченными единомышленниками. Таким образом, перед дизайнерами уже в новых условиях встает задача эстетического воспитания и формирования эстетического вкуса людей, что посредством средств мультимедиа и каналов коммуникации цифровой среды возможно в массовом масштабе.

Проблемой дизайна, рекламы и всех сфер, где необходимо визуальное представление идеи, проекта, стало то, что люди, не обладающие профессиональной подготовкой, компетенциями в композиции, колористике, шрифтах, эргономике, материаловедении и в других профессиональных дисциплинах дизайна, но имеющие производственную базу и владеющие компьютер-

ными технологиями, выполняют заказы, создают конкуренцию на рынке, при этом демонстрируя безграмотность и отсутствие вкуса, дискредитируя профессию. Эстетические и этические вопросы проектирования отодвигаются на задний план в угоду экономическим и потребительским факторам, проектная культура превращается в часть массовой культуры. Дизайн всё более становится инструментом интегрированных маркетинговых коммуникаций, экономические вопросы и факторы заняли стратегические проектные области. Снизился и статус профессии дизайнера, не расширилось, а размылось понятие профессиональной идентичности¹⁰⁸.

Цифровизация многих процессов проектирования увеличивает скорость создания, оценки и согласования вариантов проектного решения, скорость коммуникации всех участников: от заказчиков и представителей целевой аудитории до специалистов-проектировщиков и смежников. Необходимость постоянно развиваться и обучаться – безусловна в любой деятельности, но в глобальном дизайне это особенно актуально, т. к. это проектирование будущего, нужно всегда быть в тренде, уметь изменять профессиональные траектории и направления работы, обновлять и приобретать новые компетенции. Цифровые и дистанционные технологии дополнительного образования позволяют получать знания, осваивать новые технологии в собственном комфортном режиме в любом месте. Портфолио, выставленное в Интернете, например, на Behance (популярной среди дизайнеров и иллюстраторов международной социальной медиаплатформе), позволит широко заявить о себе и найти своего заказчика.

Для проектного мышления и дизайн-мышления в отличие от аналитического, рационального мышления характерны антропоцентричность и эмпатийность, интегративность и междисциплинарность, критичность, коллективная организация работы, умение общаться с коллегами, партнерами и клиентами. Дизайн – это коммуникативная в широком смысле практика. Автор

¹⁰⁸ См.: *Васерчук Ю. А.* Проектная культура дизайна в контексте цифровой трансформации // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2019. № 1–2. С. 284–291.

проектирует не вещь, а сценарную модель жизни потребителя: как будет удовлетворена потребность и реализована функция, в каких материальных формах это будет воплощено, насколько эффективны и долговечны окажутся дизайн-объекты. Ведь человек (слово потребитель все-таки сухое и официальное) ищет не просто новый дизайн, он хочет изменить (сделать комфортнее, украсить и т. д.) свою жизнь¹⁰⁹.

С точки зрения улучшения взаимодействия с клиентами, эффективного анализа проектной ситуации, выбора проектного решения мобильные приложения в Интернет-среде позволяют быстро отслеживать и реагировать на запросы, внедрять партисипативные практики, проводить опросы, анкетирование большого количества респондентов в реальном и отложенном времени. Сам объект дизайна – это коммуникативное послание, сообщающее не только о его функциях и формах взаимодействия с ним, но и о статусе, вкусе, увлечениях и роде деятельности владельца. Поэтому наличие «мягких навыков» (soft skills), навыков работы с людьми, для проектной деятельности является основой успеха. Soft skills – это коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, адаптивность, дизайн-мышление (ориентированное на анализ и решение проблем конкретных потребителей/пользователей, эмпатийное, командное, итерационное, креативное).

Преимущества, которые дает цифровизация для ведения проектов, безусловны:

- повышение производительности труда, экономия времени, увеличение скорости всех производственных процессов с помощью управляемых услуг и облачных вычислений;
- сокращение расходов на дорогостоящую инфраструктуру и оборудование за счет привлечения удаленных сотрудников со своей компьютерной техникой и программным обеспечением;
- снижение эксплуатационных расходов как на ресурсо- и энергоемкие производственные процессы, логистику, обслуживание оборудования, так и на человеческие ресурсы (устранение многих операций, оптимизация коммуникативных процес-

¹⁰⁹ См.: Панкина М. В. Дуальность как проектная сущность дизайна // *Фундаментальные исследования*. 2015. №2–16. С. 3629–3633.

сов с помощью дистанционных технологий: сайтов, соцсетей, чат-ботов и пр.);

- оцифровка, т. е. преобразование физических аспектов и документов рабочих и бизнес-процессов в цифровые, которые можно в дальнейшем использовать для анализа, легко хранить и обновлять;

- возможность делегирования нетворческой, рутинной работы машине, а в обозримой перспективе – искусственному интеллекту;

- улучшение качества взаимодействия и обслуживания клиентов (отслеживание запросов и выполнения заказов, быстрая обратная связь, взаимодействие в реальном и отложенном времени, информационная поддержка);

- возможность удаленной работы, а значит, экономия личного времени за счет отсутствия необходимости в ежедневных поездках на работу;

- академическая мобильность, огромные возможности для получения образования, самообразования и развития;

- доступность информационных ресурсов, возможность знакомства с культурными ценностями (оцифрованные библиотеки, виртуальные музеи и концертные залы);

- свобода творческого самовыражения, презентации и продвижения, почти полное отсутствие цензуры, ограничения и воздействия извне на методы и результаты проекта в цифровой среде.

Глобальная цифровая среда является, с одной стороны, практически чистым (открытым для любого желающего) пространством эксперимента, поскольку предоставляет возможность преодолеть анонимность, заявить о себе, а с другой – социально сформированной и ограниченной площадкой, на которой сложились и действуют свои правила, условности и даже мифология, позволяющие идентифицировать себя различными способами, под различными псевдонимами и образами¹¹⁰.

Среди перечисленных преимуществ цифровизации мы видим в подавляющем большинстве случаев рационализацию

¹¹⁰ См.: Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография. Пермь, 2021. С. 35.

и экономию финансовых, энергетических, временных затрат, человеческих ресурсов и технологических процессов. Но ведь трансформация процессов культуры, в частности проектной культуры, должна выражаться прежде всего в изменении системы ценностей, норм и правил, принципов и методов взаимодействия участников проекта. Осмысление влияния цифровой трансформации на проектную деятельность и проектную культуру с аксиологической и культурологической точек зрения в полной мере еще не произошло.

Нельзя считать ценностью пользу (полезность), поскольку это категория области праксиологии, а не аксиологии. Польза означает позитивное значение одного объекта для другого, поэтому она объективна как истина, ее можно научно обосновать и опровергнуть, писал М. С. Каган¹¹¹. Польза характеризует биологический уровень бытия, например, питание полезно и для животного, и для человека. Ценность в сравнении с пользой имеет не практическое, а символическое значение, это феномен культурный, доступный только людям и только ими осознаваемый. Носителем ценности может быть любой конкретный объект: материальный или духовный; художественный или не имеющий отношения к искусству; реальный или воображаемый; природный или созданный человеком предмет; вещь, действие или событие. Но ценность — это значение данного объекта для конкретного человека или группы людей.

С точки зрения коммуникативных процессов цифровизация в проектной деятельности создает риски: так обезличивание и дистанцирование общения участников процесса, четкое структурирование и алгоритм действий членов команды, зачастую формальное следование правилам, заданным моделям поведения в итоге может мешать общению, определению проблемы проектирования, анализу потребностей целевой аудитории, поиску новых решений. Многие промышленные, архитектурные и дизайнерские компании имеют сотрудников, работающих в удаленном режиме в разных городах, что позволяет компаниям сокра-

¹¹¹ См.: Каган М. С. Философская теория ценности... С. 76–77.

тить расходы на дорогостоящую инфраструктуру, оборудование и программное обеспечение. Однако возникают и проблемы, т. к. члены коллектива, работающие над одним проектом, не знакомы лично, их общение регламентировано графиком согласований, их задачи очень четко и узко обозначены руководителями разного уровня, сотрудники плохо представляют себе общую концепцию проекта, не могут вносить свои творческие предложения, являются по сути лишь техническими исполнителями, «винтиками» большой системы. Формирование коллектива единомышленников необходимо для действительно творческих проектов, где идея рождается в обсуждениях и спорах, где молодые специалисты растут в общении с опытными, а доверие коллег бесценно. Дистанционное общение не дает возможности ощутить себя членом проектной команды в полной степени.

Например, в работе архитектурных бюро, как рассказывают многие архитекторы, недавние выпускники Уральского федерального университета и Уральского государственного архитектурно-художественного университета, сложилась система бригад, которые выполняют очень узкие задачи и практически не общаются друг с другом (одна занимается только фасадами, другая – планировочными решениями квартир, третья – общественными пространствами здания, четвертая – техническими узлами и разрезами, пятая – вентиляцией, шестая – водоснабжением и канализацией и т. д.). Согласования проводятся через посредников-руководителей, понимания общей картины – нет, зато есть ощущение вечного аврала, невыполнения плана и текущих задач. Такая ситуация наблюдается и у тех, кто работает очно в Екатеринбурге, и у ребят, которые работают удаленно в московских компаниях. У молодых специалистов происходит профессиональное выгорание, появляется желание уйти из профессии.

Тренд достижений цифровых технологий последнего года – искусственные нейронные сети – произвели революцию в области визуальных искусств. Нейронные сети способны сегодня: подобрать шрифт, создать на любую тему визуальную композицию плоскостных, объемных и средовых объектов, выбрать цветовые сочетания, найти и использовать релевантные изображения, со-

здать новый или обновить старый сайт и поддерживать его работу. В сфере графического дизайна нейросети уже фактически могут заменить дизайнера, сделать работу быстро и бесплатно, обеспечить уникальность продукта. Возникает еще один риск, связанный с цифровизацией, – все расширяющиеся возможности нейросетей, о чем было сказано выше. Пока, будем надеяться, только человеческий разум может предложить действительно творческое, новое, гармоничное в содержательном и эстетическом плане решение. Во всяком случае выбор варианта проектного решения остается за человеком. Но скорость и количество вариантов текстов или изображений, которые нейросеть способна сгенерировать, поражает, а качество ее работы все совершенствуется. Алгоритмы, заданные цифровыми технологиями, основаны на переборе имеющихся вариантов. Классические способы постановки проблем и формулирования задач могут привести к очевидным решениям, что характерно для репродуктивного мышления, поэтому творческий подход в работе с нейросетью при формулировании и уточнении задания тоже необходим.

Проектное мышление предполагает гибкость и креативность в условиях неопределенности, новизну предлагаемой формы, функции, технологии. Только возможность передать рутинные задачи, обработку и анализ большого количества информации искусственному интеллекту, чтобы освободить время для творческих процессов и командной работы является в настоящее время отличным ресурсом для проектировщиков. Важнейшие аспекты поиска идеи, согласования и выбора варианта проектного решения заказчиком и объекта, услуги – потребителем: эмпатия, впечатление, эмоциональный отклик и чувственные переживания – всё это остается человеческими факторами и основой проектной культуры.

Таким образом, проблемами цифровой трансформации проектной культуры являются:

- разобщенность участников процесса проектирования, сокращение личного взаимодействия в команде и с заказчиком;
- снижение возможностей «выращивания» молодых специалистов, формирования сплоченного коллектива единомышленников;

- знакомство с объектами культуры и искусства, освоение ценностей и приобщение к ним преимущественно в дистанционном формате, сложность понимания сомасштабности объектов с окружающей средой и другими объектами, а значит, отсутствие в полной мере чувственного впечатления, эмоций, что необходимо для формирования вкуса;

- потеря эмоциональной составляющей командной проектной деятельности, психологической атмосферы, сокращение вовлеченности, опыта сотрудничества и взаимопомощи;

- снижение качества использования многих проектных технологий и методов, например дизайн-мышления, методов творческого мышления, т. к. в их основе лежит эмпатия, коллективные формы взаимодействия;

- оценка проекта не ценностными и эстетическими категориями, а прежде всего, рациональными экономическими, энергетическими, административными и другими показателями;

- отсутствие в цифровой среде профессиональной цензуры, ограничений; свобода автора, который может быть анонимным, в выборе методов проектирования, форм презентации результатов проекта; практически неограниченная аудитория потребителей, что требует высокого уровня ответственности и профессиональной этики.

Культурологическое осмысление процессов цифровизации, происходящих в проектной культуре, позволяет понять и минимизировать риски, если не утраты, то уменьшения значимости ее социокультурной, гуманитарной, ценностной, концептуальной составляющих. Методы цифровизации, переход многих социокультурных процессов в цифровую среду, качественные социальные трансформации не должны влиять на индивидуальные и общественные ценности.

Раздел 3

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

3.1. ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ КАК НОВОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОПРОСЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Проблемы виртуализации музейного пространства и музейной педагогики – объект исследования разных областей гуманитарного знания: музееведения, культурологии, педагогики, психологии. Актуальность данного вопроса обусловлена интерактивной функцией виртуального музея как основы межкультурного диалога, цели которого определены в качестве приоритетных в образовательных программах ЮНЕСКО и утверждены на Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 2021 года. Можно констатировать, что существует множество подходов к выявлению значимости виртуального музея в социокультурных практиках России и мира. Ученые трактуют данный термин по-разному, и это вызвано тем, что виртуальные музеи как новая культурная форма отличаются большим многообразием и постоянно модифицируются, затрудняя тем самым разработку новой дефиниции¹. В результате сложилась ситуация, доказывающая, что спектр концепций в сфере изучения виртуальных музеев является достаточно широким. Так, британский музеолог Э. Хубер-Гринхилл, введя термин «воображаемый музей», считает, что его предыстория началась еще в шекспировском театре «Глобус»². А термин «постмузей», появившийся в конце XX века, обозначил новую институцию эпохи постмодерна, которая пришла на смену публичному просветительскому учреждению и стала показателем «культурного плюрализма»³.

¹ Об этом см.: *Максимова Т. Е.* Виртуальный музей: аналитический обзор зарубежных публикаций // Вестник МГУКИ. 2015. №4 (66). С. 80.

² Об этом см.: *Hopper-Greenhill E.* Museums and the Shaping of Knowledge. London ; New York, 1992. P. 81.

³ *Бонами З. А.* Как читать и понимать современный музей. Философия музея. М., 2018. С. 188.

Немецкий исследователь А. Гюйссен считает постмузей явлением «симулятивным», утратившим «в широком смысле этого слова свои амплуа и ставшим одной из ключевых парадигм современной культуры»⁴. Более того, музей, превращающийся в своеобразный «форум граждан» через репрезентацию разных субкультур, теряет свою «ауру», как и любое «произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»⁵. Под терминами «постмузей» или «виртуальный музей» подразумевается «цифровой информационный ресурс, который находится в свободном доступе в сети Интернет, позволяя самостоятельно изучать культурно-исторический материал, обладая разными способами коммуникации, обратной связью с посетителями»⁶.

Музеолог З. Бонами, сравнивая традиционный (публичный) музей с модернизированным, подчеркивает, что в первом «коммуникация носила характер технологического процесса»⁷, для чего было достаточно «распределить все экспозиции по местам и снабдить их этикетками»⁸. А второй, формирующийся в 1980–1990-е годы как музей нового типа, – это «особая информационно-коммуникационная система, производящая и транслирующая информацию»⁹, что вполне соответствует духу теории информационного общества. Данный подход, по мнению исследователя, «дает представление о том, как с помощью разных музейных объектов, выступающих в качестве “знаков” и “символов” готовится музейное сообщение и каким образом оно “читается” или “дешифруется” получателями, то есть посетителями музея»¹⁰. В этом же ключе созданы тексты авторских

⁴ Гюйссен А. Бегство от амнезии. Музей как массмедиа // Искусство. 2012. №2 (581). С. 38.

⁵ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости...

⁶ Кириллова Н. Б., Ляпустина П. А. Виртуализация культуры как фактор формирования нового музейного пространства // Вестник культуры и искусств. 2020. №3 (63). С. 59.

⁷ Бонами З. А. Как читать и понимать современный музей... С. 188.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

экскурсий по Музею Бориса Ельцина в Екатеринбурге, созданному как «музей-вызов». Этот музей говорит с посетителями на самых разных языках – языке кино и видеоинсталляций, фотографий, документов и других текстов¹¹.

Таким образом, история виртуального музея связана с эволюцией форм классического музея, превращением его из традиционной социокультурной институции в современную модель коммуникативной культуры, инновационная музейная стратегия которой – интерактивность как форма обратной связи и диалога с посетителями. А базовая для феномена музея проблема культурной идентичности, как отмечает Т. М. Трошина, «становится особенно актуальной сегодня в ситуации возросшей значимости музея... как места самоидентификации личности через культуру»¹².

Исходя из сказанного, цель данного исследования – доказать, что виртуальный (интерактивный) музей ориентирован не только на сохранение культурно-исторических традиций, но и направлен на духовное развитие посетителей, пробуждение их творческой активности и интеллектуального потенциала. А это значит, что новая модель музея в большей степени связана с перспективами музейной педагогики, чем его классическая форма, так как сегодняшний музей все чаще позиционирует себя как место досуга и общения, открытого доступа к новым аспектам знания, практического опыта и творчества.

Определяя особенности и процессы функционирования виртуального музея, мы исходили из его классического определения: музей (от греч. *museion* – храм муз) – учреждение, осуществляющее отбор, научное исследование и хранение памятников культуры и искусства. Деятельность музеев направлена на удовлетворение образовательных и творческих интересов личности, связанных с изучением и освоением культурного наследия¹³.

¹¹ См.: Музей как медиа: Дискуссии в музее Бориса Ельцина / Под ред. Л. Старытовой. Екатеринбург, 2022. 248 с.

¹² Трошина Т. Музы и звезды: сборник статей. Москва ; Екатеринбург. С. 199.

¹³ Педагогический энциклопедический словарь // Slovar.cc : [сайт]. URL: <https://slovar.cc/enc/ped/2137593.html> (дата обращения: 12.11.2023).

К изучению данного вопроса на рубеже XX–XXI веков обращались многие зарубежные исследователи, в том числе упомянутые выше. В России проблемы функционирования и значения виртуальных музеев также стали объектом анализа ряда ученых и практиков. Так, М. А. Беляева и Т. А. Ладыгина рассматривают современный музей в контексте новых коммуникационных технологий¹⁴; для З. А. Бонами он интересен с точки зрения эволюции его статуса и языка общения с посетителями¹⁵; Д. С. Василина считает виртуальный музей уникальным «феноменом современной культуры»¹⁶; а Е. Н. Шапинская, анализируя функционирование музея в условиях рынка воспринимает современный музей как составную часть «экономики впечатлений»¹⁷.

Появление виртуального музея является итогом цифровизации современной культуры, что можно рассматривать «как следствие внедрения гибких коммуникационных технологий во все сферы общественного производства и свидетельство появления нового медийного социально-культурного пространства»¹⁸. Сетевые формы электронного взаимодействия стали создавать реальные перспективы обновления и развития многообразных культурных практик и социальных отношений. По мнению М. Кастельса, «мы живем в условиях культуры виртуальной реальности. Именно это отличает культуру информационной эпохи: через виртуальность мы в основном и производим наше творение смысла»¹⁹. А Т. Роппола доказывает, что музей как институциональное явление служит одним из ключевых факторов «си-

¹⁴ См.: Беляева М. А., Ладыгина Т. А. Новые музейные коммуникации // Мир науки. Серия: Социология, философия, культурология. 2018. Т. 9, № 4. URL: <https://sflk-mn.ru/PDF/09KLSK418.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

¹⁵ См.: Бонами З. А. Как читать и понимать современный музей...

¹⁶ См.: Василина Д. С. Виртуальный музей как феномен современной культуры // Международный журнал исследований культуры. 2016. №3 (24). С. 96–102.

¹⁷ Об этом см.: Шапинская Е. Н. Впечатления на продажу: современные тенденции в культуре потребления // Ярославский педагогический вестник. 2021. №1 (118). С. 162–169.

¹⁸ Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / Отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург, 2019. С. 39.

¹⁹ Кастельс М. Галактика интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе... С. 237.

стемы социального воспроизводства, помогая конструировать, синтезировать различные аспекты и понятия художественной реальности»²⁰. В условиях виртуализации музейного пространства, когда образы доминируют над реальностью, «симулируют» историю и действительность, сохранение глубинной связи времен посредством расширения музейной практики выступает одним из смыслообразующих элементов человеческого сознания и аксиологической мерой деятельности.

Развитие новой антропо-технической реальности и сетевого (цифрового) общества привело к трансформации самой организации музейного пространства. Музей из места хранения, исследования и обозрения артефактов прошлого, включая произведения искусства, постепенно превратился в открытое интерактивное пространство, вовлекающее посетителя в диалог, взаимодействие и даже в дискуссию. В современном медиатизированном музее существуют не только реалии физических объектов (предметная коммуникация все чаще отходит на второй план), но и специфическое виртуальное пространство, содержащее как информационно-визуальный, так и программно-сервисный компонент. Актуальными становятся интерактивные экскурсии, включающие диалоги с публикой, мастер-классы, викторины и другие проявления интерактивности. Музейные сайты также приобретают более интерактивный характер. То есть в музее создано «пространство, дающее возможность более открытого способа коммуникации»²¹.

Вот почему новый тип музея в полном смысле слова стал восприниматься как феномен современной культуры. «Виртуальный музей, – констатирует Д. С. Василина, – это пространство, использующее интерактивные возможности на электронных носителях, позволяющее пользователю “перемещаться” среди трехмерных залов и знакомиться с необходимыми изображениями и сведениями»²².

²⁰ *Roppola T.* Designing to the museum visitor experience. London; New York, 2012. P. 43.

²¹ *Бонами З. А.* Как читать и понимать современный музей... С. 190.

²² *Василина Д. С.* Виртуальный музей как феномен современной культуры... С. 97.

Музей является той базовой структурной моделью культуры, которая обеспечивает человеку осмысленное существование. Процесс медиатизации общества и формирование сетевой парадигмы привели к тому, что современная коммуникативная культура, основанная на интенсификации обмена образами и идеями, стала нести в себе признаки «единовременья» и «безвременья». По мнению Л. В. Нургалеевой, судьба музея как социального института обнаруживает два принципиальных подхода в этическом отношении к прошлому. Первый заключается в том, чтобы рассматривать прошлое как «абсолютную самодовлеющую ценность», независимо от того, как это прошлое функционирует в настоящий момент. Второй можно определить как «утилитаризм»: прошлое оценивается с точки зрения его актуальности, его «современной значимости» и имеет только «относительную ценность». Оба типа ценностных ориентаций определяют как стратегии будущего, так и формы сохранения культурного наследия в сетевом обществе, «формируя новую коммуникационную парадигму», которая заключается в программах коллективного и индивидуального поиска разных форм взаимодействия в практике функционирования виртуальных музеев²³.

«Полноценная репрезентация времени в музее невозможна без виртуальной реальности, создаваемой на основе информационных ресурсов»²⁴, – отмечает Т. М. Трошина. Об этом же размышляет А. Н. Балаш, рассматривая особенности репрезентации в перформативном музее²⁵. Особый вопрос – активизация модернизации сферы музейной деятельности в условиях рынка. Не случайно в начале XXI века в стране одна за другой прошли конференции, посвященные реалиям и будущему музея: «Музейная коммуникация» (2002) и «Музей между миссией и рынком» (2003), организованные Центральным музеем современной исто-

²³ См.: Нургалеева Л. В. Виртуальный музей: новая коммуникационная модель // Информационные технологии и их использование в исследованиях источников по проблемам ментальности евро-азиатских сообществ: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 2003.

²⁴ Трошина Т. Музы и звезды: сборник статей... С. 206.

²⁵ Об этом см.: Балаш А. Н. Репрезентация в перформативном музее // Международный журнал исследований культуры. 2022. № 1 (46). С. 6.

рии России; «Музей и рынок» (2006) и «Образ и понятие в художественном музее» (2007), организованные Эрмитажем. Эти конференции актуализировали проблемы реализации новой модели коммуникации в современной практике музея. Коммуникационный подход к музейному делу в процессе культурной самоидентификации территорий активизировал и такую интерактивную акцию как «Ночь музеев», приуроченную к Международному дню музеев. Впервые эта акция была проведена в Берлине в 1997 году; в России право первенства принадлежит Красноярскому музейному центру (2002); в Санкт-Петербурге «Ночь музеев» прошла в 2006 году, а в Москве и Екатеринбурге в 2007 году.

Необходимым условием для аудитории музея является способность понимать «язык вещей», а для создателей экспозиции – способность выстраивать с помощью экспонатов невербальные пространственные «высказывания». Виртуализация способствует интерактивности, то есть участию посетителя в процессе, диалогу между искусством и зрителем и становится обязательной частью современной музейной коммуникации. Во многих музеях внедряются мобильные приложения, используются интерактивные гиды, проводятся мультимедийные выставки. Более того, виртуализация радикально изменила способ организации музейного пространства и его внутренней структуры. Результатом стало усиление новых функций музея – образовательной, исследовательской, социокультурной. Сегодня в виртуальном пространстве можно не только познакомиться с коллекцией, находящейся в музее в другой стране, но и увидеть предметы, которые хранятся в его фондах и недоступны зрителю.

Первыми медиатизированными музейными пространствами стали Нью-Йоркский Музей современного искусства, Метрополитен-музей (США), парижский Лувр, Эрмитаж, Третьяковская галерея, Государственный Русский музей, флорентийская галерея Уффици и другие музеи мира. Интернет как «пространство свободной глобальной коммуникации»²⁶ в значи-

²⁶ Кастельс М. Галактика интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе... С. 5.

тельной степени определил популярность многих музеев. К примеру, проект «Русский музей: виртуальный филиал» стал в начале 2000-х годов информационно-образовательным центром, открывшимся во многих учреждениях культуры и образования. Виртуализация музея дала возможность каждому посетить Лувр или Эрмитаж, находясь при этом в любой точке земного шара. Отметим, что в 2015 году в Москве, а с 2017 года во многих регионах России, стали открываться исторические парки «Россия: моя история» (сегодня этот проект функционирует в 23 городах страны). Добавим, что в условиях пандемии медиапроект «Эрмитаж. Погружение в историю» стал самым массовым явлением такого виртуального путешествия, победив в номинации «Бренд 2020 года». Сегодня Эрмитаж как многовековой разносторонний музейный комплекс занимается образовательной деятельностью на разных социальных медиаплатформах: «ВКонтакте», YouTube, на своем сайте.

Как видим, современный музей стал именно той институциональной структурой, которая содержит в себе равновесие между «экспансией» современных медиатехнологий и социальным потенциалом личности, открытой для коммуникации и ответственной перед будущим. Схематизируя выводы из размышлений о музее в современной медиасреде, Т. М. Трошина предлагает следующую формулу: наследие + интерактивность музеев + медиасреда + национальные программы = культурная самоидентификация личности гражданина новой России. На основе данного синтеза музеев, возвращаясь к своим истокам, превращается в «полифункциональный, мультимедийный общественно значимый институт»²⁷. Таким образом, музейная репрезентация в электронной культуре – это возможность обращения к прошлому в форме, которая сочетает в себе высокий уровень образного и интеллектуального представления информации о прошлом.

Сеть виртуальных музеев представляет собой новую пространственно-временную модель хранения и трансляции историко-культурных ценностей, сформированную благодаря

²⁷ Трошина Т. Музы и звезды: сборник статей... С. 207.

внедрению электронных способов ресурсификации информации. То есть виртуальный музей становится значимым компонентом электронной медийной среды, репрезентирующей не сами объекты исторического наследия, а их структурные образы. Образ, в свою очередь, по мнению Л. В. Нургалеевой, является «основным продуктом сетевого сознания, программой интеллектуального, эстетического и этического воздействия»²⁸. Интернет, как отмечает Л. Манович, «предлагает новый язык для описания культурных артефактов, человеческого опыта и динамики»²⁹. Более того, как уточняет исследователь, «в компьютерном обзоре можно лучше улавливать детали отдельного артефакта, а также визуальные различия между несколькими артефактами, даже если они очень малы»³⁰.

Таким образом, в новом медийном пространстве музей расширяет свою коммуникационную деятельность, превращаясь из очага хранения культурных ценностей в процесс творческого взаимодействия индивидуумов, объединенных интересами не только интеллектуального познания исторических артефактов, но и конструирования оригинальной картины мира. Это подтверждает тезис М. Кастельса о том, что «в пределах сетевого общества, разрушающего привычные представления о пространстве и времени, виртуализация культурного пространства обретает свой реальный смысл»³¹.

Реалиями современных музеев является не только модернизация их социокультурной деятельности, но и тот факт, что они функционируют, как мы отметили, в условиях рыночной экономики. В связи с этим и крупные столичные музеи, и музеи российской глубинки, как пишут практики, сегодня живут похожими проблемами: «Главные заботы “храма бесценных реликвий” – бух-

²⁸ Нургалеева Л. В. Виртуальный музей: новая коммуникационная модель...

²⁹ Manovich L. Computer vision, human senses, and language of art // Manovich : [site]. URL: <http://manovich.net/index.php/projects/computer-vision-human-senses-and-language-of-art> (date of access: 14.12.2023).

³⁰ Там же.

³¹ Кастельс М. Галактика интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе... С. 151–152.

галтерские: посещаемость, окупаемость, вклады “друзей музея”, доход от сувенирной торговли»³². Это означает, как отмечает Е. Н. Шапинская, что музеи являются частью «экономики впечатлений» и для того, чтобы продать «музейное впечатление», организаторам необходимо проявлять активность в производстве качественного культурного продукта, максимально мобильного и трансформируемого под нужды посетителей³³. Все это свидетельствует о росте потребительства в музейной деятельности.

Еще одной проблемой является тот факт, что в XXI веке под влиянием интернета и цифровых технологий не только государственные СМИ теряют свое сакральное право на создание и распространение информации, у государственных музеев тоже появились конкуренты – частные лица и организации, для которых сохранение культурной памяти является разновидностью их деятельности, а цифровые технологии создают благоприятные условия для этого. Одиночки, как правило, – это коллекционеры с самыми разными сферами интересов или подвижники, увлеченные сохранением семейной или региональной истории. Среди организаций есть такие, которые сохраняют и оцифровывают свою летопись, делая это во имя корпоративной идентичности и укрепления собственного бренда, либо такие, которые в имиджевых целях инвестируют средства в создание разных дорогих музейных коллекций³⁴.

И если в советский период деятельность музеев была глубоко идеологизирована и «приватизирована» государством, то в последние десятилетия у российских музеев, как пишет А. В. Смирнов, появилась возможность самостоятельно определять, как «контент культурной памяти будет транслироваться в общественное сознание, и насколько активно музей будет включен в общий процесс коммеморации»³⁵.

³² Беляева М. А., Ладыгина Т. А. Новые музейные коммуникации...

³³ Об этом см.: Шапинская Е. Н. Впечатления на продажу: современные тенденции в культуре потребления... С. 167–168.

³⁴ Беляева М. А., Ладыгина Т. А. Новые музейные коммуникации...

³⁵ Смирнов А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры. 2016. №3 (24). С. 20.

Министерство культуры Российской Федерации еще в 1990-е годы инициировало создание Государственного каталога музейного фонда РФ – единого информационного ресурса основных сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, хранящихся во всех музеях РФ. Работа оказалась непростой, предпринималось три попытки создания госкаталога: первая – в 1996–2009 годах, вторая – в 2009–2013 годах, в настоящее время решается задача – до 2025 года все находящиеся на учете предметы занести в электронный каталог. Сегодня на портале «Культура. РФ» в разделе «Музеи» находится 5530 объектов³⁶.

Как констатируют современные исследователи, опираясь на данные российских и международных источников, прослеживается общая тенденция к повышению значимости цифровых носителей в мировой и российской индустрии развлечений, позволяющих привлечь потребителя и дать ему возможность познакомиться с культурным продуктом дистантно, а затем рассчитывать и на очный диалог. Эту цель преследуют и проекты современного виртуального музея, что делает его значимым явлением креативной индустрии.

В проблемном поле виртуальных музеев – и перспективы музейной педагогики, которые активно обсуждаются в гуманитаристике. Музейная педагогика в энциклопедическом понимании – это «область науки, изучающая историю, особенности культурно-образовательной деятельности музеев, методы воздействия музеев на различные категории посетителей, взаимодействие музеев с образовательными учреждениями и др.»³⁷. Предметом музейной педагогики являются вопросы, связанные с содержанием и формой педагогического воздействия музея и с определением его функциональных возможностей. Несмотря на то что просветительская функция была присуща музею изначально, с момента появления первого мусейона в Александрии (III в. до н. э.), сам термин «музейная педагогика» появился относительно недавно.

³⁶ Культура.РФ. Музеи : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/museums/institutes/location-russia> (дата обращения: 13.11.2023).

³⁷ Педагогический энциклопедический словарь // Slovar.cc : [сайт]. URL: <https://slovar.cc/enc/ped/2137593.html> (дата обращения: 12.11.2023).

Это понятие впервые было введено и сформулировано в конце XIX века в Германии А. Лихтварком, А. Рейхвейном и Э. Росмелером, которые трактовали ее как «направление музейной работы с учащимися»³⁸. Российская музейная педагогика получила свое развитие в советский и постсоветский периоды. Во многих трудах исследователей понятие «музейная педагогика» раскрывается через конвергенцию феноменов культуры музея и педагогики, их взаимодействие в процессе воспитания личности. Так, Т. Е. Васильева утверждает, что музейная педагогика «покоится» на трех научных дисциплинах: педагогике, психологии, истории. При этом, говоря об истории, она имеет в виду историю материальной культуры, которая тесно соприкасается с искусствоведением и лингвистикой³⁹. А для Т. М. Трошиной «музейная педагогика, как и андрагогика, – важнейшее направление деятельности в музеях искусства со времени их зарождения»⁴⁰.

Новая образовательная ситуация, сложившаяся в России на рубеже XX–XXI веков, как и трансформация самого музея, меняют представление о задачах, функциях и формах музейной педагогики, которая сегодня развивается, как мы отметили, в русле *коммуникативной культуры*. Главный акцент в этой теории делается на визуальных и аудиовизуальных кодах музейной коммуникации, являющихся, по мнению исследователей медиакультуры, своеобразным языком общения⁴¹.

А постижение языка аудиовизуальной (цифровой) коммуникации посетителями через пространство виртуального музея так или иначе делает современную музейную педагогику составной частью медиаобразования, которое выполняет аналогичные социальные функции, о чем свидетельствуют работы многих российских и зарубежных исследователей. И все же, как показывает

³⁸ Васильева Т. Е. Роль музейной педагогики в формировании целостной личности // Вестник КрасГАУ. 2007. № 4. С. 252.

³⁹ Там же. С. 253.

⁴⁰ Трошина Т. Музы и звезды: сборник статей... С. 202.

⁴¹ Kirillova N. B. Media culture of a globalised world: evolution of language technologies // Changing Societies & Personalities. 2020. № 4(4). P. 434.

исследование, диалогическая функция современной музейной педагогики является ведущей.

Цели межкультурного диалога в качестве приоритетных утверждены Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 2021 года: как «Среднесрочная стратегия на срок с 2022 по 2029 годы» и как «Программа на период 2022–2025 годы». Тематика межкультурного диалога представлена в первом документе как неотъемлемая составляющая стратегической цели, направленной на упрочение «инклюзивных, мирных и справедливых обществ», всемерно способствующих культурному многообразию и устойчивому развитию. Последовательный анализ текста «Стратегии» позволяет, как констатирует Д. Л. Спивак, выделить две ключевых цели межкультурного диалога на современном этапе, а именно – «сглаживание разломов» в коллективном сознании и «продвижение общих ценностей и конструкторов памяти»⁴². Что касается «Программы», то в ней обозначены признаки трехуровневого конструкта: «межкультурное понимание – межкультурные компетенции – межкультурный диалог»⁴³. Следует отметить, что Д. Л. Спиваком в работе «Межкультурный диалог в новой среднесрочной стратегии ЮНЕСКО» проведен достаточно глубокий обзор современных тенденций развития предметной области кросс-культурного, межкультурного и транскультурного диалога. Значимость межкультурного диалога определена ЮНЕСКО и в других документах, таких как «Культурная стратегия» и стратегия «Образование-2030»⁴⁴.

Все указанные документы являются актуальными для современной музейной педагогики, определяя тем самым еще одну ее особенность в XXI веке, – междисциплинарность. Как мы уже отметили, современный музей, в том числе и виртуаль-

⁴² Об этом см.: *Spivak D. Dialogue and heritage in the cultural strategy of UNESCO: a brief overview* // *Culture and Dialogue*, 2017, Vol. 5; Спивак Д. Л. Межкультурный диалог в новой среднесрочной стратегии ЮНЕСКО // *Международный журнал исследований культуры*. 2022. № 1 (46). С. 111–125.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Unesco Declaration: Education 2030. Incheon Declaration and Framework for Action* (2015) // *UNESCO* : [site]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656_rus (date of access: 20.12.2023).

ный, – это особая модель коммуникативной культуры, в деятельности которой интегрируются специалисты разных гуманитарных наук: музееведы, культурологи, искусствоведы, психологи, педагоги, которые в процессе достижения цели и решения задач музейной педагогики сталкиваются с проблемами комплексного характера.

Так Е. Н. Полюдова в своем выступлении на Барселонской конференции по образованию в 2020 году приводит термин «медитативное пространство», под которым подразумевается новая среда современных музеев, дающая возможность обеспечить новый стиль общения между посетителями музея и произведениями искусства. С ее точки зрения, необходимо создание кластеров медитативного пространства в современном музее, что удовлетворяет потребность посетителя в независимом восприятии артефактов⁴⁵. Для осуществления этой работы также нужны специалисты, эрудированные и подготовленные как в вопросах теории и практики современного музея, так и в вопросах педагогики, психологии и медиакультуры.

Проведенный анализ иллюстрирует ряд проблем, связанных с модернизацией музейного пространства и функционированием виртуального музея как новой социально-культурной институции эпохи глобализации и цифровизации. Нельзя не признать справедливым утверждение ряда ученых и практиков о том, что музей расширил свои функциональные возможности и из места хранения и обозрения артефактов превратился в новую модель коммуникативной культуры, открытое интерактивное пространство, вовлекающее посетителя во взаимодействие и диалог. В связи с этим можно согласиться с мнением М. А. Беляевой и Т. Г. Ладыгиной, которые выделили ряд новых черт музейной коммуникации: 1) цифровизацию музейного пространства и его коллекций; 2) взаимодействие с посетителями через социальные сети; 3) цифровую коммуникацию с разными информационными базами и выход на потребителя

⁴⁵ См.: *Poljudova E.* Museum as Meditative Environment // ResearchGate : [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/355930894_Museum_as_Meditative_Environment (date of access: 23.10.2023).

далеко за пределами музея; 4) создание виртуальных музеев как отдельных социокультурных институций; 5) использование ресурсов виртуального музея в учебно-воспитательном процессе школ и вузов⁴⁶.

Как видим, результатом медиатизации музейного пространства становится усиление образовательно-воспитательной, исследовательской и социокультурной функций музея, что наглядно продемонстрировали виртуальные практики ведущих музеев страны и мира. Следует признать правоту Т. М. Трошиной, доказавшей, что современный музей превратился в «полифункциональный, мультимедийный общественно значимый институт»⁴⁷, однако это не противоречит традиционной музейной практике. Но есть и другое мнение: так, А. Н. Балаш, Е. Н. Полюдова и Д. С. Василина считают, что виртуальный музей – явление, качественно новое, совершенно иное по сравнению с музеем традиционным. Интересна и точка зрения А. Галози, который предложил «реальные и виртуальные музеи рассматривать как разные сущности, находящиеся в одном континууме культуры, а не в противоположных углах построения реальностей», утверждая тем самым, что «эти две музейных формы являются частью одной и той же музейной парадигмы»⁴⁸.

Следует признать и тот факт, что виртуальные музеи, являясь новым пространством медиакультуры, нуждаются в более глубоком изучении коммуникативной идеологии как научной парадигмы. Трактовка музея как хранилища исторически значимых реликвий – форм культурной памяти с целью их презентации и исследования приобретает в рамках новой парадигмы более объемное содержание, обеспечивая влияние музейных коммуникаций на реальный культурный процесс. Однако следует согласиться и с мнением Е. Н. Шапинской, что современный музей функционирует в условиях рыночной экономики, а это значит, что нельзя не учитывать и того факта, что в музейной

⁴⁶ См.: Беляева М. А., Ладыгина Т. А. Новые музейные коммуникации...

⁴⁷ Трошина Т. Музеи и звезды: сборник статей... С. 207.

⁴⁸ Gálosi A. Designing Authenticity in Virtual Museum Tours // *Papers in Arts and Humanities*. 2022. № 2(2). P. 1–14.

деятельности, которая является частью «экономики впечатлений», наблюдается рост потребительства⁴⁹.

И все же самым дискуссионным вопросом в данном исследовании являются перспективы музейной педагогики, основы которой были сформулированы еще в конце XIX века. Нами отмечено, что новая образовательная ситуация в России, как и трансформация музейного пространства, развивающегося в XXI веке в русле коммуникативной культуры, требует постижения визуальных и аудиовизуальных кодов как своеобразного языка общения. В этом вопросе можно согласиться с Л. Мановичем, утверждающим, что необходимо знать «визуальный язык компьютера как новую форму описания культурных артефактов, опыта и динамики... Визуальные измерения лучше, чем человеческие языки, передают цвет, текстуру, контуры, композицию и другие характеристики музейных объектов»⁵⁰. По-своему правы Е. Л. Сидоренко и П. Аркс, в работе которых сказано о том, что «цифровые (аудиовизуальные) технологии связаны с методами теоретического моделирования, идеализации и технических экспериментов»⁵¹, что способствует защите интеллектуальных прав. В определенной степени с ними солидарен А. Каун, хотя он видит в языке цифровизации «не культуру общения, а цифровую разобщенность», при этом предлагая изменить эту ситуацию «через активное изучение цифровой культуры»⁵², которое сегодня является одной из главных целей медиаобразования, в структуру которого, по нашему мнению, входит и музейная педагогика.

Современное медиаобразование полифункционально, о чем свидетельствуют точки зрения разных исследователей. Так Г. Хванг и С. Чиф особо выделяют в этой системе информационно-семиотическую функцию как основу влияния искусственного

⁴⁹ Об этом см.: *Шапинская Е. Н.* Впечатления на продажу: современные тенденции в культуре потребления... С. 167.

⁵⁰ Manovich L. Computer vision, human senses, and language of art...

⁵¹ *Sidorenko E. L., Arx von P.* Transformation of law in the context of digitalization: defining the correct priorities // *Digital Law Journal*. 2020. Vol 1, No 1. P. 24–38.

⁵² *Kaun A.* Ways of seeing digital disconnection: A negative sociology of digital culture // *Convergence*. 2021. Vol. 27(6). P. 1571–1583.

интеллекта⁵³; для С. Галика мышление в Сети – важный фактор медиаобразования, так как оно выполняет познавательную функцию⁵⁴; для В. Музыканта и О. Шлыковой главное в этом вопросе – формирование медиакомпетентности⁵⁵. Можно согласиться и с мнением Ю. Горелова и Н. Хилько⁵⁶, которые, как и автор настоящей главы⁵⁷, считают формирование креативной личности одной из главных целей медиаобразования. И всё же лидирующими в вопросах музейной педагогики являются мнения Ч. Рапанты и С. Тровайо, которые выделяют диалогическую и эстетическую функции межкультурного образования⁵⁸ или утверждают, как Дж.-А. Бразил и Р. Кабесиньяс⁵⁹, что самой приоритетной и ведущей в деятельности виртуального (интерактивного) музея XXI является диалогическая функция.

Как видим, вопросы межкультурного диалога являются особенно значимыми в контексте утвержденных ЮНЕСКО в ноябре 2021 года документов, актуальность которых для музейной педагогики неоспорима и определяет тем самым ее междисципли-

⁵³ См.: *Hwang G. J., Chief S. Y.* Definition, roles, and potential research issues of the metaverse in education: An artificial intelligence perspective // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2022.

⁵⁴ См.: *Gálik S.* Thinking in the network // *Central European Journal of Communication*. 2020. № 27(3). P. 446–459.

⁵⁵ См.: *Muzykant V., Shlykova O.* Media competences as the keystone of electronic culture and contemporary education // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2019. № 1. P. 105–115.

⁵⁶ См.: *Gorelova J., Khilko N.* Organizational forms of implementation of pedagogical technologies in the media education system // *International Journal of Media and Information Literacy*. 2020. № 5(1). P. 31–36.

⁵⁷ См.: *Kirillova N. B.* Creative Potential of Media Education as a New Paradigm of the Information Age. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research // Proceedings of the International Scientific Conference on Philosophy of Education, Law and Science in the epoch of Globalisation (PELSEG 2020)*. Ekaterinburg, 2020. P. 191–195.

⁵⁸ См.: *Rapanta Chr., Trovão S.* Intercultural education for the twenty-first century: A comparative review of research // *Dialogue for intercultural understanding. Placing cultural literacy at the heart of learning*. Springer, 2021. P. 9–26.

⁵⁹ См.: *Brasil A. J., Cabecinhas R.* Intercultural dialogue and intergroup relations in Europe: contributions of cultural studies and social psychology // *Comunicação e Sociedade*. 2019. Special Vol. P. 105–118.

нарную функцию, ориентирующуюся на решение проблем комплексного характера.

Интересным, хотя и спорным, представляется предложение Е. П. Олесиной и Е. И. Полудовой придать диалогу школы и музея новый статус – «педагогическое музееведение»⁶⁰, то есть объединить их в интегрированную систему учебного взаимодействия. Актуальность данного предложения в том, что рассматривая возможные пути развития этого нового направления в теоретическом и методическом аспектах, исследователи говорят о необходимости профессиональной подготовки школьных педагогов-культурологов⁶¹.

Нестандартный вариант обучения культуролога-музееведа предложен кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета, на базе которой в 2021–2022 годах было открыто новое направление магистратуры «Современный музей и творческие индустрии». Его цель – подготовка профессиональных менеджеров: организаторов музейного дела, а также специалистов по музейной педагогике – занимающихся вопросами образования и воспитания учащейся молодежи. В 2022 году кафедра культурологии и социально-культурной деятельности УрФУ инициировала проведение в Екатеринбурге межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых «Институты культуры и творческие индустрии как факторы социокультурного развития информационного общества», которая собрала более ста музееведов, педагогов, аспирантов и студентов, объединившихся с целью определения перспектив развития региональных музеев в условиях глобализации и цифровизации.

Материалы приведенного исследования дают возможность убедиться в актуальности всех тех проблем (научных, организационных, практических), которые связаны с деятельностью виртуального музея как новой модели коммуникативной культуры и с перспективами музейной педагогики.

⁶⁰ См.: Олесина Е. П., Полудова Е. Н. Педагогическое музееведение как система учебного взаимодействия школы и музея // Педагогика искусства. 2020. № 3. С. 70–71.

⁶¹ Там же.

Подводя итоги, следует отметить, что взаимодействие современного музея с новыми медиа и виртуализация музейного пространства являются самой перспективной формой трансформации и последующей практики музея. Реорганизация традиционного музея в новую модель коммуникативной культуры не только повышает его статус как актуального социального института, но и расширяет его функции в системе культурных индустрий и в образовательно-воспитательном процессе, формирующем творческую личность XXI века.

3.2. АРХЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Установка культурологии на поиск интегративных связей, объединяющий характер культурологического дискурса, выраженный в идеях диалога и полилога⁶², методологическая установка на синтез предметно-дисциплинарных полей и различных сфер (в силу универсальности самого базового концепта «культура») оказываются созвучными актуальному этапу развития современного социогуманитарного знания. И. В. Кондаков отмечает: «Картина междисциплинарных связей становится чрезвычайно текучей, неуловимо изменчивой, релятивной; границы между научными дисциплинами оказываются размытыми, зыбкими, легко переступаемыми исследователями и творцами культуры, даже рядовыми реципиентами – в любом направлении и в любом аспекте; являются полем творческого самовыражения, свободной импровизации или игры воображения, познавательных или нравственно-эстетических парадоксов»⁶³.

Соединение археологических и культурологических курсов наиболее заметно в контексте анализа культурно-

⁶² См.: Кириллова Н. Б., Кемерова Т. А., Девятова О. Л., Лихачева Л. С. Куда идут культура и наука о культуре?.. С. 129–138.

⁶³ Кондаков И. В. Интеграционный потенциал культурологии как междисциплинарной науки // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 211.

исторического (археологического) наследия и, шире, культурной памяти и культуры прошлого. С. Ю. Каменский выделяет три ключевые парадигмы, задающие отношение к культурному наследию: отсутствие прошлого, память-преемственность, культурный диалог⁶⁴. Именно идея диалога может рассматриваться как наиболее устойчивая основа исследований прошлого в настоящем, поскольку именно неизведанность прошлого, которое «никогда не было рассказано раз и навсегда»⁶⁵ наиболее полно отвечает современным парадигмальным сдвигам, переходу к «постпроцессуальной археологии», декларирующей принципиальную множественность интерпретаций наследия прошлого.

Гораздо острее, в отличие от преодоления дисциплинарно-предметных границ внутри научного знания (культурология – археология), стоит проблема интеграции полей специализированной (собственно научной) и обыденной («профанной») интерпретации археологического наследия: «Напряжение противонаправленных векторов («сакральное» археологическое знание «для специалистов» против «профанного» археологического знания «для всех») могло порождать череду вполне конкретных действий во внутриинституциональной среде, принимающей в штыки постпроцессуальную археологию с ее интуициями, широтой восприятия ненаучных точек зрения, обращением к духовным практикам и другим формам знания и познания, далеким от строгих описаний материальных артефактов»⁶⁶.

М. В. Загидуллина предлагает рассматривать проблему «борьбы дискурсов» в контексте идей бинарных и тернарных культур, экстраполируя концепцию Ю. М. Лотмана на особенности трансфера научных (в данном случае – археологических) знаний в область общественного сознания⁶⁷. И в данном вопро-

⁶⁴ См.: Каменский С. Ю. Актуализация культурологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. С. 9.

⁶⁵ Загидуллина М. В. Прошлое в настоящем: о проблематичности культуры перехода интерпретации археологических данных // Горизонты цивилизации. 2023. Т. 14, вып. 2. С. 41.

⁶⁶ Там же. С. 44.

⁶⁷ Там же. С. 24.

се обращенность к этому «пространству перехода» предполагает концентрацию на репрезентации археологического наследия в сознании различных групп и акторов.

Репрезентация археологического наследия в общественном сознании

Возможность взаимодействия археологических и социокультурных дискурсов обнаруживается в социальной географии, культурной антропологии, гуманитарной географии и ее конкретной области – имажинальной географии⁶⁸, культурном ландшафтоведении⁶⁹.

Исследователями выделяются три наиболее значимых способа интерпретации археологических памятников: а) как пространства архаичных игр, опыт которых ценен для осознания и решения актуальных проблем; б) как мест этнонациональной и региональной культурной памяти; в) как ландшафтной среды обитания современного общества и как пространства предметных форм, интересных в силу инаковости актуальной культуре⁷⁰.

Обратимся к универсальному срезу репрезентации археологического наследия в общественном сознании современной аудитории – результатам исследований в рамках проекта NEARCH, опубликованным в виде сводного отчета в открытых Интернет-источниках⁷¹. Проект NEARCH опирается на общеевропейскую сеть сотрудничества, состоящую из шестнадцати организаций, расположенных в одиннадцати странах, поддерживается Европейской Комиссией. В опросе приняли участие 4516 человек из девяти стран Европы (Франция, Испания, Италия, Германия,

⁶⁸ Об этом см.: *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. 2011. № 5. С. 97–108.

⁶⁹ Об этом см.: *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.

⁷⁰ Об этом см.: *Каменский С. Ю.* Актуализация культурологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии... С. 10.

⁷¹ См.: Image of archaeology in Europe – Summary report General Public // Nearch : [site]. URL: <http://www.nearch.eu> (date of access: 13.12.2023).

Швеция, Нидерланды, Великобритания, Польша, Греция). Опрос осуществлялся с использованием интерактивной панели Harris. Тематическая направленность опросника NEARCH по выявлению особенностей публичной репрезентации археологических знаний была отражена в следующих исследовательских треках: ценность археологии и наследия; интерес к археологическим знаниям; личная включенность и информативная мотивация респондентов (открытость к получению информации, расширению знаний и представлений об археологии); восприятие археологического наследия в контексте позиционирования территории (роль археологических памятников в формировании образа места).

Если говорить о значимости образов прошлого, то наиболее распространенным ответом оказывается познавательная мотивация в понимании истории и прошлого. Археология воспринимается большинством ответивших, кроме всего прочего, и с позиций инструментально-охранительных (вопросы защиты культурного наследия). Однако в целом наблюдается некоторое преобладание условных символических установок над чисто прагматическими: превалируют позиции «духа места», «образа культуры», «ценности наследия». Среди тех респондентов, которые подчеркивают особую значимость археологии как ресурса для развития местной (национальной) экономики и туризма – жители Италии.

Особой популярностью среди европейских респондентов пользуется археологический туризм, а также демонстрируется интерес к просмотру фильмов и репортажей на темы, прямо или косвенно затрагивающие археологическую тематику. Основные археологические памятники хорошо известны европейской аудитории: с уровнем осведомленности, близким к 90 %, назывались пирамиды Гизы, Акрополь и Помпеи (именно данные объекты археологического наследия упоминались в числе наиболее известных достопримечательностей).

Уровень осведомленности европейцев о достопримечательностях во многом коррелирует с географической и культурной близостью к ним. С точки зрения исторических периодов наибольший интерес респонденты проявляли к эпохе Античности

(36%; из них: 60% – опрошенные из Греции, 54% – жители Италии), доисторической эпохе (21%) и Средневековью (17%). В целом, обобщая собранные материалы, можно сказать, что больше всего интересуются новостями археологии своей страны именно итальянцы (91%). Более четверти европейцев (27%) указывают на стремление к углублённому изучению археологии, причем в значительной мере такое желание выражено среди молодежи. Подавляющее большинство европейцев выражают желание приобщиться к археологии, в первую очередь посещая места раскопок. Больше всего это интересует молодежь. Тайны древних цивилизаций и потребность в изучении эволюции человечества является основной движущей силой подобного внимания.

Респонденты, проживающие в Европе, отмечают необходимость защиты культурного наследия и археологических памятников через провозглашение принципов превентивной археологии – как контролирующей функции государства над строительными и хозяйственными работами, осуществляемыми на территориях расположения археологических памятников.

Археологический памятник Аркаим: символическое значение и социокультурные практики освоения в региональном измерении*

Образ археологического наследия и конкретного археологического памятника Аркаим (памятник эпохи бронзы и одноименный историко-ландшафтный музей, расположенный на территории Челябинской области) может быть осмыслен с культурологических позиций через фиксацию социокультурных практик его освоения различными типами туристов и паломников. Аркаим репрезентирован в сознании общест-венности не только как археологический памятник и природно-культурный заповедник, но и связан с «шлейфом» мистических

* Исследование было осуществлено в рамках гранта Российского научного фонда №23-18-20098 (региональный конкурс Челябинской области), проект «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника “Аркаим”)».

и эзотерических интерпретаций⁷², что неизбежно оказывает влияние на материально-предметные и ритуально-символические практики его освоения.

Исследовательские срезы различных аудиторий, проводимые на территории России и других стран, демонстрируют выраженный спрос на присутствие символического ресурса легендирования как направляющего стимула посещения того или иного места туристами: «Можно сказать, что туристы сегодня едут не на строгую и фактологически доказуемую историко-культурную информацию о туристических объектах, а, скорее, на привлекательные географические образы, отражающие феномены интересующей их культуры. Здесь находится источник формирования базовых туристических мотивов»⁷³.

Исследовательской основой изучения археологического памятника Аркаим стали:

- данные массового опроса жителей Челябинской области, проведенного автором главы на основе квотного многоступенчатого отбора жителей региона (выборочная совокупность составляет 500 человек);
- опроса посетителей Аркаима (300 респондентов, непосредственно находящихся на территории заповедника);
- глубинные интервью с туристами и паломниками, согласившимися на расширенную беседу (40 интервью);
- результаты полевого включенного наблюдения, полученные в ходе четырех полевых экспедиций 2023 года.

При опросе жителей Южного Урала в контексте общего интереса к археологии выявлено, что наибольший интерес аудитории

⁷² См.: *Загидуллина М. В.* Археологическая тематика в СМИ в аспекте «публичной археологии» // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 40–48; *Куприянова Е. В.* Современные механизмы формирования имиджа археологических памятников в общественном сознании с помощью СМИ (на примере поселения бронзового века Аркаим в Челябинской области) // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2 (66). С. 71–83.

⁷³ *Ширинкин П. С.* О некоторых эволюционных аспектах использования символических ресурсов и внедрения туристического легендирования в развитие регионального туризма и образовательной деятельности в высшей школе // География и туризм. 2018. № 2. С. 76.

связывался с желанием посетить археологические раскопки (42,6 %) или оказаться в составе археологической экспедиции (33 %).

В качестве реальных форм личного включения в археологическую сферу (ранее используемые формы контакта) опрошенные называли: просмотр документальных фильмов об археологии – 90,6 %; просмотр художественных фильмов об археологии – 47,3 %; посещение выставок, посвященных археологии – 40 %. Позиция «никогда» чаще всего фиксировалась респондентами в отношении следующих форм деятельности: чтение книг и журналов об археологии – 93,6 %; посещение конференций по археологии – 93,3 %; обсуждение известных археологических находок, памятников археологии с семьей, друзьями, коллегами – 63 %. В качестве приоритетного источника информирования аудитория определяет пользовательский контент, транслируемый в непосредственной (личные рассказы) или опосредованной (соцсети) неформальной коммуникации.

Нарративы и маркеры, связанные с восприятием образа Аркаима, при интерпретации результатов опроса жителей региона в целом можно разделить на три обобщенные группы: *нарративы легитимной интерпретации* (указание на факты, научные гипотезы, процессуальную археологию, культивирование различных аспектов использования археологического наследия); *ресурсные маркеры* (акцентирование внимания на практических возможностях использования объекта, событийных или иных способах его освоения); *нарративы депрофессиональной популяризации* (указание на духовно-мистические, эзотерические или псевдонаучные версии происхождения и актуального состояния места).

Приводимые для оценки позиции (конкретные теги, по отношению к которым опрошенным предлагалось высказать свое отношение) распределились следующим образом:

– *нарративы легитимной интерпретации*: место раскопок, исторических находок – 45 %; археологическое наследие, эпоха бронзы – 39,3 %; место научных исследований археологов – 22,6 %; природно-ландшафтный заповедник – 21,3 %;

– *ресурсные маркеры*: познавательный туристический объект – 31,6%; место проведения фестивалей и фольклорных праздников – 6,6%;

– *нарративы депрофессиональной популяризации*: энергетический очаг, место духовной силы – 23,3%; прародина славянской культуры – 9%; прародина ариев – 7,3%; родина Заратустры – 4%.

При непосредственном контакте с посетителями Аркаима (интервью, включенное наблюдение) нами фиксировались наиболее распространенные практики освоения пространства: использование камней для создания сооружений, имитирующих мегалитические конструкции в миниатюре; завязывание ленточек в специально сконструированных («дерево желаний») или стихийных местах; создание импровизированных жертвенных алтарей (оставленные предметы, монеты, зерна и т. п.); практики медитации, осуществляемые самостоятельно или модулируемые человеком, выполняющим функции духовного наставника; восхождение на горы, находящиеся на территории Аркаима (гора Здоровья/Покаяния, гора Любви, Шаманка, гора Богатства, гора Счастья, гора Разума и другие), и совершение ритуала хождения по выложенным спиралевидным маршрутам (нередко с поднятыми к солнцу руками).

Если говорить о смысловой наполненности действий посетителей и, шире, мотивах посещения Аркаима, то здесь, как показывают результаты опроса, наиболее четко выделяются следующие стимулы личной мотивации:

– напиться целительной энергией, духом и силой места – 61,9%;

– задать себе вопросы о смысле жизни, понять себя – 42,3%;

– прикоснуться к истории человечества, ощутить связь с прошлым – 40%;

– побывать на природе, увидеть степь, встретить рассвет в горах – 39,5%;

– интересно провести время с друзьями, единомышленниками – 32,6%;

– изучить историю места, увидеть археологические находки – 27,5%.

В целом среди посетителей, как показывают предварительные результаты проведенных интервью, доминирующими оказываются не столько религиозное паломничество или мистические установки участия, сколько своеобразный тип *экзистенциального паломничества*, связанный с поиском ответов на вопросы о смысле жизни. Потребность человека в устойчивых и регулярных контактах (как показали результаты проведенного нами исследования, 68,5 % опрошенных респондентов указали на повторные, в том числе ежегодные, посещения Аркаима) объясняется, скорее, потребностью выхода за пределы повседневно-обыденных рамок жизни, связывается с истощением психологического ресурса и поисками места силы в природном ландшафте, чуда как эквивалента обретения ценностно-духовных координат.

Потенциал восприятия археологии как имиджевого ресурса (самобытность места, уникальные археологические достопримечательности) может характеризоваться как актуальная стратегия позиционирования и позитивный территориально-идентификационный маркер. В целом, опираясь на оценки реальных памятников археологии на территории региона, мы можем говорить об интегрирующем основании «символического капитала места», в котором переплетаются архетипические образы («истоки цивилизации», «память о прошлом»), магические и эзотерические мотивы («место паломничества», «энергетическая связь с тайнами прошлого»), а также прагматические инструменты маркетинга и имиджевого позиционирования территории (узнаваемость, туристическое продвижение, экономическое развитие).

3.3. РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Образование является одним из основных механизмов трансляции социального опыта и «присвоения» культуры, способствующих становлению личности. На каждом новом этапе своего развития образование как социокультурная институция

стремится обрести свое лицо, сформулировать цели, подходы и методы реализации общественных потребностей. Можно сказать, что на современном этапе цель образования переосмысливается и уточняется: *образование стремится решать в том числе задачи обретения способа видения действительности на основе ценностей родной культуры и признания существования множественности картин мира.*

В этом контексте особое место занимает культурология как «наука среднего уровня», раскрывающая связь мировоззренческих основ личности и повседневных практик. В прикладном аспекте происходит концептуализация в исследованиях педагогической культурологии.

Анализ современных социокультурных реалий позволяет говорить о происходящем в образовании культурологическом повороте. Понятие «культурологический поворот» акцентирует роль ценностных оснований культуры в обеспечении реализации принципов интеграции и целостности в образовании. Однако при всей востребованности культурологических знаний и способов понимания реальности (культурологическое видение) говорить о том, что «поворот» состоялся, было бы преждевременно. Культурологический поворот в образовании обусловлен рядом противоречий, которые до настоящего времени не разрешены: 1) усиление специализированности предметного знания в ущерб представлению – формирование у обучающихся целостной картины мира; 2) необходимость опираться в содержательном плане на сформированные логикой исторического развития ценности национальных культур – стремление к унификации образовательных практик; 3) потребность в формировании личности, способной адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям существования, обретать технические знания и навыки – и не утрачивать морально-нравственных оснований.

Идеи культурологического подхода восходят к принципу культуросообразности, сформулированному в XVIII веке А. Дистервегом⁷⁴, призывавшим учитывать исторически достигнутый

⁷⁴ См.: Дистервег А. О природосообразности и культуросообразности в обучении // Избранные педагогические сочинения. М., 1956. С. 227–234.

обществом уровень культуры и сформированный воспитательный идеал. Культурологический подход выступает в качестве основы для формирования представления о мире как целостности, позволяет видеть общее и выделять закономерности исторического развития на основе понимания ценностных ориентиров общества и личности. Культурология как рефлексия не только над прошлым культуры, но и над ее настоящим предполагает критическое отношение к действительности. Не дидактичность и ложно понимаемая назидательность, а умение «задавать вопросы бытию» сделали культурологию привлекательной не только для педагогов, но и для представителей других гуманитарных областей: филологов, историков, социологов.

В отечественной педагогике стало устойчивым словосочетание «культурологический подход в образовании», которое в работах В. В. Краевского⁷⁵, А. С. Запесоцкого⁷⁶, Н. Б. Крыловой⁷⁷ и других понимается как воплощение в образовательной практике ценностных оснований, обеспечивающих формирование культурной идентичности на основе приобщения к традициям (религиозным, этнокультурным, национальным) и актуализация культуротворческого потенциала личности.

Для образования как системы, в которой происходит становление и развитие человека культуры со сформировавшейся системой ценностей и развитым критическим мышлением, культурологический подход определил новый вектор – реализацию на практике идеи метапредметности. И речь можно вести не только о метапредметных результатах обучения, которые в соответствии с утвержденными федеральными государственными образовательными стандартами обеспечивают овладение навыками, необходимыми в XXI веке, но и новой образовательной стратегии, направленной не на приобретение наборов разнокачественной информации, а на понимание, осознание и рефлекссию.

⁷⁵ См.: Краевский В. В. Содержание образования: вперед к прошлому. М., 2001. 36 с.

⁷⁶ См.: Запесоцкий А. С. Образование : философия, культурология, политика. 2. изд. М., 2003. 454 с.

⁷⁷ См.: Крылова Н. Б. Культурология образования. М., 2000. 272 с.

Важным условием реализации культурологического подхода выступает не только понимание и признание значимости такого рода культурно-образовательной практики, но и способность и готовность педагогов к деятельности по трансляции социокультурного опыта. В логике педагогической культурологии⁷⁸ уместно рассматривать вопрос о формах и методах трансляции социально-культурного опыта в школе.

Обобщенно связь культурологического знания и педагогической практики:

- применительно к организации процесса обучения и воспитания раскрывается в *опоре на доминирующую в обществе систему ценностей*;
- предполагает *существование в открытой системе*, когда происходит постоянное расширение пространства для межличностного и межкультурного взаимодействия, самопроявления и реализации сущностных, творческих по своей природе, человеческих сил;
- обеспечивает выстраивание образовательных стратегий с опорой на *идеи диалога*, обусловленного признанием равноправия и взаимным уважением позиций участников диалога, толерантностью, признанием возможности существования множества точек зрения, что способствует реализации задач развития критического мышления, самостоятельности в выработке позиции в оценке явлений и событий, готовности к продуктивной коммуникации;
- развивает *идеи гуманитаризации* как основу для общих подходов в преподавании различных учебных дисциплин и как вариант реализации личностно-ориентированных педагогических систем.

Ранее мы описывали возможные сценарии культурологического поворота в образовании: *оптимистичный сценарий* предполагал доминирование идеи подлинной гуманитарной интеграции, когда потребность в развитии личности с развитым крити-

⁷⁸ См.: Бенин В. Л. Педагогическая культурология: состояние, проблемы, перспективы // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 1. С. 74–83; Видт И. Е. Введение в педагогическую культурологию. Тюмень, 1999. 101 с.

ческим мышлением, креативными способностями и готовностью к коммуникации с самыми разными людьми и культурами будет реализована, а культурология, таким образом, займет свое место «науки среднего уровня», связывая высокие философские материи с практикой жизни, обеспечивая осмысленное ценностное существование человека, общества и государства; *реалистичный сценарий* связывался с перспективой культурологии выступать теоретическим фундаментом социально-культурных проектов, программ и практик, направленных на развитие человека и социума; *пессимистичный сценарий* мог развернуться, если бы культурологическое образование перестало существовать как самостоятельный феномен⁷⁹. Можно констатировать, что в последнее время реалистический сценарий возобладал.

Изменения в установках и нормативной базе отечественного образования, произошедшие в последние годы, привели не только к уточнению задач обучения и воспитания, определению логики созидания единого образовательного пространства, обозначению ценностных ориентиров духовно-нравственного развития (см., например, Указ Президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в п. 20 которого говорится: «Сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру»⁸⁰).

Проблемы демографии, политическая, экономическая и социальная нестабильность заставляют задуматься о так называемой положительной самоидентификации молодых людей, о перспективах успешной социализации в том месте, где они живут, – по известной поговорке: где родился, там и пригодился.

⁷⁹ См.: Murzina I. Cultural Turn In Education: Perspective Model And The Realities Of Life // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (HPEPA 2019), Ufa, 15–16 ноября 2019 года. Vol. 93. Ufa, 2020. P. 735–742.

⁸⁰ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2.07.2021 №400...

Естественное желание человека гордиться своей страной, осознание ценности а главное, необходимости твоего существования не только тебе самому, но и обществу в целом, обращает к поиску оснований жизни. И здесь особое место занимает регион, где живет человек (а современная жизнь при всей ее кажущейся мобильности достаточно сильно привязывает человека к месту). Изучение культуры родного края рассматривается как условие для формирования социально ответственной личности, осознающей ценности культуры и стремящейся в своей деятельности их развивать и приумножать.

Как известно, основой формирования духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания выступает культурная идентичность, которая опирается на сформированный образ личностного «я». Процесс формирования культурной идентичности может носить стихийный или направленный характер. Под *стихийным* мы понимаем ненаправленный процесс формирования культурной идентичности, который связан с социальным окружением растущего человека, его повседневной жизнью в семье и обусловлен характером социальных взаимодействий и коммуникаций. *Направленный* характер формирование культурной идентичности приобретает в тех случаях, когда происходит осознание собственного «я» через получение знаний о культуре, к которой человек принадлежит, и соотнесение себя с «другими» – теми, кто относится/не относится к данной культурной общности (создается я-образ). В я-образ входят представления человека о самом себе: о своем внешнем облике, о личностных качествах, способностях, характере. Одной из задач педагога является способствование формированию позитивного я-образа, и, как следствие, позитивной культурной идентичности.

Путь формирования культурной идентичности можно представить как путь по освоению последовательно раскрывающихся пространств, в ходе которого и происходит процесс идентификации и выбора ориентиров.

Самое близкое пространство – пространство личности (его можно обозначить как я-пространство) раскрывается через обращение к человеку как таковому, через подчеркивание его отличия

тельных черт и личностных качеств. Идея дать ребенку возможность, с одной стороны, ощутить собственную уникальность, а с другой стороны, открыть для себя мир родных и близких ему людей в том числе и как смыслозначимый, как мир, в котором деятельностное начало, свойственное ребенку, может быть реализовано, лежит в основе обращения к я-пространству.

Личность человека проявляется через близкий ему мир, мир родного дома («мое пространство создано близкими мне людьми и продолжает созидаться в том числе и мною»).

Таким образом, мы обнаруживаем два не совпадающих целиком, но ценностно-значимых пространства: социальное пространство (близкие ребенку люди: родители, братья и сестры, бабушки и дедушки, другие родственники, друзья) и «географически фиксированное» пространство, дом (родной дом, в котором ребенок вырос, в котором живет вместе со своей семьей). По сути, оба эти пространства могут быть обозначены как «домашнее пространство». Достаточно вспомнить основные смыслы самого слова «дом»: «близкое пространство»; место, где живет человек и его семья, где он чувствует себя защищенным не только от природных стихий, но и от невзгод и бед. В русской культуре дом понимается и как строение, и как вселенная (модель мира), и как хозяйственная единица.

Если ближнее пространство ребенок воспринимает по преимуществу через себя самого, то центром следующего круга общения может быть дом, который одновременно выступает и как социокультурная категория, и как пространственная доминанта, раздвигающая пространство дальше и глубже.

Следующий пространственный круг – регион, в центре которого – населенный пункт, где проживает ребенок и его близкие. Освоение пространства региона начинается относительно родного города (деревни, поселка).

Поскольку пространство культуры является пространством постоянно расширяющимся, представленная схема может быть дополнена пространством страны, мира, углублена историческими реалиями и перипетиями, осложнена множественными социальными связями и контактами. Безусловно, освоение этого про-

странства в школьные годы только начинается, а продолжается на протяжении всей жизни.

Результатом освоения этих пространств становится символизация. Символизацию можно рассматривать как способ наделения окружающего мира смыслами. Процесс символизации означает, что пространство маркировано человеком, что из неизвестного (угрожающего в силу своей неосвоенности) или нейтрального (индифферентного по отношению к человеку) оно становится освоенным и ценностно-значимым. Это тем более важно, что в процессе символизации происходит не только узнавание культуры, но и ее присвоение. По сути, осваивая пространства личности, дома, региона, страны, индивид становится человеком культуры. Он осознает свою связь с родной культурой, начинает понимать себя как ее представителя (процесс обретения идентичности).

Освоение-присвоение пространства может идти в нескольких направлениях: человек знакомится с окружающим миром (информационная составляющая доминирует), если информация оставит у ребенка след в душе, на следующем этапе он сам захочет продолжать двигаться по этому пути. Этот путь внутреннего проживания культуры приводит к активной социально-культурной деятельности в дальнейшем.

Другой вариант. Ребенок принимает представленные сведения как данность, они становятся частью его информационного багажа. Возможно, когда-нибудь в дальнейшем эта информация актуализируется как ценностно-значимая, возможно, так и останется невостребованной. В обоих случаях информация выполняет роль ориентира в культурном пространстве.

Таким образом, в образовательной ситуации реализуются оба составных компонента содержания образования: информационный («знания») и ценностно-ориентирующий на пути освоения культурного пространства. В своем единстве они могут быть рассмотрены как условия формирования позитивной идентичности. Мы понимаем, что выбор жизненной стратегии, собственного образа является внутренней потребностью личности и поэтому не может определяться извне. Поэтому мы лишь предлагаем путь, на котором, как нам кажется, возможно обрести

себя как человека культуры (или человека с положительной культурной идентичностью). Важными условиями формирования позитивной культурной идентичности выступают эмоционально-положительный фон, на котором происходит получение информации о культуре; положительное восприятие своих близких и самого себя как носителей культуры; успешное усвоение ее ценностно-нормативной основы; готовность транслировать ее ценности, участвуя в продуктивных видах деятельности.

Мы ведем речь о разнообразии содержания образования, предполагающем не только включение в учебные курсы социально-значимой информации о месте жизни человека, но и выстраивание воспитательной и внеучебной работы таким образом, чтобы она оказывала серьезное влияние на формирование устойчивой ценностной основы жизни молодого поколения. Можно сказать, что обращение к жизни отдельного народа или отдельной территории – это попытка построить образовательные практики на основе освоения социокультурного опыта.

Социокультурный опыт рассматривается нами как особая система традиционных и актуальных культурных норм и ценностей, которые транслируются, сохраняются и воспроизводятся в социально-культурной практике. Как писал Д. С. Лихачев, «культура человечества движется вперед не путем перемещения в “пространстве-времени”, а путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые (если “старые” действительно настоящие), а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня. Поэтому ноша культурных ценностей – ноша особого рода. Она не утяжеляет наш шаг вперед, а облегчает. Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур – культур, удаленных от нас во времени и в пространстве древних и других стран. Каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека “своей культурой” – своей глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с познанием чужого»⁸¹.

⁸¹ Лихачев Д. С. Письмо сорок четвертое: Об искусстве слова и филологии // Письма о добром и прекрасном. М., 1988. 237 с.

Решение задач воспитания может быть определено как освоение социокультурного опыта, в котором применительно к российским реалиям сочетаются этнические, региональные, общегражданские ценности и образцы.

В рекомендациях к реализации федеральных образовательных программ особое внимание уделяется приобщению к культурному наследию России – страны, объединяющей культуры разных народов. Введение регионального материала в образовательные программы в этом контексте совершенно логично и мотивировано.

В обращении к истории отдельного региона особое значение приобретают ценностные характеристики: гордость за место, где ты живешь, и за людей, которые жили здесь, – это формирует положительную культурную идентичность у молодого человека, создает поле для поиска образцов для подражания. Однако одна ретроспекция не может удовлетворить все духовные потребности молодых людей. Возникает опасность увидеть в истории только «утраченный рай» и «утраченные возможности». Осмысление настоящего и «заряженность на будущее» молодых людей должны также получить свое воплощение в содержании образования. Обращение к современной геополитической, экономической, социальной и культурной жизни региона, исследование его проблем в контексте их возможного разрешения позволяют конкретной личности осмысленно выбирать свой жизненный путь.

Освоение регионального культурного пространства в его различных составляющих (исторической, этнологической, геокультурной, экономической) позволяет реализовать *задачу регионального образования – формирование региональной культурной идентичности членов данного сообщества как первого уровня общегражданской идентичности.*

В основе построения целостной системы изучения региональной культуры Урала лежит представление о крае как уникальном геокультурном феномене. При его изучении на практике реализуется возможность диалога «прошлое – настоящее», «национальное – региональное», «уральское – российское», формируется ценностно-ориентационная система и положительная региональная идентичность жителей края.

Воспитание на социокультурном опыте рассматривается нами как место встречи молодого человека с прошлым и настоящим страны как со *своей* историей: от *опыта-переживания* (эмоциональное отношение к событиям прошлого) через приобретение *опыта-познания* (изучение исторических свидетельств, посещение мест памяти, актуальных для регионального сообщества) к *опыту-действию* (участие в исследовательской, поисковой, волонтерской деятельности, направленной на сохранение культурной памяти как основы культурной идентичности).

Реализация задач воспитания на социокультурном опыте тесно связана с поиском педагогами общего и дополнительного образования адекватных современным подросткам образовательных событий, которые становились бы подлинными, не формальными событиями в личной и школьной истории; позволяли бы актуализировать умение использования современных гаджетов при создании позитивного и развивающего контента, направленного на поиск и представление образа места жизни; стимулировали бы стремление разгадать его тайну, знакомясь с историей и сегодняшним днем его жителей и представляя ее другим людям, используя Интернет; способствовали бы развитию позитивной региональной и культурной идентичности школьников.

Возможно, на этом пути значимой будет культурологическая рефлексия над существующими образовательными практиками региональной направленности с целью выявления их возможностей для формирования позитивной культурной идентичности.

Особое внимание в реализации программ воспитания сегодня уделяется единству урочной и внеурочной деятельности, что закреплено не только в обновленных федеральных государственных образовательных стандартах, но и осознается каждым педагогом-предметником. В рамках нашей работы остановимся на организации и содержании внеурочной работы, для которой региональная проблематика органична.

В воспитательной программе школы модуль «Внеурочная деятельность» является значимым компонентом.

Под *внеурочной деятельностью* следует понимать образовательную деятельность, направленную на достижение планируемых результатов освоения основных образовательных программ (предметных, метапредметных и личностных), осуществляемую в формах, отличных от урочной. Важно, что предлагаемые формы внеурочной деятельности (проектная и исследовательская деятельность, экскурсии, походы, деловые игры и пр.) предусматривают активность и самостоятельность обучающихся, позволяют сочетать индивидуальную и групповую работы, предполагают гибкий режим занятий (продолжительность, последовательность), переменный состав обучающихся.

Внеурочная деятельность направлена на социальное, творческое, интеллектуальное, общекультурное, физическое и гражданско-патриотическое развитие обучающихся, таким образом создаются условия для их самореализации и осуществляется педагогическая поддержка в преодолении ими трудностей в обучении и социализации.

Федеральными документами рекомендованы следующие направления реализации внеурочной деятельности:

- с преобладанием учебно-познавательной деятельности (внимание уделяется внеурочной деятельности по учебным предметам и формированию функциональной грамотности);
- с преобладанием педагогической поддержки обучающихся и работы по обеспечению их благополучия в пространстве школы;
- с преобладанием деятельности ученических сообществ и воспитательных мероприятий.

В каждом из этих направлений есть место для региональной проблематики. Однако существующие временные рамки, необходимость соблюдения санитарно-гигиенических требований и использования здоровьесберегающих технологий становятся естественными ограничителями на пути реализации заданных направлений. Чтобы региональная тематика не стала восприниматься как нечто избыточное и требующее дополнительных ресурсов (как временных, так и человеческих), нами

предложены направления деятельности, которые могут помочь решить эту задачу.

Одним из возможных направлений являются «Разговоры о важном», основные темы которых связаны с ключевыми аспектами жизни человека в современной России. Для организации «Разговоров о важном» в 2023–2024 учебном году для каждой возрастной группы (1–2, 3–4, 5–7, 8–9, 10–11 классы, среднее профессиональное образование) разработан тематический план, в котором обозначено основное содержание и направления деятельности обучающихся. В каждом из тематических блоков есть место для регионального материала. Рассмотрим возможности его включения в некоторые темы «Разговоров о важном».

Так, в теме «Там, где Россия» для учащихся начальной и основной школы авторами-разработчиками занятий предлагается интерактивная викторина «Знаем ли мы свой край?», в перечень слайдов которой можно включить знаковые изображения Среднего Урала, родного детям города/поселка в прошлом и настоящем. Хорошо, если на представленных фотографиях или в видеофрагментах будут земляки учеников. Для юных екатеринбуржцев это занятие можно дополнить рассказом о 300-летнем юбилее столицы Среднего Урала, на тожествах которого они наверняка побывали, и предложить поделиться своими собственными фотографиями праздника. В старших классах эта тема дополняется дискуссией о гордости за страну. В чем она состоит? История, культура, научные достижения: чем мы можем гордиться? Возможно, стоит обратиться к истории творцов науки и техники на Урале. Эта тема может стать основой для будущих индивидуальных или групповых проектов школьников историко-краеведческой, научно-технической или географической направленности.

Дополняет материал темы «Там, где Россия» занятие «Что такое Родина?», на котором предлагается обратиться к художественной культуре страны и региона. Разговор о художественных и исторических памятниках федерального и регионального значения, находящихся на Урале, о народах, населяющих наш край, становится логичным развитием темы. На наш взгляд,

важно подчеркнуть и такой момент: тема «Что такое Родина?» в 5–7 классах связывается с материалом, который изучается в рамках предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» и тем самым позволяет актуализировать предметные знания.

Важная тема «Герои нашего времени» может быть раскрыта через обращение к истории и современности края. Хотелось бы, чтобы эта тема была связана с разговором о созидательном труде и трудовом подвиге («Разговор о важном» на тему «Труд крут»). У народов Урала существует культ мастерства, а трудолюбие является значимым концептом.

Обратим внимание еще на одну тему – «День первооткрывателя». Исторический материал, который можно привлечь для обсуждения на этом занятии, связан не только с походами Ермака, колонизацией Урала, присоединением Сибири, но и с первопроходцами в различных областях – науке, технике, художественном творчестве.

Для нашего региона День народного подвига по формированию Уральского добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны (отмечается 11 марта) – памятная дата. В рамках «Разговоров о важном» она может стать темой для обсуждения как на занятиях, посвященных героическим страницами истории («Герои нашего времени»), так и при проведении «Урока памяти».

Думается, что региональный материал может быть актуализирован и при обсуждении темы «Как найти свое место в обществе» (профориентационная работа, направленная на знакомство с уральскими предприятиями), и при обсуждении темы «Первым делом – самолеты» (истории подвига Г. Я. Бахчиванджи, советского летчика-испытателя, Героя Советского Союза; легендарного летчика А. К. Серова, выдающегося надеждинца [Надеждинск – прежнее название г. Серова], бывшего сталевара металлургического завода; летчика-аса Великой Отечественной войны Г. А. Речкалова, генерал-майора авиации, дважды Героя Советского Союза), и при обсуждении темы космоса – с обращением к материалам Музея космонавтики и ракетно-космической техники, ведомственного музея НПО автоматики, одного из ве-

дущих предприятий космической отрасли Российской Федерации, находящегося в г. Екатеринбурге.

Внеурочные занятия «Разговоры о важном» позволяют решать задачи развития позитивной идентичности, формировать сознание уральца-патриота.

Среди возможностей включения региональной проблематики можно назвать программы внеурочной деятельности, рекомендованные Министерством просвещения РФ и дополненные материалами по истории и культуре Урала; разнообразные активности в пространстве школьного музея или библиотеки; медиапроекты; туристско-краеведческие мероприятия и их презентация в информационно-исследовательских, творческих, выставочных или социальных проектах и пр.⁸² Важно, чтобы активности, в которые вовлекают школьников или студентов, носили неформальный характер, выделялись в череде учебных будней. Перспективным является организация внеурочной и внеучебной деятельности на основе событийного подхода.

Событийный подход в педагогике чаще всего понимается как технология организации и осуществления значимых событий в жизни коллектива и отдельной личности. В исследованиях ученых-педагогов⁸³ образовательное событие понимается как значимая ситуация, которая аккумулирует социокультурный опыт обучающихся и становится основой для формирования ценностных установок через эмоциональную вовлеченность, коммуникацию и совместную деятельность. Авторы противопоставляют традиционный мероприятийный подход, которому свойственны строгий план мероприятий, заранее определенные и одинаковые для всех участников цели, содержание, порядок и способы взаимодействия, спрогнозированный конечный результат, событийному, при кото-

⁸² См. подробнее: Мурзина И. Я., Мурзин А. А. История Урала на каждый день. Екатеринбург, 2023. 192 с.

⁸³ См.: Мелик-Гайказян И. В. «Событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3(7). С. 54–76; Слободчиков В. И. Событийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Ученые записки. 2010. Серия: Психология. Педагогика. Т. 3. № 2 (10). С. 3–8.

ром делается акцент на проектировании контекста образовательного события, представляющего участникам возможность выбирать роль, способы коммуникаций и поведения, форму представления результатов⁸⁴.

Образовательное событие отличается уникальностью (позволяет выйти за границы повседневной активности, становится своеобразной кульминацией череды будней и одновременно позволяет получить оригинальный результат), опирается на продуктивную коммуникацию в процессе совместной деятельности, отличается высоким эмоциональным напряжением и вовлеченностью участников, обеспечивает условия для творческого самовыражения и импровизации, основывается на принятой учениками ответственности за собственные действия и их результаты.

Министерством просвещения ежегодно утверждается Единый календарь образовательных событий, которые приурочены к государственным и национальным праздникам России, к памятным датам и событиям отечественной истории и культуры. Задачей единого календаря образовательных событий является информирование обучающихся, родителей, педагогов, руководителей образовательных организаций различных типов, методистов о проводимых в Российской Федерации образовательных мероприятиях с целью планирования образовательных активностей, а также участия в них. В Единый образовательный календарь включены события межрегионального, всероссийского и международного уровней. Единый календарь составляет основу тематического планирования воспитательной работы в образовательных организациях. Сегодня мы на пороге решения задач интеграции фактов региональной истории, запечатленных в календаре, и выработки практик создания образовательных событий. Все это обеспечит расширение пространства для воспитательной работы и формирование подлинной позитивной региональной культурной идентичности.

⁸⁴ См.: Прохорова М. П., Ваганова О. И. Технология образовательного события в российской и зарубежной образовательной практике // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №4(29). С. 2.

3.4. ИДЕИ ПРОДВИЖЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ (Из опыта Детской академии русской культуры)

Просветительская и педагогическая деятельность с целью распространения позитивного опыта в сфере изучения традиционной народной культуры становится одной из приоритетных в вопросах воспитания и художественного образования детей и подростков.

Это обусловлено тем, что в начале XXI века в Национальной доктрине образования было отмечено значение сохранения, распространения и развития национальной культуры, бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России, воспитание граждан демократического государства, уважающих права и свободы личности, «обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов»⁸⁵. В постсоветский период, как отмечает Г. Л. Дайн, остро ощущается «...общественная потребность в формировании национального самосознания. В поисках корневых опор на зыбкой почве переходного времени, современники потянулись к отеческим истокам, к духовным ценностям предков»⁸⁶.

Отметим, что в Российской Федерации проживает 193 национальности (доля русских составляет 81 %). При этом сохраняется культурное многообразие, национальные ценности, обычаи и традиции, изучается историческое и культурное наследие народов, проживающих на территории страны. Для России всегда было актуально укрепление единства страны, нравственные идеалы и духовная жизнь этноса, гражданская идентичность

⁸⁵ О национальной доктрине образования в Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 4.10.2000 № 751 // Свободная школа : [сайт]. URL: <http://freeschool.education/wp-content/uploads/2020/04/2000-g.-Natsionalnaya-doktrina-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

⁸⁶ Дайн Г. Л. Детский народный календарь. Игрушка в культуре России. Хотьково : Сергиев Посад, 2010. С. 3.

и национальное сознание гражданина. В этом контексте народная художественная культура располагает огромным потенциалом. Как пишет Л. В. Ершова, «искусство играет роль своеобразного моста из прошлого в будущее, представляет зыбкую, но очень необходимую почву для взращивания человека»⁸⁷.

Больше четверти века Детская академия русской культуры (школа №1579, Москва) следует парадигме, которая предполагает систематическое приобщение подрастающего поколения к народной художественной культуре: устному народному творчеству, музыке, танцам, декоративно-прикладному искусству, фольклорному театру и другим видами творчества этноса⁸⁸.

У народного декоративно-прикладного искусства России особая среда, своеобразный почерк, в основе которого – талант, художественный вкус и чувство материала, опирающиеся на народную мудрость, сопряженную с гармонией природы и человека.

Л. В. Ершова в своём диссертационном исследовании пишет: «Уровень духовности человека теснейшим образом связан с его эстетической культурой, отношением к искусству. Воздействуя, прежде всего, на чувства, эмоции, переживания, искусство вносит глубокие изменения в его духовную сферу, проецируя внутреннее состояние человека на поведение и поступки»⁸⁹. О специфике народного искусства и его воздействии размышляет профессор М. А. Некрасова: «Народное искусство сохраняет во времени жизненные связи с природой, землей, этнической общностью, с историей народа, культурой, того или иного края, что коренным образом отличает его от массовых подделок под народное, которыми наводнен рынок и окружающая среда»⁹⁰.

⁸⁷ Ершова Л. В. Этнохудожественное образование как фактор современности // Материалы Всеросс. научно-практической конференции с межд. участием, посвященной памяти Т. Я. Шпикаловой. М., 2019. С. 7.

⁸⁸ См.: Резанов Л. Возвращение к истокам // Наука и жизнь : [сайт]. URL: <https://m.nkj.ru/archive/articles/3396> (дата обращения: 22.12.2023).

⁸⁹ Ершова Л. В. Становление непрерывной системы этнохудожественного образования в России: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2006. С. 3.

⁹⁰ Народные мастера. Традиции и школы / Отв. ред. и сост. М. А. Некрасова. М., 2006. С. 7.

В другом издании М. А. Некрасова особо отметит, что «народное искусство – духовная культура, базисная часть национальной культуры русского народа и других народов России»⁹¹.

Основные направления продвижения традиционного народного искусства для формирования и развития общероссийской идентичности в системе образования Детской академии русской культуры представлены:

- этнографическими экспедициями в течение учебного года как способом погружения в региональную культуру, повышения социально-культурной грамотности;
- исследовательскими практиками как способом осмысления своего собственного «я» и формирования мировоззрения;
- проектной деятельностью как формой реализации потребности воспитанника в самореализации;
- созданием видеоконтента, связанного с культурным наследием, к примеру, в рамках работы в школьном музее, которая может быть одним из способов активизации подрастающего поколения средствами народной традиционной культуры;
- использованием соцсетей как мощного канала трансляции популярных идей, интересов, предпочтений в контексте материального и культурного наследия страны.

Организация образовательных этнографических экспедиций стала неотъемлемой частью ежегодной работы педагогического коллектива. За двадцать пять лет (Детская академия появилась в 1995 году) совершено более шестидесяти этнографических экспедиций. В этих многодневных путешествиях практически ежедневно происходит освоение воспитанниками неизвестных им явлений в области народной художественной культуры, то есть «переоткрытие» знаний, технологий, всей системы сформированных на протяжении веков традиций и обычаев. Этнографические экспедиции были организованы и проведены в Архангельской, Вологодской, Ивановской, Костромской, Новгородской,

⁹¹ Некрасова М. А. Место народного искусства в современной культуре России как духовного феномена // Сборник материалов Всеросс. научно-практической конференции «Народное искусство России. Традиции и современность». Вологда, 2008. С. 8.

Белгородской, Нижегородской областях, Карелии, Красноярском крае, Бурятии и др. – всего двадцать девять регионов страны. В зависимости от региона определялись характеристики и задачи исследовательской работы.

Этнографические экспедиции, где целенаправленно осуществляются исследования современного состояния народной художественной культуры, представляют собой значительный резерв ресурсов познавательных практик. Путешествуя по стране, школьники, участники экспедиций, становятся свидетелями красоты сохранившейся традиционной архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Стилизованные и воплощенные в орнаментах образы вызывают у ребят восхищение, заставляют задуматься над загадочным символическим языком искусства наших предков. Для столичных путешественников-исследователей открывается удивительно гармоничный, гуманистический, экологически благоприятный мир народной культуры, сохраненный в отдаленных уголках нашей Родины.

Ценным ресурсом образования и воспитания является живой опыт носителей традиционной культуры – народных мастеров России. Знакомство подрастающего поколения с народными умельцами, педагогами дополнительного образования, учеными является приоритетным на всех выездных мероприятиях: экскурсиях, мастер-классах, этнографических экспедициях.

Экспедиционная деятельность дает немало не только этнографических, но и педагогических находок. Участники экспедиции попадают в непривычные условия, размещаются в нехарактерной социокультурной среде, знакомятся с людьми, ранее не известными, но имеющими общественное признание и весомые заслуги в области культуры и образования. Здесь ребята открывают для себя новые страницы в географии страны, ее истории и культуре.

Экспедиционные условия – уникальная возможность формирования коллектива и отдельной индивидуальности в нем. Для этого были разработаны законы взаимодействия друг с другом («закон гостя», «закон собрания», «закон приятного аппетита» и др.), критерии оценки участников по эмоционально-ценностным и деятельностным характеристикам, физической и специальной

туристско-экспедиционной подготовке. Этнографические экспедиции подталкивают ребят изучать культуру народов России, развивают интерес к культурному наследию страны, оттачивают характер, формируют нравственные критерии и нормы взаимодействия, учат на примере лучших современников.

Научно-познавательные цели, как и педагогические методы проведения этнографических экспедиций, положительно влияют на развитие патриотизма и духовно-нравственного потенциала подрастающего поколения, формирование ключевых культурных компетенций, когда участники становятся творцами личной образовательной программы, собирают ценную для сообщества краеведов информацию, учатся самостоятельно решать возникающие в процессе коллективной деятельности проблемы. Это важные составляющие современного отечественного образования. Приобщая школьников к истории и культуре народа, создают условия для восприятия, анализа и сопоставления бытовавших ранее и современных технологий ремесла, уровня эстетического чувства и мастерства наших предков, способов трансляции их художественных принципов в работах современных мастеров. Условия этнографической экспедиции позволяют в полной мере ощутить ансамблевые качества народной художественной культуры, синтез традиций и новаций в современных художественных промыслах и др.

Выбор микроисследования для каждого участника обусловлен особенностями темы и исследовательского опыта школьника. С каждым участником работает педагог, выстраивая многолетнюю работу от простого к сложному. В процессе работы в первой экспедиции участник формирует общие представления об исследовательских навыках, в дальнейшем руководитель экспедиции помогает закрепить и углубить исследовательские интересы и компетенции.

Важными элементами проводимой работы являются: самостоятельность, сопоставление наработанного материала с темой экспедиции и материалами по другим микроисследованиям, анализ собранного материала и систематизация данных для включения в общегрупповой отчет. Эти элементы лежат в основе

всей системы работы с учащимися и развиваются в течение всего учебного года. В данном случае личный или общегрупповой исследовательский отчет по итогам экспедиции является завершающим элементом годовичного цикла исследовательской деятельности школьника. Отметим, что библиотеку Московского детско-юношеского центра экологии, краеведения и туризма пополняют ежегодные разработки образовательных этнографических экспедиций Детской академии русской культуры.

Отличительной особенностью маршрутов этнографической экспедиции является то, что исследования проводятся на большой территории и в различных точках (возможно, в разных районах одной области или региона). Именно такая возможность – проводить исследования в различных районах определяет характерные особенности исследовательской работы в рамках маршрутной этнографической экспедиции. Изучение конкретного культурного или социального феномена исследуемого региона происходит в формате общегрупповой работы. Все участники экспедиции сосредоточены на всевозможных разновидностях и аспектах данного явления, а необходимость продвижения по маршруту требует оперативного сбора и анализа собранного материала.

Использование ресурсов этнографических экспедиций, как свидетельствует известный исследователь народной культуры Г. Л. Дайн, «чрезвычайно обогащает подрастающее поколение, укрепляет близкое к народному мировоззрение, объединяет на новые проекты, позволяет смелее двигаться по нехоженным дорогам истории и культуры, увереннее чувствовать себя в новых поисках, быть убедительным в их презентации и с гордостью относиться к родному Отечеству»⁹².

Школьный музей народного декоративно-прикладного искусства имени Заслуженного учителя Российской Федерации Г. А. Величкиной представляет собой еще одну форму приобщения к народной культуре, это сокровищница предметов обихода (утилитарных и декоративных) материального мира наших

⁹² Дайн Г. Л. Как войти в народную культуру. Экспедиционные и методические материалы, исследования, статьи. 1990–2014. Сергиев Посад, 2015. С. 236.

предков. Немалая часть подлинных экспонатов материальной культуры русского народа (из личной коллекции семьи Величкиных) добыта в частных поездках, творческих командировках Г. А. Величкиной и В. С. Величкина.

С 2003 года в пополнении экспозиции музея участвует коллектив педагогов и воспитанников Детской академии русской культуры. Эту работу удастся наладить во многом благодаря образовательным этнографическим экспедициям организации.

Школьный музей по жанру можно отнести к творческой модели «музей-мастерская». С этим трудно не согласиться, поскольку образовательные этнографические экспедиции работают на музей, а экскурсии, участники экспедиций, не заучивают тексты из книг, а получают информацию из рук самих носителей художественной культуры народных мастеров, глубоко изучая места бытования художественного ремесла или промысла, осознанно проводят экскурсии и участвуют в открытых мероприятиях.

Главная цель музея – создание условий для развития творческих способностей учащихся, формирование эмоционально-личностного отношения к ценностям народной культуры и ее носителям, формирование гражданской позиции социально-адаптированной личности в современных условиях.

Вспоминаются слова А. С. Пушкина, которые становятся лейтмотивом всей деятельности педагогов и призывом к подрастающему поколению: «Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Безусловно, что важным аспектом работы с подрастающим поколением является информационная культура. Использование гаджетов, Интернет-ресурсов в школьном образовании стало предметом обсуждения на уровне Правительства России, Государственной думы РФ и Министерства просвещения. По мнению профессора О. В. Шлыковой, «дальнейшее развитие информационной культуры позволит расширить представления о специфике ее базисных оснований и инновационного воздействия на “код” культуры в целом, но вместе с тем убедит и в том, что новые информационные технологии пришли не вместо традиционных социальных институтов, а вместе создавать культурное много-

образии»⁹³. Не запрещать, а использовать эти ресурсы во благо подрастающего поколения стало важной задачей педагогического воздействия. Каналы социальных сетей и представление в них материалов краеведческой, просветительской направленности в области туризма, создание в доступных видеохостингах собственного канала с размещением видеоразработок путешествий, занятий, спортивных походов, репортажей с мест проведения спортивных соревнований, чемпионатов по спортивному ориентированию и туризму в России и др. – все это в совокупности представляет собой богатейший материал воспитательной работы.

Опыт Детской академии русской культуры постоянно связывает задачи обучения с задачами стимулирования саморазвития личности через социально-позитивную деятельность, через воспитание культуры жизненного самоопределения, культуры взаимодействий, через воспитание интеллектуальной, нравственной, художественной, экологической, физической культурой.

В заключение следует отметить, что представленные идеи наилучшим образом определяют движение к государственному суверенитету и процветанию страны, основанным на прочных духовно-нравственных принципах, живительным источником которых являются ценности народной художественной культуры.

⁹³ Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания: кол. монография / Общ. ред. и сост. О. Н. Астафьевой и О. В. Шлыковой. М., 2019. С. 211.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астафьева Ольга Николаевна – директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, председатель Президиума Российского культурологического общества (г. Москва).

Девятова Ольга Леонидовна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Зубанова Людмила Борисовна – заведующая кафедрой философии и культурологии Челябинского государственного института культуры, доктор культурологии, профессор кафедры теории медиа ЧГУ (г. Челябинск).

Кириллова Наталья Борисовна – заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б. Н. Ельцина, доктор культурологии, профессор, Заслуженный деятель искусств РФ (г. Екатеринбург).

Ляпустина Полина Александровна – преподаватель кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Мурзина Ирина Яковлевна – доктор культурологии, профессор, директор ООО «Институт образовательных стратегий» (г. Екатеринбург).

Панкина Марина Владимировна – директор Департамента искусствоведения, культурологии и дизайна Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б. Н. Ельцина, доктор культурологии, профессор (г. Екатеринбург).

Резанов Леонид Владимирович – кандидат педагогических наук, учитель школы № 1579 (г. Москва).

Ситникова Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и дизайна филиала Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (г. Тверь).

Степанчук Юлия Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Федотова Наталья Геннадьевна – заместитель проректора по образовательной деятельности Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, социологии (г. Великий Новгород).

Шлыкова Ольга Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (г. Москва).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. Верховным советом РФ 09.10.1992 № 3612-1; ред. от 10.07.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 13.12.2023).

Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 года № 751 г. Москва «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Свободная школа : [сайт]. URL: <http://freeschool.education/wp-content/uploads/2020/04/2000-g.-Natsionalnaya-doktrina-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).

Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 года № 326-р «Стратегия государственной культурной политики до 2030 года» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

Указ Президента РФ 07.02.2008 № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 03.12.2023).

Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Про президента. Неофициальный сайт : [сайт]. URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html> (дата обращения: 04.11.2023).

Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808 «Об основах государственной культурной политики» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (дата обращения: 22.11.2023).

Указ Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные

Указом Президента РФ 24 декабря 2014 года №808» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 24.10.2023).

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Правительство Республики Ингушетия : [сайт]. URL: <http://pravitelstvori.ru/upload/normativnye-akty/ukaz-prezidenta-rf-ot-7-maya-2018-g.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 22.11.2023).

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 02.12.2023).

Unesco Declaration: Education 2030. Incheon Declaration and Framework for Action (2015). Retrieved October 22, 2022 // UNESCO : [site]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656_rus (date of access: 20.12.2023).

Абанкина Т. В. Тенденции и модели использования культурных ресурсов для устойчивого регионального развития / Т. В. Абанкина // Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. Кн. 3. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 313–320. – ISBN 978-5-7598-0577-9.

Антопольский А. Б. Цифровые гуманитарные исследования: монография / А. Б. Антопольский, А. А. Бонч-Осмоловская, Л. И. Бородин. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2023. – 272 с. – ISBN 978-5-7638-4876-2.

Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / Апель К.-О. // Трансформация философии. – Москва : Логос, 2001. – С. 193–236. – ISBN 5-8163-0017-2.

Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / Апель К.-О. // Трансформация философии. – Москва : Логос, 2001. – С. 237–262. – ISBN 5-8163-0017-2.

Арнольдов А. И. Основы марксистско-ленинской теории культуры: учебное пособие / А. И. Арнольдов, Л. Н. Коган, В. И. Межуев [и др.]. – Москва : Высшая школа, 1976. – 300 с.

Аронсон О. В. Кино и философия: от текста к образу / О. В. Аронсон. – Москва : ИФ РАН, 2018. – 109 с. – ISBN 978-5-9540-0341-3.

Аронсон О. В. Метакино / О. В. Аронсон. – Москва : Ad Marginem, 2003. – 123 с. – ISBN 5-93321-049-8.

Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев // Избранные труды. В 5 т. Т. 5. Кн. 2. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – С. 163–276.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. – ISBN 978-5-4448-0146-8.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / А. Ассман. – Москва : Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с. – ISBN 5-94457-176-4.

Астафьева О. Н. Диалог и полилог как основа взаимодействия культуры в современном мире: вопросы теории культурной политики / О. Н. Астафьева // Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение: кол. монография. – Москва : Проспект, 2019. – С. 31–55. – ISBN 978-5-392-31803-2.

Астафьева О. Н. Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий / О. Н. Астафьева // Культурная политика: от стратегии государства – к управленческим решениям организаций: Сб. ст. Вып. 9. – Москва : Изд-во «Согласие», 2022. – С. 28–46. – ISBN 978-5-907038-96-7.

Астафьева О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики / О. Н. Астафьева // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 6. – С. 574–585.

Астафьева О. Н. Креативный сектор инновационной образовательной среды вузов культуры / О. Н. Астафьева, Р. Ш. Ахмадиева // Обсерватория культуры. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 228–240.

Астафьева О. Н. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития / О. Н. Астафьева, Е. В. Никанорова, О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры. – 2018. – Том 15, № 5. – С. 516–531.

Астафьева О. Н. Полилог культур как расширение диалогической парадигмы в условиях глобализации / О. Н. Астафьева // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 78–101. – ISBN 978-5-7996-2527-6.

Астафьева О. Н. Смыслы культуры в контекстах и дискурсах культурной политики России // Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов : [сайт]. URL: <https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2022/dokladi/Astafeva.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

Балаш А. Н. Репрезентация в перформативном музее / А. Н. Балаш // Международный журнал исследований культуры. – 2022. – № 1 (46). – С. 6–17.

Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Академический проект, 2008. – 351 с.

Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2002. – 390 с. – ISBN 5-98704-075-2.

Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 336 с. – ISBN 5-267-00272-0.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. – 416 с. – ISBN 978-5-38-910595-9.

Бегунова Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике / Е. А. Бегунова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 50–55.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Москва : Академия, 2004. – 788 с. – ISBN 5-87444-203-0.

Беляева М. А. Новые музейные коммуникации / М. А. Беляева, Т. А. Ладыгина // Мир науки. Социология, философия, культурология. – 2018. – Т. 9, № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/09KLSK418.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

Бенин В. Л. Педагогическая культурология: состояние, проблемы, перспективы / В. Л. Бенин // Педагогический журнал Башкортостана. – 2011. – № 1. – С. 74–83.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Избранные эссе. – Москва : Медиум, 1996. – 240 с. – ISBN 5-85691-049-4.

Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 422 с. – ISBN 5-85691-036-2.

Бердяев Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – Москва : Мысль, 1990. – 173 с.

Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.

Библер В. С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в XXI век / В. С. Библер. – Москва : Политиздат, 1991. – 413 с. – ISBN 5-250-00739-2.

Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок; пер. Е. М. Лысенко; прим. и вступ. ст. А. Я. Гуревича. – Москва : Наука, 1986. – 256 с.

Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. – Москва : Искусство, 1971. – 544 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва : Постум, 2015. – 238 с. – ISBN 978-5-91478-023-1.

Большц Н. Азбука медиа / Н. Большц. – Москва : Европа, 2011. – 136 с. – ISBN 978-5-9739-0194-3.

Большой словарь иностранных слов // Gufo.me : [сайт]. – URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 01.11.2023).

Бонами З. Как читать и понимать современный музей. Философия музея / З. Бонами. – Москва : АСТ, 2018. – 224 с. – ISBN 978-5-17-098517-3.

Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность / А. В. Буганов // Историческая память и российская идентичность. – Москва : РАН, 2018. – С. 52–70. – ISBN 978-5-907036-24-6.

Будущая профессия // НИУ ВШЭ : [сайт]. – URL: <https://www.hse.ru/ma/dh/career> (дата обращения: 14.01.2024).

Васерчук Ю. А. Проектная культура дизайнера в контексте цифровой трансформации / Ю. А. Васерчук // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. – 2019. – № 1–2. – С. 284–291.

Василенко В. А. Традиции русской народной песенной лирики Сибири и современная хоровая самодеятельность (по материалам Омской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Василенко ; Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1956. – 15 с.

Василенко В. М. О развитии народного искусства / В. М. Василенко // Творческие проблемы современных народных художествен-

ных промыслов. – Ленинград : Художник РСФСР, 1981. – С. 44–59. – ISBN 978-00-1722661-0.

Василина Д. С. Виртуальный музей как феномен современной культуры / Д. С. Василина // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3 (24). – С. 96–102.

Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. – Москва : Совпадение, 2015. – С. 29–57. – ISBN 978-5-903060-82-5.

Васильев А. Г. Феномен творчества в контексте memory studies // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 227–231.

Васильева Т. Е. Роль музейной педагогики в формировании целостной личности / Т. Е. Васильева // Вестник КрасГА У. – 2007. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-muzeynoy-pedagogiki-v-formirovanii-tselostnoy-lichnosti> (дата обращения: 26.02.2024).

Васильченко Е. В. Музыкальные культуры мира: Культура звука в традиционных восточных цивилизациях: Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия / Е. В. Васильченко. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – 406 с. – ISBN 5-209-01166-6.

Велижева Н. К. Специфика новоевропейской музыкальной культуры и методологические проблемы анализа семантики музыки / Н. К. Велижева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. консерватории, 2004. – 190 с. – ISBN 5-98602-001-4.

Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы / Д. Вертов. – Москва : Искусство, 1966. – 320 с.

Видт И. Е. Введение в педагогическую культурологию / И. Е. Видт. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1999. – 102 с.

Видт И. Е. Введение в педагогическую культурологию / И. Е. Видт; Рос. Федерация. М-во образования. Тюм. гос. ун-т. Высш. пед. шк. Каф. общ. и социал. педагогики. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. – 101 с.

Всё о поступлении на программу Digital Humanities в ИТМО // Digital Humaniries Center : [сайт]. URL: <http://dh.itmo.ru/magistratura> (дата обращения: 15.10.2023).

Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве : международный симпозиум (Москва, 17–18 мая

2007 года) : сборник статей : [в 2 томах] / науч. ред.: Н. В. Кротова и др. – Москва : Московский гос. ун-т культуры и искусств, 2007. – 352 с. – ISBN 5-94778-124-7.

Галкин Д. В. «Digital Culture»: Методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей / Д. В. Галкин // Цифровая культура: Международный журнал исследований культуры сетевого сообщества «Российская культурология». – 2012. – № 3 (8). – С. 11–16.

Грубер Р. Всеобщая история музыки / Р. Грубер. – Москва : Музыка, 1960. – 488 с.

Гун Г. Е. Культурное наследие и культурная память: региональные срезы / Г. Е. Гун // Культура и цивилизация. – 2018. – № 4А (8). – С. 81–87.

Гусев В. Е. Фольклор в системе современной культуры славянских народов (проблемы славянского фольклора) / В. Е. Гусев // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : Докл. сов. делегации / VIII Междунар. съезд славистов, Загреб – Любляна, сент. 1978 г. ; Редкол.: И. И. Костюшко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1978. – С. 283–298.

Гутнер Г. Б. Постнеклассическое исследование: коммуникативный характер практик / Г. Б. Гутнер // Постнеклассические практики: опыт концептуализации. – Санкт-Петербург : ИД «Мирь», 2012. – С. 135–144. – ISBN 978-5-98846-089-3.

Гюйссен А. Бегство от амнезии. Музей как массмедиа / А. Гюйссен // Искусство. – 2012. – № 2 (581). – С. 36–51.

Дайн Г. Л. Детский народный календарь / Г. Л. Дайн. – 2-е изд., доп. и перераб. – Хотьково : Сергиев Посад, 2010. – 181 с. – ISBN 978-5-91582-030-1.

Дайн Г. Л. Как войти в народную культуру. Экспедиционные и методические материалы, исследования, статьи. 1990–2014 / Г. Л. Дайн; под ред. Г. Дайн и М. Дайн. – Сергиев Посад: Цветографика, 2015. – 292 с. – ISBN 978-5-905779-07-7.

Девятова О. Л. Композитор в системе культуры. Уч. пособие. / О. Л. Девятова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 183 с. – ISBN 978-5-7996-0692-3.

Девятова О. Л. Музыкальная культура стран Востока (Индия, Китай, Япония). Уч. Пособие / О. Л. Девятова. – Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2009. – 56 с. – ISBN 978-5-7996-0418-9.

Девятова О. Л. О культурологической интерпретации музыкального текста / О. Л. Девятова // Культурологический подход в образова-

нии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2001 – С. 54–55.

Девятова О. Л. Русский символизм и музыкальная культура XX века. Уч. Пособие / О. Л. Девятова. – Екатеринбург : Изд. дом «Автограф», 2016. – 128 с. – ISBN 978-5-98955-160-6.

Делез Ж. Кино / Ж. Делез; научн. ред. и вступ. статья О. Аронсона. – Москва : AdMarginem, 2004. – 624 с. – ISBN 978-5-91103-268-5.

Деллюк Л. Фотогения кино / Л. Деллюк. – Москва : Новые вехи, 1924. – 164 с.

Дистервег А. О природосообразности и культуросообразности в обучении / А. Дистервег // Избранные педагогические сочинения. – Москва : ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 227–234.

Домострой. Русский семейный устав / [отв. ред. М. Яновская]. – Москва : Эксмо, 2005. – 457 с. – ISBN 5-699-11350-9.

Емелин В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

Ермолин Е. А. Диалогическое самопознание культуры: внутренний ракурс / Е. А. Ермолин // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 281–284.

Ерохина Т. И. Сакрализация культурной памяти о Великой Отечественной войне в современном российском кинематографе / Т. И. Ерохина // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 4 (83). – С. 126–138.

Ершова Л. В. Становление непрерывной системы этнохудожественного образования в России: теория и практика: автореф. ... дис. д-ра пед. наук / Л. В. Ершова. – Москва, 2006. – 42 с.

Завершинский К. Ф. Культура и культурология в жизни общества: Уч. Пособие / К. Ф. Завершинский. – Великий Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого, 2000. – 92 с.

Загидуллина М. В. Археологическая тематика в СМИ в аспекте «публичной археологии» / М. В. Загидуллина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 40–48.

Загидуллина М. В. Прошлое в настоящем: о проблематичности культуры перехода интерпретации археологических данных / М. В. Загидуллина // Горизонты цивилизации. – 2023. – Т. 14, вып. 2. – С. 19–31.

Закс Л. А. О культурологическом подходе к музыке / Л. А. Закс // Музыка – культура – человек. В 2 ч. Ч. 1. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 1988. – С. 9–44.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина // Известия РАН. – 2011. – № 5. – С. 97–108.

Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика / А. С. Запесоцкий. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2003. – 454 с. – ISBN 5-02-006305-3.

Иконникова С. Н. Культурное пространство как ценность и национальное достояние / С. Н. Иконникова // История культурологических теорий. – 2-е изд. – Москва; Санкт-Петербург : Питер, 2005. – С. 35–55. – ISBN 5-469-00310-8.

Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова, Н. Б. Кириллова и др.; отв. ред. Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 292 с. – ISBN 978-5-7996-2527-6.

Ирхен И. И. Векторные процессы культурной политики и художественное образование в современной России / И. И. Ирхен // Вестник МГУКИ. – 2010. – № 5. – С. 152–157.

Ирхен И. И. Региональное образование в сфере культуры и искусства в глобализирующейся России: монография / И. И. Ирхен. – Москва : МГУКИ, 2012. – 239 с. – ISBN 978-5-94778-297-4.

Историческая культурология (Энциклопедия культурологии) / Отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва : Академический проект; Альма Матер, 2015. – 795 с. – ISBN 978-582911876-1.

Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : Материалы Международной научной конференции (XVI Колосницинские чтения), Екатеринбург, 19–20 ноября 2021 года. – Екатеринбург: [б. и.], 2021. – 468 с. – ISBN 978-5-7186-1875-4.

Каган М. С. Историческая динамика музыки в мире искусств / М. С. Каган // Музыка – культура – человек. Ч. 1. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – С. 65–80.

Каган М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 205 с. – ISBN 5-86708-101-X.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В. Л. Каганский // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1. – С. 62–70.

Кадцын Л. М. Краткая история профессионального искусства и художественного воспитания / Л. М. Кадцын. – Екатеринбург : Лисица, 2014. – 446 с. – ISBN 978-5-600-00592-1.

Каменский С. Ю. Актуализация культурологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / С. Ю. Каменский. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 26 с.

Кантор В. К. Культурологический подход к исследованию искусства / В. К. Кантор, М. С. Киселева // Эстетические исследования: методы и критерии. – Москва : ИФ РАН. – С. 106–123.

Карташева Н. Цифровая трансформация в сфере культуры и искусства / Н. Карташева // Центр оценки и кадрового развития специалистов в области цифровой трансформации (рекрутинговый центр) : [сайт]. URL: <https://cdto.work/2023/04/27/cifrovaja-transformacija-v-sfere-kultury-i-iskusstva/> (дата обращения: 10.11.2023).

Касавин И. Т. Наука – гуманистический проект / И. Т. Касавин. – Москва : Изд-во «Весь Мир», 2020. – 496 с. – ISBN 978-5-7777-0823-6.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева; ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с. – ISBN 5-94799-373-2.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва : ВШЭ, 2000. – 606 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

Кириллова Н. Б. Куда идут культура и наука о культуре? / Н. Б. Кириллова, Т. А. Кемерова, О. Л. Девятова [и др.] // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 129–138.

Кириллова Н. Б. Медиалогия: Наука глобализованного мира / Н. Б. Кириллова. – Москва : Академический проект, 2022. – 420 с. – ISBN 978-5-8291-3895-0.

Кириллова Н. Б. Уральская культурологическая школа: истоки, реалии, перспективы / Н. Б. Кириллова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27, № 3. – С. 93–94.

Кириллова Н. Б. Феноменология культуры и вопросы культурологии в научной деятельности Л. Н. Когана / Н. Б. Кириллова // Обсерватория культуры. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 4–11.

Кириллова Н. Б. Языковые трансформации медиатекста как фактора репрезентации реальности / Н. Б. Кириллова // Вестник ВГИК. – 2017. – № 3 (33). – С. 98–107.

Ключевые дисциплины // НИУ ВШЭ : [сайт]. – URL: <https://www.hse.ru/ma/dh/disciplines> (дата обращения: 14.01.2024).

Коган Л. Н. Теория культуры / Л. Н. Коган. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. – 160 с. – ISBN 5-230-06692-X.

Кондаков И. В. Интеграционный потенциал культурологии как междисциплинарной науки / И. В. Кондаков // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 3. – С. 207–213.

Кондаков И. В. Интерсубъективность культуры / И. В. Кондаков // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э. В. Сайко. – Москва : Наука, 2002. – С. 152–188.

Кондратьев И. В. Статус культурологии в системе научного знания / И. В. Кондратьев // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316, № 6. – С. 162–166.

Кондратьева С. Н. Художественная самодеятельность и фольклор (к проблеме народного хора) / С. Н. Кондратьева // Народное творчество. Вып. 1. Вопросы музыкальной самодеятельности и фольклора. – Москва : [б. и.], 1974. – С. 5–67.

Косарева А. И. Роль народного творчества в эстетическом развитии личности: дис. ... канд. филос. наук / А. И. Косарева. – Москва : Мысль, 1965. – 15 с.

Костина А. В. Концепция культуры А. Я. Флиера и ее роль в становлении отечественной культурологии / А. В. Костина // Культура культуры: [сайт]. URL: <http://www.cult-cult.ru/flier-s-concept-of-culture-and-its-role-in-the-development-of-russian-cultural-s> (дата обращения: 05.11.2023).

Краевский В. В. Содержание образования: вперед к прошлому / В. В. Краевский. – Москва : Педагогическое общество России, 2001. – 36 с. – ISBN 5-93134-130-7.

Кристева Ю. Разрушение поэтики: Избр. труды / Ю. Кристева. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 656 с. – ISBN 5-8243-0500-5.

Крылова Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – Москва : Народное образование, 2000. – 272 с. – ISBN 5-87953-146-5.

Культура.РФ. Музеи : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/museums/institutes/location-russia> (дата обращения: 13.11.2023).

Куприянова Е. В. Современные механизмы формирования имиджа археологических памятников в общественном сознании с помощью СМИ (на примере поселения бронзового века Аркаим в Челябинской области) / Е. В. Куприянова // Вестник культуры и искусств. – 2021. – № 2 (66). – С. 71–83.

Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография / А. А. Лисенкова. – Пермь: ПГИК, 2021. – 286 с. – ISBN 978-5-91201-355-3.

Лисина Н. С. Цифровая трансформация и общественный контроль: перспективы влияния / Н. С. Лисина // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 32–40.

Лихачев Д. С. Письмо сорок четвертое: Об искусстве слова и филологии / Д. С. Лихачев // Письма о добром и прекрасном. 2-е изд. – Москва : Детская литература, 1988. – 237 с. – ISBN 5-08-001057-6.

Лобанова Ю. В. Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы / Ю. В. Лобанова // Журнал интегративных исследований культуры. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 113–118.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки рус. культуры, 1996. – 464 с. – ISBN 5-7859-0006-8.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство, 2000. – С. 14–285.

Маклюэн Г.-М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г.-М. Маклюэн. – Москва ; Жуковский: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2003. – 464 с. – ISBN 5-86090-102-X.

Максимова Т. Е. Виртуальный музей: аналитический обзор зарубежных публикаций / Т. Е. Максимова // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 4 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-muzei-analiticheskiy-obzor-zarubezhnyh-publikatsiy> (дата обращения: 26.02.2024).

Малахов А. Что такое проектная культура / А. Малахов // Управление проектами. – 2016. – № 1 (36). – URL: <https://pmmagazine.ru/editions/1-36-2016> (дата обращения: 12.11.2023).

Малинова О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) / О. Ю. Малинова // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 1. – С. 75–91.

Малыгина И. В. Феномен «мемория» в современном дискурсе идентичности / И. В. Малыгина // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик : материалы Международной научной конференции, Москва, 28–30 октября 2020 года. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2020. – С. 442–445. – ISBN 978-5-00120-210-3.

Манович Л. Теории софт-культуры / Л. Манович; пер. с англ. А. Бадоян, Н. Лебедевой. – Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. – 208 с.

Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович ; [пер. Д. Кульчицкая]. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 399 с. – ISBN 978-5-91103-411-5.

Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : «REFUbook», 1994. – 368 с. – ISBN 978-5-9908655-2-5.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – Москва : Смысл, 1999. – 425 с. – ISBN 5-89357-027-8.

Медушевский В. В. Сущностные силы человека и музыка / В. В. Медушевский // Музыка – культура – человек. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – С. 45–64.

Мелик-Гайказян И. В. «Событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» / И. В. Мелик-Гайказян // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3(7). – С. 54–76.

Миронов В. В. Гуманитарная наука переходного периода: как создавалась кафедра истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ / В. В. Миронов, Н. А. Щипков // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 7–18.

Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания / О. Н. Астафьева, К. Х. Делюкаров, В. К. Егоров [и др.]; Международная Ассоциация Университетских Профессоров и Доцентов, IAUPЛ неправительственная организация; Гражданское общество и социальные коммуникации; Кафедра ЮНЕСКО Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Арктический государственный институт культуры и искусств. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Согласие”», 2019. – 296 с. – ISBN 978-5-907038-26-4.

Моретти Ф. Дальнее чтение / Ф. Моретти. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2016. – 342 с. – ISBN 978-5-93255-446-3.

Музей как медиа: Дискуссии в музее Бориса Ельцина / Под ред. Л. Старостовой. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2022. – 248 с. – ISBN 978-5-7584-0673-1.

Мурзина И. Я. История Урала на каждый день / И. Я. Мурзина, А. А. Мурзин. – Екатеринбург : ООО «Институт образовательных стратегий», 2023. – 192 с. – ISBN 978-5-6045545-9-3.

Народные мастера. Традиции и школы. Монография / Ред. и сост. М. А. Некрасова. – Москва : Akademia, 2006. – 432 с. – ISBN 5-87444-250-2.

Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU : [сайт]. URL <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

Национальный проект «Культура»: целевые показатели и основные результаты // Обсерватория культуры. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 156–159.

Негода Л. Л. Культура как форма социальной памяти нации / Л. Л. Негода // Культура и цивилизация. – 2019. – № 2 (10). – С. 93–98.

Некрасова М. А. Место народного искусства в современной культуре России как духовного феномена / М. А. Некрасова // Сборник материалов Всерос. научно-практической конференции. – Вологда, 2008. – 272 с.

Никжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия / А. Никжентайтис // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2012. – № 3. – С. 17–32.

Никитенко В. Н. Образование как социально-педагогическая и междисциплинарная категория / В. Н. Никитенко // Педагогика. – 2010. – № 10. – С. 21–25.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с. – ISBN 5-288-02318-2.

Нургалева Л. В. Виртуальный музей: новая коммуникационная модель / Л. В. Нургалева // Информационные технологии и их использование в исследованиях источников по проблемам ментальности евро-азиатских сообществ: Материалы Всерос. научной конференции. – Томск, 2003. – URL: <https://pandia.ru/text/80/279/31805.php> (дата обращения: 14.11.2023).

Оганов А. А. Преодоление культурного и образовательного консерватизма – путь к новым моделям образования / А. А. Оганов, И. Г. Хангельдиева // Обсерватория культуры. – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 128–141.

Олесина Е. П. Педагогическое музееведение как система учебного взаимодействия школы и музея / Е. П. Олесина, Е. Н. Полюдова // Педагогика искусства. – 2020. – № 3. – С. 70–71.

Орлов Г. Дерево музыки / Г. Орлов. – Санкт-Петербург; Вашингтон: Советский композитор, 1992. – 408 с. – ISBN 0-929647-03-3.

Панкина М. В. Дуальность как проектная сущность дизайна / М. В. Панкина // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–16. – С. 3629–3633.

Панкина М. В. Основы методологии дизайн-проектирования: уч. пособие / М. В. Панкина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 150 с. – ISBN 978-5-7996-3049-2.

Педагогический энциклопедический словарь // Slovar.cc : [сайт]. URL: <https://slovar.cc/enc/ped/2137593.html> (дата обращения: 12.11.2023).

Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3 / Платон ; [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. – Москва : Мысль, 1994. – 654 с.

Проблемы теории культуры : [Сборник статей] / Сост. и отв. ред. Н. С. Злобин. – Москва : [б. и.], 1977. – 259 с.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – Санкт-Петербург : Азбука, 1995. – 176 с. – ISBN 5-300-00114-7.

Прохорова М. П. Технология образовательного события в российской и зарубежной образовательной практике / М. П. Прохорова, О. И. Ваганова // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7, № 4 (29). – С. 2.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 238 с. – ISBN 5-02-027381-3.

Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности / К. Э. Разлогов // Вопросы философии. – 2015. – № 7. – С. 28–40.

Райн В. Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России / В. Ф. Райн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 718 с. – ISBN 5-86793-444-6.

Резанов Л. В. Возвращение к истокам / Л. В. Резанов // Наука и жизнь: [сайт]. URL: <https://m.nkj.ru/archive/articles/3396> (дата обращения: 22.12.2023).

Репина Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л. П. Репина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – № 3 (153). – С. 191–201.

Розин В. М. От концепции техногенной цивилизации к концепциям посткультуры и культуросообразной техники / В. М. Розин // Культура и искусство. – 2020. – № 8. – С. 34–47.

Розов Н. С. Устойчивое развитие и ценностное сознание / Н. С. Розов. – Новосибирск : ИФПр, 1994. – 30 с.

Романовская Е. В. Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская, Н. Л. Фоменко // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81–84.

Русские заговоры / Сост. Н. И. Савушкина. – Москва : Пресса, 1993. – 366 с. – ISBN 5-253-00573-0.

Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т. Т. 1. / Сост. В. Я. Пропп. – Москва : ГИХЛ, 1957. – 536 с.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Ж.-П. Сартр; примеч. В. П. Гайдамаки. – Москва : Прогресс, 1994. – 240 с. – ISBN 5-01-004262-2.

Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры и эстетика дизайнерского творчества: автореф. ... дис. д-ра искусствоведения / В. Ф. Сидоренко. – Москва: [б. и.], 1990. – 32 с.

Ситникова С. А. Знаки креста и круга в тверской традиционной культуре / С. А. Ситникова // Вестник славянских культур. – 2015. – №2 (36). – С. 75–91.

Ситникова С. А. Масленичный персонаж в тверском календарном обряде проводов зимы / С. А. Ситникова // Вестник Московского Государственного университета культуры и искусств. – 2014. – №1. – С. 152–158.

Ситникова С. А. Народные календарно-аграрные праздники и обряды в воспоминаниях торопецких старожилов / С. А. Ситникова, В. И. Ситников // Страницы музыкальной истории Верхневольжья: По материалам музыкально-краеведческих чтений 2002–2006. – Тверь : Гид, 2006. – С. 252–266.

Ситникова С. А. Освоение традиционной календарной обрядности в образовательно-просветительной деятельности национальных культурных центров в России / С. А. Ситникова // Традиционная народная культура в современной социально-культурной деятельности и образовании: кол. монография. – Саратов, 2016. – С. 49–54. – ISBN 2227-8397.

Ситникова С. А. Тверской обрядовый масленичный текст: реликты древних мифоритуальных представлений / С. А. Ситникова ; М-во образования и науки Российской Федерации; Гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Гос. акад. славянской культуры», Фил. федерального гос. бюджетного образовательного учреждения высш. проф. образования «Гос. акад. славянской культуры» в г. Твери. – Москва : ГАСК, 2012. – 193 с. – ISBN 978-5-85291-096-7.

Ситникова С. А. Фольклорная учебно-образовательная работа как форма освоения традиционной праздничной культуры / С. А. Ситникова // Фольклор в современной культуре: Материалы научно-практической конференции. – Тверь : СФК-офис, 2010. – С. 169–183.

Слободчиков В. И. Событийная образовательная общность – источник развития и субъект образования / В. И. Слободчиков // Ученые записки. Т. 3. Серия «Психология. Педагогика». – 2010. – №2 (10). – С. 3–8.

Смирнов А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация / А. В. Смирнов // Международный журнал исследований

культуры. – 2016. – №3 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-muzej-kommunikatsiya-ili-kommemoratsiya> (дата обращения: 26.02.2024)..

Смирнова Е. И. Теория и методика организации самодеятельного творчества трудящихся в культурно-просветительных учреждениях : [Учеб. пособие для вузов : Перевод] / Е. И. Смирнова. – Ташкент : Укитувчи, 1987. – 188 с.

Современная действительность сквозь призму культурологического знания: Материалы межд. форума «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» / Под ред. С. Б. Синецкого. – Челябинск: ЧГИК, 2020. – 123 с. – ISBN 978-5-94839-755-9.

Спивак Д. Л. Межкультурный диалог в новой среднесрочной стратегии ЮНЕСКО / Д. Л. Спивак // Международный журнал исследований культуры. – 2022. – №1 (46). – С. 111–125.

Срничек Н. Капитализм платформ / Н. Срничек. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 125 с. – ISBN 978-5-7598-1854-0.

Стёпин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / В. С. Стёпин // Глобальное будущее 2045: конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – Москва : МБА, 2013. – 271 с. – ISBN 978-5-906325-26-6.

Стёпин В. С. У истоков новой методологии историко-философских исследований (методологические идеи М. К. Петрова) / В. С. Стёпин // Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография / М. К. Петров ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2015. – С. 384–385.

Тарковский А. А. Запечатленное время / А. А. Тарковский // Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. статей. – Санкт-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2012. – С. 177–205. – ISBN 978-5-86007-681-5.

Теоретическая культурология / Под ред. К. Э. Разлогова. – Москва : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с. – ISBN 5-9291-0491-1.

Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. // lexicography.online : [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (дата обращения: 01.11.2023).

Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва : Индрик, 1995. – С. 63–77.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995. – 530 с. – ISBN 5-85759-015-9.

Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. / А. Л. Топорков. – Москва : Индрик, 1997. – 455 с. – ISBN 5-85759-052-3.

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. – Москва : [б. и.], 2004. – 814 с.

Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 1999. – 784 с. – ISBN 5-237-00960-3.

Трошина Т. М. Музы и звезды: сборник статей / Т. М. Трошина; ред.-сост. Е. Южакова. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 273 с. – ISBN 978-5-7584-0185-9.

Тхагапсоев Х. Г. Информационно-семиотическая теория культуры: введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев [и др.]. – Санкт-Петербург: Астерион, 2020. – 208 с. – ISBN 978-5-00045-882-2.

Ушинский Д. К. Собр. соч. Т. 2 / Д. К. Ушинский ; Ред. коллегия: А. М. Еголин (глав. ред.), Е. Н. Медынский и В. Я. Струминский ; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики. – Москва ; Ленинград : Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – 656 с.

Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для учащихся. Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово» // Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 4 / К. Д. Ушинский ; [вступ. ст., сост. и примеч. С. Ф. Егорова] ; Акад. пед. наук СССР. – Москва : Педагогика, 1988–1990. – 526 с. – ISBN 5-7155-0008-7.

Фаминцин А. С. Богиня весны и смерти в песнях и обрядах славян / А. С. Фаминцин // Вестник Европы. – 1895. – № 7. – С. 134–148.

Федотова Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) / Н. Г. Федотова // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 2 (20). – С. 42–62.

Фролов С. С. Возможности воздействия на целевую аудиторию на основе практики убеждающей коммуникации / С. С. Фролов // Коммуникология. – 2018. – Том 6, № 1. – С. 92–94.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8–27.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва : Новое изд-во, 2007. – 346 с. – ISBN 978-5-98379-088-9.

Хангельдиева И. Г. Гуманистика в цифровую эпоху: новый ренессанс? / И. Г. Хангельдиева // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 6. – С. 564–573.

Хренов Н. А. Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски: монография / Н. А. Хренов. – Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024. – 624 с. – ISBN 978-5-88373-813-4.

Художественное образование в культурном пространстве Арктики: материалы Международной научно-практической конференции, 26–27 ноября 2009 г., г. Якутск / Под ред. С. С. Игнатъевой и др. – Якутск: АГИИК, 2009. – 319 с. – ISBN 978-5-91858-002-8.

Цифровая гуманитаристика // СКБ Контур : [сайт]. URL: https://dh-urfu.skbkontur.ru/?utm_source=site&utm_medium=urfu&utm_campaign=urfu&utm_term=magistratura_tsifrovaya_gumanitaristika#term-1 (дата обращения: 15.10.2023).

Цукерман В. С. Актуальные проблемы развития культуры: уч. пособие / В. С. Цукерман, С. С. Соковников. – Челябинск : ЧГИК, 1990. – 75 с. – ISBN 5-7752-0041-1.

Что такое цифровая трансформация? // РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d695a969a79476ed81148ef> (дата обращения: 10.10.2023).

Шапинская Е. Н. Впечатления на продажу: современные тенденции в культуре потребления / Е. Н. Шапинская // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vpechatleniya-na-prodazhu-sovremennye-tendentsii-v-kulture-potrebleniya> (дата обращения: 27.02.2024).

Ширинкин П. С. О некоторых эволюционных аспектах использования символических ресурсов и внедрения туристического легендирования в развитие регионального туризма и образовательной деятельности в высшей школе / П. С. Ширинкин // География и туризм. – 2018. – № 2. – С. 76–81.

Школа диалога культур : Идеи, опыт, перспективы : Сб. статей / Под общ. ред. и с предисл. В. С. Библера. – Кемерово : Алеф, 1993. – 414 с. – ISBN 5-85119-004-3.

Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории / В. А. Шнирельман // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – Москва : РАН, 2018. – С. 12–34.

Шор Ю. М. Очерки теории культуры / Ю. М. Шор. – Ленинград : ЛГИТМИК, 1989. – 158 с.

Шуб М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательные потенциал / М. Л. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 3 (36). – С. 80–87.

Шуб М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий / М. Л. Шуб // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 4–11.

Шумихина Л. А. Метафизика символов русской культуры. Уч. Пособие / Л. А. Шумихина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 120 с. – ISBN 978-5-7996-0443-1.

Шумихина Л. А. Генезис русской духовности / Л. А. Шумихина. – Екатеринбург : УрО РАН, 1998. – 365 с. – ISBN 5-7691-0824-X.

Эйзенштейн С. М. За кадром / С. М. Эйзенштейн // Избранные произведения в 6 т. Т. 2. – Москва : Искусство, 1964. – С. 283–296.

Экранная культура. Теоретические проблемы. Сб. статей / Под. ред. К. Э. Разлогова. – Санкт-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2012. – 752 с. – ISBN 978-5-86-007-681-5.

Ярычев Н. У. Актуальные мемориальные исследования: ключевые тренды и перспективы развития / Н. У. Ярычев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 57. – С. 23–29.

Allington D. Neoliberal Tools (and Archives): A Political History of Digital Humanities / D. Allington, S. Brouillette, D. Golumbia // Los Angeles Review of Books : [сайт]. – URL: <https://lareviewofbooks.org/article/neoliberal-tools-archives-political-history-digital-humanities/> (date of access: 27.10.2023).

Archer B. The Three Rs / B. Archer // Design Studies. – 1979. – Vol. 1, № 1. – URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/design-studies/vol/1/issue/1> (date of access: 11.11.2023).

Armstrong H. Digital Design Theory: Readings from the Field / H. Armstrong. – New York : Princeton Architectural Press, 2016. – 156 p. – ISBN 978-1616893088.

Assman A. Re-framing Memory; Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past / A. Assman // Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. – Amsterdam, 2012. – P. 35–50.

Assman J. Communicative and Cultural Memory / J. Assman // Cultural Memories. The Geographical Point of View. – London; New York, 2011. – P. 15–28.

Assman J. Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination / J. Assman. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 319 p. – ISBN 978-1139498487.

Brasil A. J. Intercultural dialogue and intergroup relations in Europe: contributions of cultural studies and social psychology / A. J. Brasil, R. Cabecinhas // Comunicação e Sociedade. – 2019. – Special Vol. – P. 105–118.

Bryant R. The Anthropology of the Future / R. Bryant, D. M. Knight. – Cambridge : Cambridge University Press. 2019. – 275 p. – ISBN 978-1108378277.

Burke P. Co-memorations. Performing the Past By / P. Burke // Memory and political change. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – 223 p. – ISBN 978-0230301993.

Dumont F. Le Lieu de l'homme. La culture comme distance et mémoire / F. Dumont. – Montréal : HMH, 1968. – 233 p. – ISBN 2-7621-1657-0.

Gálik S. Thinking in the network / S. Gálik // Central European Journal of Communication. – 2020. – №27 (3). – P. 446–459.

Gálosi A. Designing Authenticity in Virtual Museum Tours / A. Gálosi. – Papers in Arts and Humanities. – 2022. – №2(2). – P. 1–14.

Gere Ch. Genealogy of the computer screen / Ch. Gere // Visual Communication. – 2006. – №5 (2). – P. 141–152.

Gere G. Digital culture / G. Gere. – 2-d ed. – London : Reaction books, 2002. – 248 p. – ISBN 1-86189-1431.

Guerlac S. Humanities 2.0: E-Learning in the Digital World / S. Guerlac // Representations. – 2011. – T. 116. – №1. – C. 102–127.

Halbwachs M. The collective memory / M. Halbwachs. – New York : Harper & Row, 1980. – 196 p. – ISBN 0-06-090800-9.

Hopper-Greenhill E. Museums and the Shaping of Knowledge / E. Hopper-Greenhill. – London; New York : Routledge. 1992. – 246 p. – ISBN 0-415-06145-8.

Huhtamo E. Elements of Screenology: Toward an Archaeology of the Screen / E. Huhtamo // ICONICS: International Studies of the Modern Image. – 2004. – Vol. 7. – P. 31–82.

Image of archaeology in Europe – Summary report General Public // Nearch : [site]. – URL: <http://www.nearch.eu> (date of access: 13.12.2023).

Jasanoff S. Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S.-H. Kim. – Chicago : University of Chicago Press, 2015. – 360 p. – ISBN 978-0226276526.

Kaun A. Ways of seeing digital disconnection: A negative sociology of digital culture / A. Kaun // *Convergence*. – 2021. – Vol. 27(6). – P. 1571–1583.

Kirillova N. B. Media culture of a globalised world: evolution of language technologies / N. B. Kirillova // *Changing Societies & Personalities*. – 2020. – № 4(4). – P. 427–440.

Kirillova N. B. Virtual museum as a new model of communicative culture and museum pedagogy prospects / N. B. Kirillova, P. A. Lyapustina. – *Perspectives of Science and Education*. – 2023. – № 63 (3). – P. 662–675.

Kirillova N. B. Creative Potential of Media Education as a New Paradigm of the Information Age / N. B. Kirillova // *International Scientific Conference on Philosophy of Education, Law and Science in the Era of Globalization (PELSEG 2020)* : Proceedings of the International Scientific Conference on Philosophy of Education, Law and Science in the Era of Globalization (PELSEG 2020), Ekaterinburg, 13–14 February, 2020. Vol. 447. – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – P. 191–195.

Manovich L. Computer vision, human senses, and language of art / L. Manovich. – manovich : [site]. URL: <http://manovich.net/index.php/projects/computer-vision-human-senses-and-language-of-art> (date of access: 14.12.2023).

Manovich L. Media after Software / L. Manovich // *Journal of visual Culture*. – 2013. – Vol. 12 (1). – P. 30–37.

Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities, and Cultural Analytics / L. Manovich. – manovich : [site]. URL: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-social-computing> (date of access: 14.10.2023).

Murzina I. Cultural Turn In Education: Perspective Model And The Realities Of Life / I. Murzina, Ye. Zhukova // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (HPEPA 2019)*, Ufa, 15–16 November, 2019. Vol. 93. – Ufa : Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla, 2020. – P. 735–742.

Muzykant V. Media competences as the keystone of electronic culture and contemporary education / V. Muzykant, O. Shlykova // *Media Education (Mediaobrazovanie)*. – 2019. – № 1. – P. 105–115.

New Webster's dictionary of the English language : college edition / [executive editor Edward G. Finnegan]. – Delhi : Surjeet publ., 1989. – 1824 p.

Olick J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic / J. Olick, J. Robbins // Annual review of sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 105–140.

Polyudova E. Museum as Meditative Environment / E. Polyudova // Conference Paper. Barselona Conference on Education. 20 November, 2020. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355930894_Museum_as_Meditative_Environment (date of access: 23.10.2023).

Rapanta Chr. Intercultural education for the twenty-first century: A comparative review of research / Chr. Rapanta, S. Trovão // Dialogue for intercultural understanding. Placing cultural literacy at the heart of learning. – Springer, 2021. – P. 9–26. – ISBN 978-3-030-71777-3.

Roppola T. Designing to the museum visitor experience / T. Roppola. – London; New York : Routledge, 2012. – 322 p. – ISBN 978-0415891844.

Sidorenko E. L. Transformation of law in the context of digitalization: defining the correct priorities / E. L. Sidorenko, P. von Arx // Digital Law Journal. – 2020. – Vol. 1, No 1. – P. 24–38.

Snow C. P. The two cultures and the scientific revolution / C. P. Snow. – Cambridge : Cambridge University Press, 1959. – 58 p.

Tonkin E. Narrating our pasts. The social construction of oral history / E. Tonkin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 118–131.

Tuan Yi-Fu. Language and the Making of Place: A Narrative-Descriptive Approach / Yi-Fu. Tuan // Annals of the Association of American Geographers. – 1991. – № 81(4). – P. 684–696.

Научное издание

Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании

Монография

Ответственный за выпуск *Н. А. Юдина*

Редактор *К. Т. Казарина*

Компьютерная верстка *А. Ю. Матвеев*

Подписано в печать 28.02.2024. Формат 60X84/16.

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Усл. печ. л. 14,18. Тираж 150 экз. Заказ № 45.

Издательство Уральского университета

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

